ВИКТОР УРИН

По колымской трассе — к полюсу холода

МАГАДАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1959

Авторы фотографий, помещенных в книге:

К. Безумов, В. Буланов, К. Крамаревский, А. Малкин, А. Сандлер, В. Саклин, В. Урин.

РИТЕ АГАШИНОЙ,

прилетевшей «на минутку» из Сталинграда в Магадан, чтобы подарить путешественникам варежки и проводить их к Полюсу холода.

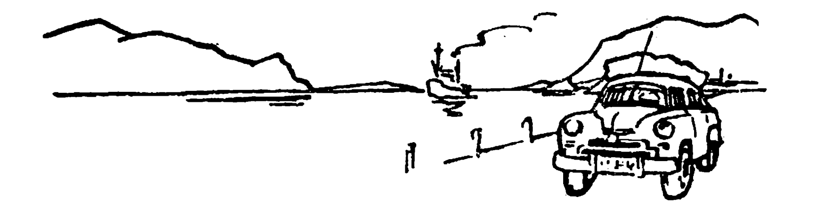
ПРОЛОГ

Еще вчера они мечтою были —
Межзвездные ракеты-корабли,
Ну, а сегодня в современной были
Луна всего лишь пригород Земли.
Как быть?
Как относиться нам друг к другу,
Когда такой взыскательный пример:
В раскосую, космическую вьюгу
Ушел гонец Союза ССР.
И нам, друзья, удел счастливый выпал
(Не это ли подарок всей стране?)
Впервые укрепить советский вымпел, —
Как на высотке взятой, — на Луне.
Пусть будет ясность наших отношений
И сила наших радостей и мук
На высоте технических свершений,
На уровне деяний наших рук.
И чтобы за техническим прогрессом,
Борясь за всенародный интерес,
На приисках сердечных полным весом
Духовный ощутили мы прогресс.
Я верю:
Сердце тоже, как планета,
И если очень, очень захотеть,
Возвышенное чувство, как ракета,
Сумеет неожиданно взлететь.
Неважно, что ханжи и маловеры

Туманят благороднейший рассвет,
Или приводят «умные» примеры:
Мол, у сердец пока что базы нет.
Ты пробуй, молодое поколенье,
Среди забот,
Волнений бытовых
Преодолеть земное притяженье
Поступков обывательских своих!
Я счастлив присягнуть родному краю,
Узнать, что наши дни накалены,
Что именно таких людей встречаю
На рудниках и шахтах Колымы.
Дерзать в коммунистической бригаде,
Идти трудиться, как на торжество,
И знать, что в каждом слове, в каждом взгляде
Один за всех и все за одного!
О, нет, чужое сердце — не потемки,
И чувства совершают свой полет,
Чтоб на Луне
Товарищи потомки
С любовью вспоминали этот год.
Наш первый год рабочей семилетки,
Нелегкой от начала до конца,
Когда впервые в мире, как в разведке,
Находятся ракеты и сердца.
Нам это напряженье
Все желанней,
Мы главного добьемся наконец:
Ведь лучшее из всех завоеваний —
Прекрасное созвездие сердец.
Сердца воспринимайте как планеты,
Где вспыхивают добрые огни
И где уже запущены ракеты
Высоких чувств, рожденных в наши дни.

◆

Ворота колымского края

Владивосток — Находка. — Бал в Охотском море. — В колымской столице. — «Самая-самая...» — Железные сердца. — Электропаяльник. — На ольском «Кон-Тики». — Гадля. — Бригада ставного невода. — Методом народной стройки. — Туман и солнце. — Радуга-символ. — «Золотой Монгадан».

До войны в средней школе на уроке географии мы говорили: «Самые большие морозы на полюсе холода, в далеком Верхоянске». И за этот, якобы правильный ответ, учитель в дневнике ставил нам пятерку. А в это время академиком С. В. Обручевым уже было доказано, что есть в Советском Союзе место, где в январскую ночь мороз достигает семидесяти градусов. Верхоянск остается позади. Новый полюс холода, открытый экспедицией Обручева, — это якутский поселок Оймякон. И расположен он далеко за Верхоянскими хребтами, несколько южнее 64-й параллели, на северо-востоке Якутской республики.

А нельзя ли добраться туда на автомашине?

Переправиться морем из Владивостока в Магадан, а оттуда попытаться по северным трассам и бездорожью достигнуть полюса холода? Нет, серьезно! Дело заманчивое.

Я знал, что знаменитый русский исследователь Иван Черский от Якутска до Индигирки (то есть в те районы, куда я намерен был ехать на автомашине) добирался

более двух месяцев. Что касается Обручева, то он к полюсу холода — в Оймякон — шел от Якутска сорок три дня. «Совершенно неизвестная область», — записал он в дневнике.

С той поры прошло тридцать лет. Советские годы неузнаваемо преобразили «неизвестные области» Индигирки и Колымы. «Увеличивается также выпуск цветных и редких металлов», — говорил товарищ Н. С. Хрущев на XXI съезде нашей партии. Редкий металл... Золото... Северо-восточная валютная кладовая нашей страны. Как там живут люди? Как они борются за то, чтобы увеличить выпуск цветных металлов?

«Окраинная» земля! Как мало мы знаем о дальних уголках своей Родины! Любят советские люди отправляться в туристские поездки за рубежи нашей страны: ездят в страны народной демократии, в Индию и по Скандинавии, побывали в Америке и в Африке. Очень хорошо! Но вот по окраинам нашей большой страны почему-то у нас не принято путешествовать. Есть несколько маршрутов по Волге, по Кавказу, Прибалтике, по Уралу и, пожалуй, все. А Сибирь, а Дальний Восток, а Крайний Север? Вот и решил я отправиться в новый автотуристский поход по неизведанному маршруту от берегов Охотского моря по колымской земле через хребет Черского к полюсу холода, в Оймякон.

Автомашина М-72 со сталинградским номером СЩ 6254, на которой мы прошли от Москвы до Владивостока, была законсервирована в Приморье и простояла полтора года в гараже под брезентом. Все это время я готовился к новому путешествию. В июне 1958 года вылетел во Владивосток, чтобы поставить автомобиль «на ноги» и переправить его через два моря — Японское и Охотское — из бухты Находки в бухту Нагаева.

В эти дни во Владивостоке демобилизовался молодой моряк Владимир Мусатов. Он служил как раз в том гараже, где стояла на консервации М-72.

Володя узнал о моих планах и сказал:

— Если вы не возражаете, я поеду с вами. Подыщу себе на Колыме работу, возможно, останусь там навсегда.

Володя оказался не только шофером-профессионалом, но и опытным фотолюбителем. И я с радостью зачислил его в экипаж.

Во время расконсервации машины выяснилось, что в заднем мосту «полетел» подшипник, лопнул средний траверс и надо менять тормозные колодки. Словом, пришлось солидно повозиться. Володя не жалел сил, помогая мне привести машину в порядок, и примерно через десять дней мы уже были готовы к нелегкому походу.

Утром Володя из шланга умывал бежевый кузов и, можно сказать, сквозь слезы счастья посмотрел я на свою автомашину, когда она, заправленная по форме, собиралась уходить из военного гаража «в увольнительную».

До свидания, Владивосток! На прощание ты машешь нам крылом гидросамолета, награждаешь живописной дорогой и уверяешь, что через несколько часов мы встретимся с бухтой Находкой.

Забегая вперед скажу, как автотурист, я, разумеется, не задерживался на одном месте, и мои путевые дневники не претендуют на всесторонний охват событий и проблем, характерных для такого необъятного края, как Колыма. Для меня все было в новинку, и читатель это должен учитывать. Жизнь на Колыме так быстро меняется, что впечатления и факты прошлого года вступают в противоречие с новыми событиями. Отрезок дороги, по которой мы ехали, стал дражным полигоном. Футболисты Сусумана, проигравшие в прошлом году, стали победителями в этом сезоне. Там, где человек работал вчера, сегодня он уже не работает, как например бурхалинец Алексеев: он стал начальником прииска «Ударник». Да мало ли новинок в большой текучей жизни колымского края! Отчасти по этим причинам в отдельных случаях пришлось мне заменить фамилии колымчан вымышленными именами. Что касается моих спутников, Игоря Мутолапова и Виктора Саклина, то я объединил их в одном лице и вывел в книге под именем Володи Мусатова.

ВСТРЕЧА С НАХОДКОЙ

Мне снилось недавно:
Я стал пароходом,
А рядом товарищи-корабли,
Соперники, резво бегут по водам,
Огнями подмигивают... А вдали...

Это взаправду или как будто?
Смущенный дальше плыву.
И вдруг
Под вечер меня обнимает Бухта
Нежными скалами женских рук.

О, сколько в ней было добра и света!
Приморские, ласковые края,
Как хорошо —
Существует где-то
Бухта Находка, мечта моя.

Она раскинулась крутоскало,
Улыбается каждому кораблю.
Покидая Бухту свою устало,
Я дал гудок, я сказал: «Люблю-у...»

Я был пароходом.
Я был многотонный.
Я множество тонн всяких радостей нес.
Я был кораблем под названьем «Влюбленный»,
И все это было всерьез.

И если беда
Налетит мгновенно
И если почувствую —
Сердцем продрог,
Я к Бухте своей протяну наверно
Усталые руки дорог.

И неожиданно, вспоминая
Теперь уже занятый кем-то причал,
Я Бухте Находке скажу:
— Родная!
Не здесь ли, в Приморье, тебя встречал?

О, как ты молчала красноречиво
И как не умела себя беречь,
Когда целовал я глаза залива
В тени обнаженных скалистых плеч.

Как говорится, любовь не тетка.
Я был пароходом,

И мне довелось
В тебя влюбиться, Бухта Находка,
В приморскую осень твоих волос.

Тихоокеанская Находка отвоевала у моря и скал широкую прибрежную полосу. Здесь, у бетонных причалов, высятся трехэтажные склады, оборудованные лифтами, стоит целая вереница портальных кранов, снуют паровозы, которые связывают торговый и рыбный порты с четырьмя железнодорожными станциями.

В бухте Находке наша автомашина парила над сопками, как птица. Она плавно опустилась на борт парохода «Феликс Дзержинский», который и должен забросить нас на Крайний Север — в бухту Нагаева. Отсюда, по магаданской, а затем по якутской земле, мы с Володей будем штурмовать полюс холода.

После погрузки у нас осталось еще немного времени, чтобы познакомиться с Находкой.

Несколько лет назад население этого приморского города не превышало тридцати тысяч человек. Сейчас в Находке — более восьмидесяти тысяч жителей.

Сотни юношей и девушек по призыву партии приехали в Находку из Москвы, Владимира, Костромы, Иваново, Тулы...

В диспетчерской порта мы узнали, что Находка отправляет многочисленные грузы на Чукотку и Курильские острова, на Сахалин и Камчатку, а оттуда принимает уголь и нефть, цветные металлы и рыбу, пушнину, целлюлозу, китовый жир... У причалов порта швартуются многочисленные океанские пароходы из Англии, Индии, Кореи, Австралии, Польши, Пакистана, Италии, Либерии, Кубы, Западной Германии, Норвегии, Китая... Сегодня первым регулярным рейсом, по расписанию, прибыло в Находку японское судно «Тайсей Мару».

Мы выехали на катере и встретили японцев на рейде. Почему они так приветливо нам машут? О чем думает моряк, работающий на палубе? И разве не знаменательно: около советского портального крана, на кабине которого можно прочитать «Мир возьмет верх», стоит у причала дружбы «Тайсей Мару».

Мир возьмет верх!

И, словно перекликаясь с надписью, идут вверх по тра-

пу «Феликса Дзержинского» молодые поборники мира — более пятисот новоселов, которых через пять дней поведет Магаданская область по своим золотым дорогам.

Их руки голубями плещутся над кормой корабля. Пускай из разных концов страны собрались они в этот рейс, но где бы они ни жили прежде, — с этой минуты все они новоселы Крайнего Севера, трудовая гвардия Магаданского совнархоза.

И ВОТ ОТКРЫЛСЯ ОКЕАН

И вот открылся океан.
Совсем не много, но не мало:
Искрилась острая вода, как будто битое стекло,
И дивным творчеством своим природа волны украшала,
И ночью продолжался день, и солнце искоса текло.

Словами трудно передать оттенки все и краски эти.
Как весел, как тревожен он,
Ночной, охотноморский край,
Когда чарующая даль в тончайшей золотистой сети,
И всюду пестрые цветы, хоть выходи и собирай.

В июне долго мы плывем
Приветливым Охотским морем,
Не думая, что в октябре оно сурово встретит льдом.
Так радуемся мы тому, что после станет нашим горем,
И так горюем мы над тем, что будет радовать потом.

Несется ветер по волнам, то скомкав их, то разутюжив.
И совершенно без ночей, а только днями напролет
В плавучей пене,
В бирюзе,
В движении ажурных кружев
С раздумьями о Колыме спешит на север пароход.

...Ночью в Охотском море — веселое свечение. Чем темнее на небе, тем светлее вода — микроорганизмы, фосфорный свет.

Свечение воды — световой путь — зажигающееся море. И прибрежные ночные камни, если море взволнованно, тоже светятся. А когда штиль, камня не видно. Волна с моря бежит со скоростью пассажирского экспресса.

В Охотском море, у Шантарских островов, — лед круглый год. Море коварное. Туман — бич моряков. Если радиолокатор вышел из строя, возможно столкновение. Капитан, плавающий на Охотском — хороший моряк. Если матрос говорит, что он с Охотского моря, — это лучшая для него рекомендация. Он, как шофер, работавший в районе с плохими дорогами. Итак, Охотское море стало символом хорошей репутации.

Мы идем в Магадан на «Феликсе Дзержинском». Магаданцы знают этот пароход, как в маленьком городке знают старого врача или фельдшера. И никто уж не говорит: «Главврач», все по-домашнему зовут: «Иван Степаныч». Так и здесь. Кто-то назвал пароход «Феликс Дзержинский», и сейчас же смуглолицая девчонка заметила:

— Впервой к нам едете?

— Откуда вы узнали?

— Да вы «Феликса» по-казенному величаете, а мы — запросто, как свои.

Кто же едет в Магадан на этом железном островке и откуда они, эти люди? В море на «Феликсе» был организован большой корабельный бал. И уже по участникам самодеятельности можно было судить о географии новоселов. Тут и Зоя Солодкая из Краснодара, и отчаянная плясунья Аня Целовальникова, о которой все говорили: «Анка-полтавчанка», тут и ленинградские парни Розов и Федоров со своей задорной «Песней боевых друзей», и веселая москвичка с Красной Пресни Зося Магометова...

К сожалению, на наших молодежных праздниках не часто звучат песни революции. Но здесь, на корабле, пели! И даже сочинили новые слова на мотив «Варшавянки»:

> В бой самый дружный,
> Родине нужный
> Марш, марш вперед,
> Комсомольский народ!
> В край Магаданский,
> Суровый и вьюжный,
> Сердце горячее несет патриот.

Этот припев был написан большими буквами на огромном щите.

Какая изумительная, волнующая перекличка с революционной молодостью гражданской войны! Героика первых грозных лет революции бросила свой прекрасный отсвет на наши дни, и подобно тому, как молодость шла в бой за власть Советов, нынче внуки революции под ту же самую мелодию едут завоевывать суровый Север.

— Из Охотского моря, — сказала комсомолка Светлана Польшина, — мы передаем Родине своей северный, но горячий привет! Это большое счастье быть там, где трудно, где государство говорит: «Нужно».

Запомнилась танцевальная сюита, которую молодежь поставила экспромтом. Представьте себе: выходят в круг четыре пары и танцуют. И вдруг... Какой ветер занес сюда эту трясущуюся пару? Так изуродовать танец! С такой тщательной безвкусицей! Милиционер подходит к стилягам, но один из танцующих предлагает ему не вмешиваться. Жест означает: «Не беспокойтесь, мы сами справимся». И четверо молодых людей берут стилягу за руки-ноги и раскачивают возле борта парохода... В это время ведущий концерт говорит: «А не пора ли выбросить стиляг за борт нашей жизни?»

Вместе со зрителями этому номеру «аплодировал» и пароходный гудок.

Потом начались состязания. Команда моряков присвоила себе звание «Ракетоноситель», а команда пассажиров — «Спутник». В самом деле, разве они, моряки из команды «Ракетоноситель», не выносят молодых новоселов на орбиту новой жизни? Пассажирский «Спутник» защищал свою спортивную честь и в перетягивании каната, и за шахматной доской, и на боксерском ринге, и в состязаниях по штанге...

А вечером — новое событие. Комсомольцы узнали, что у Юры Кукурека день рождения. Ему исполнилось двадцать два года. Совсем недавно Юра работал мастером-строителем на сахарном заводе в станице Каневской Краснодарского края. Думал ли он, отправляясь в края вечной мерзлоты, что, уже в море на приисках человеческих сердец, он найдет драгоценные самородки большого трогательного внимания! Его новые друзья, которых знал-то он не более трех дней, «в складчину» заказали шеф-коку именинный торт в девять килограммов, на котором кремом было написано: «Новоселу Юрию Кукуреку —

от Охотского моря». А сколько дружеских пожеланий счастья и удачи в жизни! Навсегда ему запомнится день, когда Лариса Ляшенко приняла торт и посмотрела на него как-то по-необычному нежно... Потом на полуюте она составляла список приглашенных, как это делала ее краснодарская мама, когда в доме намечался семейный праздник. На верхней палубе мешки с картошкой расположили, как бугорки, прикрыли их брезентом, и получилась великолепная импровизированная поляна. Разумеется, знаменитое кондитерское чудо корабельного шеф-кока растаяло в два счета.

За эти пять пароходных дней многие новоселы перезнакомились, подружились, а кое-кто успел и влюбиться. Не избежал этой участи и Володя. Во время погрузки нашей машины на борт «Феликса» Володя ушибся. Со своей царапиной на локте он пошел в корабельный медпункт, и его ужалила йодом и своими бойкими глазами медсестра Рая Сабурова. Каждый вечер на палубе устраивали танцы, и Рая танцевала только с Володей.

— Вот что я вам скажу, — признался мой спутник. — Я даже сам удивлен. Надо же было прожить двадцать два года, чтобы здесь, в Охотском море, встретить настоящего человека...

— А не слишком ли ты торопишься с выводами? — сказал я осторожно.

— Нет! Это серьезно! — Володя нахмурил брови и при этом так посмотрел на меня, что я ему поверил.

— Как же вы решили?

— Дней через десять «Феликс» снова придет, и мы встретимся, потом будем переписываться. Она такой человек! Вообще я бы на ней женился. Правда, есть одно обстоятельство...

Он не договорил, а я не стал расспрашивать. Володя спросил меня, верю ли я в любовь с первого взгляда, и на эту тему мы с ним проговорили полночи.

Утром капитан «Феликса» Павел Илларионович Федоров, старый магаданец, рассказывал у карты области о Колыме, о том, как неузнаваемо преобразился колымский край. Промышленность, сельское хозяйство, пушнина, рыба, рудники и прииски...

— А клубы в этой глуши есть? — спросила Зося Магометова.

— Ах, Зося! Какая ты, право, наивная... Там тебе встретятся такие Дома культуры, поверь, не хуже твоей Красной Пресни. Например, замечательный Дворец в Мяундже...

— А если не Мяунджа? Если нас в другое место?

— Тогда вы сами построите. Так что не волнуйся, Зося, натанцуешься...

Сходя на берег в Нагаевском порту, Юра Кукурека, как, впрочем и Володя, в прямом и переносном смысле парил в облаках. Приморский туман окутал бухту. Мы выгрузили свою автомашину и вслед за Юрой и его друзьями последовали туда, где вечный огонь молодости спешит отогреть вечную мерзлоту Крайнего Севера...

Мчатся автобусы по трассе, и слышат поселки горячую песню, рожденную на корабле:

> В юных сердцах — комсомольская доблесть,
> Кузница бодрости — северный край.
> Здравствуй, моя Магаданская область,
> Ты молодых новоселов встречай!..

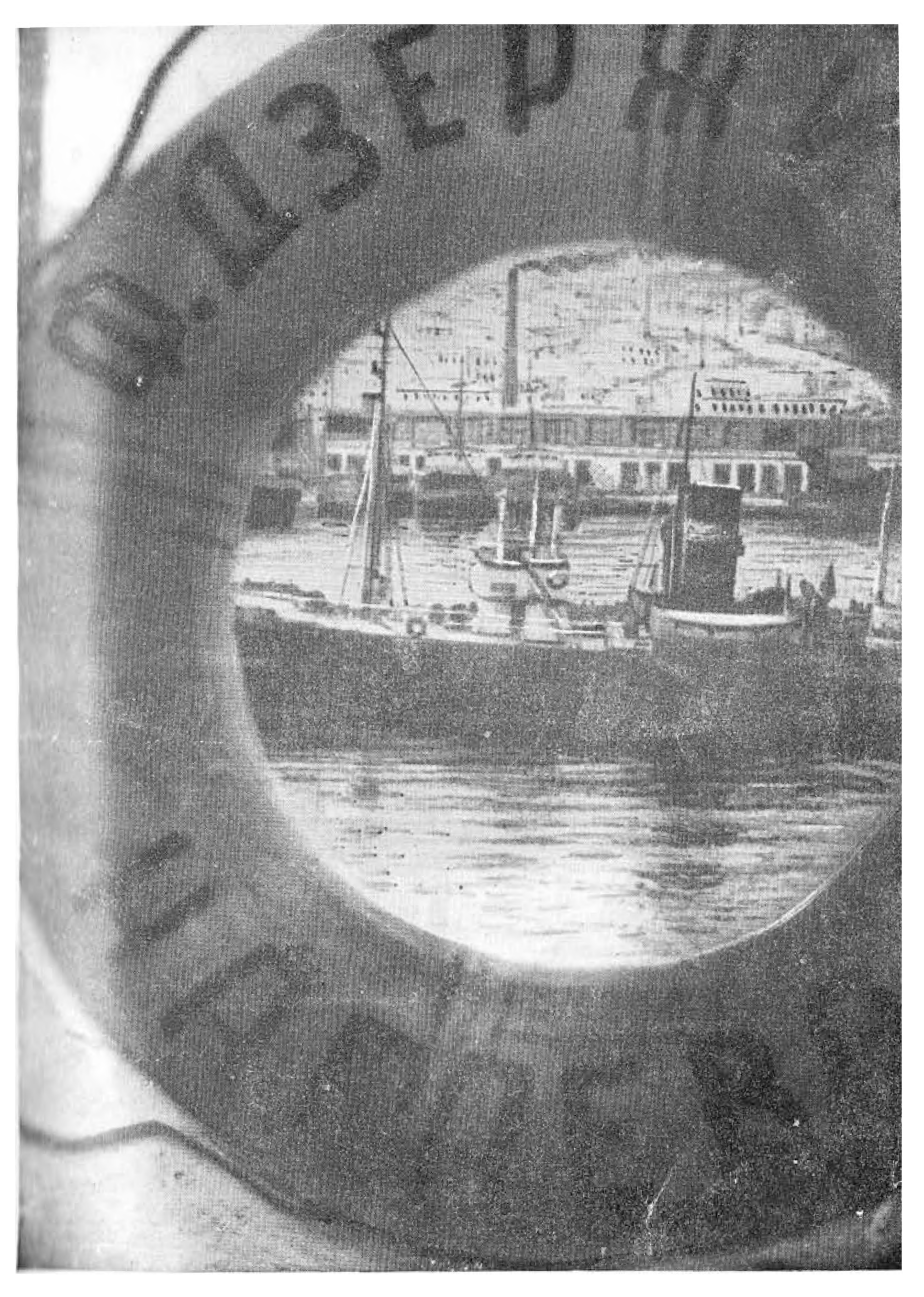
— Семнадцать полсотни семь! — говорит мне справочное по телефону о номере магаданской гостиницы.

Вестибюль. Идет нам навстречу высокая девушка с темно-русым узлом волос на затылке. Мы вместе плыли на «Феликсе». Ая Смирнова — геолог. Она в свитере и брюках, в резиновых сапогах. Места в гостинице не дают. Нам тоже. Мы ушли — она осталась. Приходим на следующий день — она идет из номера, уже в красных босоножках.

— Как, вам дали место?

— Измором взяла. Поторчите сутки здесь — и вам дадут.

Если приезжаешь в чужой город и жить тебе негде — отправляйся бродить. Можно многое заметить, когда ты сердит. Хорошее настроение не располагает к наблюдательности. Вот почему сегодня утром, так и не устроившись в гостинице, я пошел гулять, а Володя поехал в Магаданский горный техникум узнавать насчет приемных экзаменов. Сможет ли он, демобилизованный моряк, без отрыва от путешествия, заниматься на заочном отделении горных механиков? Володя окончил в армии седьмой класс.

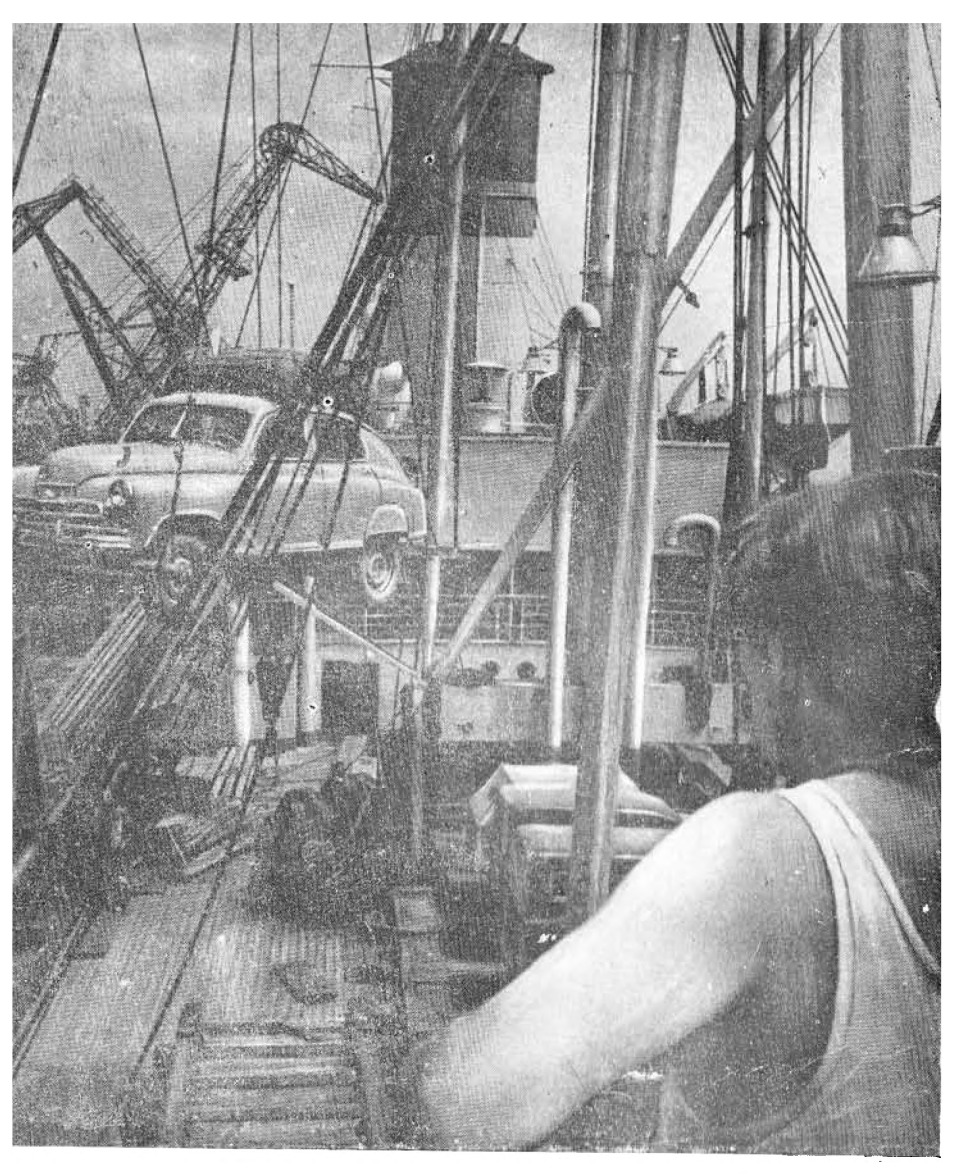

Пусть от Находки
До Магадана
Славный «Дзержинский»
Везет молодежь!..

Шуга — седые волосы залива —
Плывут воспоминанья Колымы...
И вслед за тем призывно, говорливо
Идет весна на север, то есть — мы.

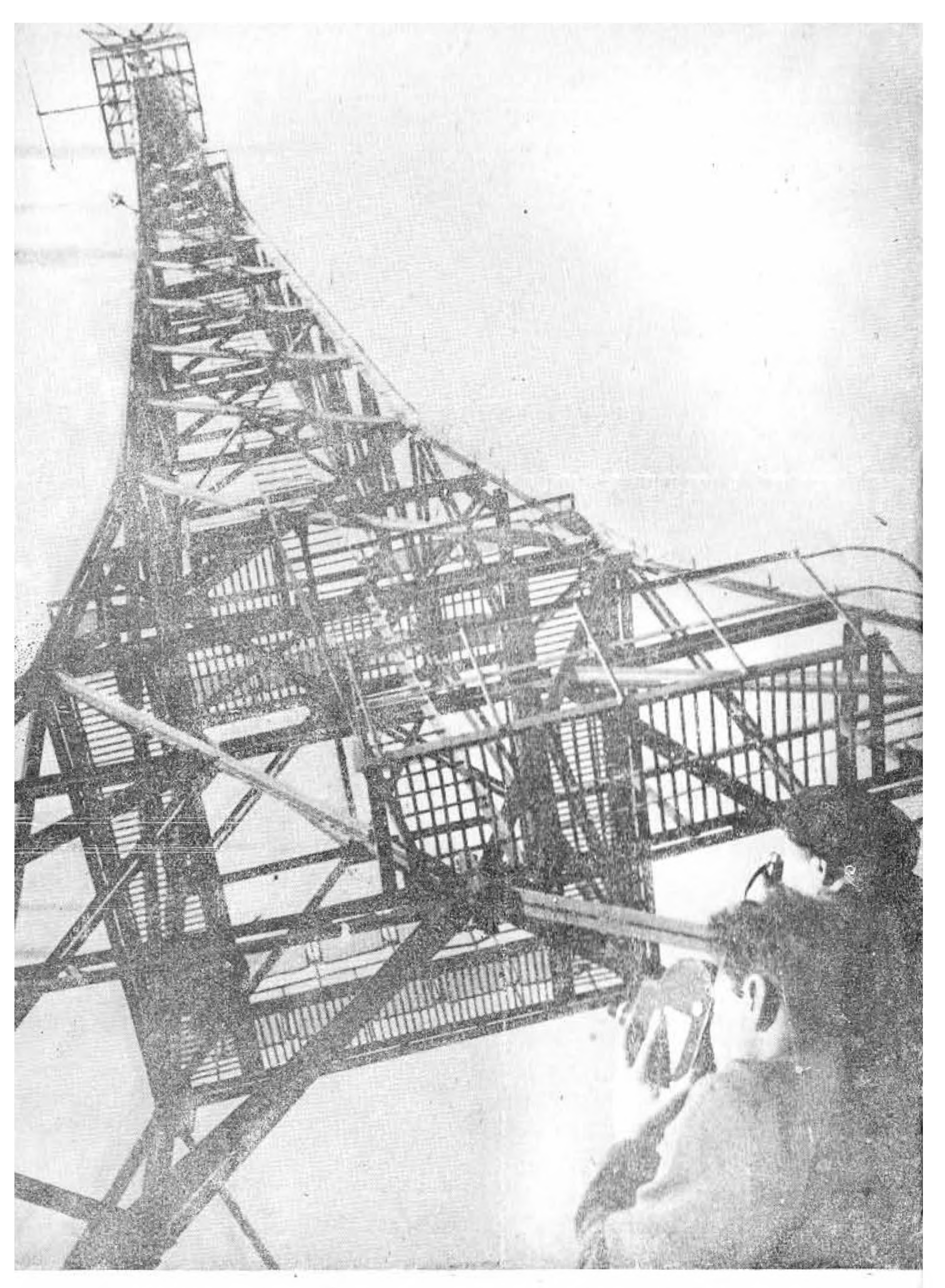
Мы новоселы. Нас все больше стало.
Добровольцы, молодость сама.
Нас обнимает бухта у причала,
Встречает мать родная — Колыма...

...Еще минута — и покажется, что машина парит над сопками, как птица.

...Председатель Магаданского обкома ДОСААФ тов. ***Макушкин*** *просит передать вымпел морякам Кронштадта. Балтийскому морю от Охотского моря.* →

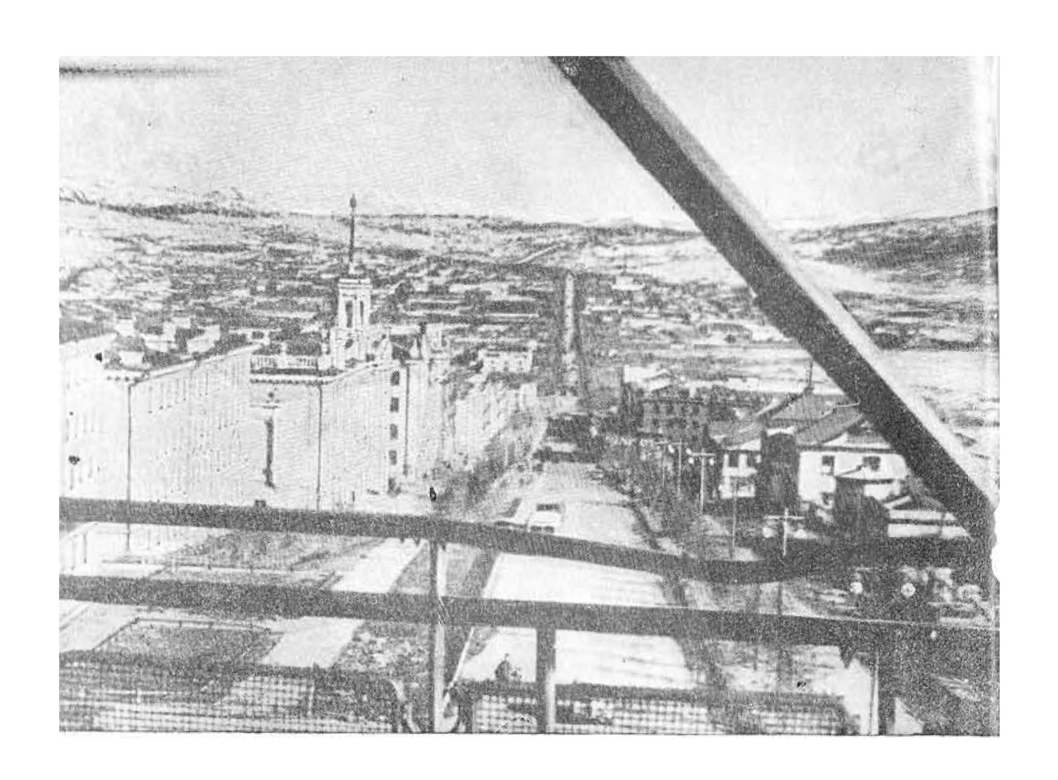
...Салют тебе, Магадан! Пионеры автотуризма по Крайнему Северу. Мы были восхищены обликом этого юного и сурового города.

Мы приехали летом. Поэтому почти все наши фотографии, как эта вышка Магаданского телецентра, окрашены солнцем...

...в то время, как восемь месяцев в году, все, что мы показываем, обычно выглядит так...

...Идти вперед!
И так же неустанно
Всегда осуществлять свою мечту,
Как трасса, что бежит из Магадана
И сразу набирает высоту!

...Товарищи!
Внимательней взгляните
На торжество народного добра:
Вплетает Север сказочные нити
В узоры всесоюзного ковра.

И вот шел я по Магадану. И как ни сердился на него, а все же сказал себе: город — хороший! Стоят вдоль проспектов молоденькие деревца. Это лиственница, лесная и пахучая, не то что какие-нибудь садовые капризницы.

На газонах — одуванчики, полевая геранька. Крупные, жирные стебли. Кажется, хороша земля магаданская, если почти без солнца такая трава вымахала! Но, оказывается, эту землю завезли сюда с дерном. Точно так же и кустарники перекочевали из тайги вместе с землей.

Город, конечно, северный. На центральной улице ресторан «Арктика». Середина лета... взрослые в пальто, а детишки в шерстяных костюмчиках. Но возле гастронома девчонки лет десяти едят мороженое и хвалятся:

— Ты — сколько порций?

— Сегодня — четвертую!

Наверно, в Сочи так же говорят!

Выражаясь языком архитекторов, общий солнечный тон законно преобладает в Магадане. Дома нежно-голубые, желтоватые, цвета чайной розы. Эти краски помогают людям не забывать о солнце, которое не часто заглядывает сюда. Приморский туман, хозяин погоды, вот-вот покинет сопки и ворвется в город.

Удивителен облик Магадана. Раз! — обрывается улица, и впереди — болотистая низина, синеющая дикими ирисами, поле.

Центральная магистраль Магадана — проспект Ленина — просторна и оживленна. Мчатся автобусы в многоэтажном ущелье новых домов. Стальным пиком возвышается ажурная вышка Магаданского телецентра.

В Магадане стремительные улицы, просторные кварталы, крупные заводы, клубы и Дома культуры. По вечерам кое-кто смотрит кинокартины у себя дома. Те, у кого есть телевизоры, шутят: «Вместо того чтобы двигаться, — сидим дома, наживаем цингу около этих проклятых телевизоров». Конечно, воспоминания о цинге — этой спутнице великих полярных путешественников — могут только будоражить воображение молодежи, которая на Дальнем Востоке и Крайнем Севере знакомится с местными овощами. В Находке с продолговатой дальневосточной редиской, а в Магадане с картофелем, выращенным на склонах каменистых сопок. И, наконец, Север

вас встретит парниковыми огурцами и тепличными помидорами совхоза «Дукча».

В Магадане, самом северном областном центре советского Дальнего Востока, можно встретить старожилов, которые вам скажут: «Когда я сюда приехал, у берега ютилось несколько избушек». Город вырос на глазах отважных изыскателей-геологов, строителей и дорожников, пробивших автодорожную трассу на Колыму. Почти в самом центре — парк и стадион.

С кем бы из магаданцев я сегодня ни говорил — все в один голос хвалят свой город.

Шофер такси:

— В отпуск поедешь — вроде домой, а сюда опять тянет!

Продавщица книг:

— Вот увидите, Магадан вам понравится!

Официантка в ресторане:

— Ах, Москва-Москва, сердце болит, как о ней вспомню. А уезжать отсюда не хочется.

— А вы давно с «материка»?

Вот уже и я научился говорить — «материк». Для меня, новичка, это слово непривычно. Оно требует более подробных разъяснений. Коротко: все, что находится за пределами Магаданской области, — «материк», тогда как все, что расположено на территории Магаданской области, — Колыма.

Колымчане... С этими людьми я встречаюсь в Магадане, далеко от реки Колымы, и я знаю, что многие из них никогда ее не видели. И все-таки, где бы ни находился человек Магаданской области, о себе он говорит: «Я колымчанин!» И если он будет вспоминать полтавские или рязанские поля, то непременно скажет: «Там, на «материке»... Как будто колымская сторона и центральные районы страны — не единая суша.

Там, на «материке»... Создается удивительное ощущение предельной отдаленности этого края. Прежде добраться до «материка» можно было только пароходом. Вот почему и говорили: «Там, на «материке». Сейчас другое дело — самолеты. Но выражение осталось бытовать, и вряд ли от него избавиться Колыме.

Под вечер на сопку спустился туман. У сопки подножие темное, голова серая, а пояс — седой. И как это

ни банально, иначе не скажешь: туман сырой, серый, тяжелый; он именно окутал густым облаком лесистый склон.

Иду в «автомат» и снова звоню в гостиницу:

— Семнадцать полсотни семь, — прилежно повторяю непривычное для меня словосочетание.

И за великое домоотречение или долготерпение администратор награждает выдающимся сообщением:

— Приезжайте. Два места вас устроят?

Что ни говори, а права оказалась Ая Смирнова: «Поторчите сутки здесь — и вам дадут».

А чем Магадан хуже любого солидного города, чтобы так уж моментально предоставить вам место в своей замечательной гостинице?

Нет! Магадан ничем не хуже, и, пожалуйста, не сердитесь, если вам пришлось немного подождать...

На сопках вокруг Магадана кое-где лежит снег — огромные белые простыни. Не успевает убрать их здешнее торопливое лето.

Мы с Володей идем на базар. Сразу чувствуется, что рядом море — столько рыбы. Рыба живая, только что из Тауйской губы. Связки наваг висят на проволочках, как стерлядки в Сталинграде. Вот она откуда — «навага в сухарях!» Лежат камбалы. Они, оказывается, темно-зеленые, а не рыжие, какими их делают холодильники, пока они едут в поезде. Лежат горбуши. И крабы. Вареные — красные как раки. А сырые — темно-зеленые. К панцирю присохли ракушки. Крабы огромные: тело с большое блюдце, даже с тарелку, а клешни, как детские ручонки.

Продают грибы — подберезовики. Редиска, лук, помидоры и огурцы... Предлагают цветы, — синие ирисы, розовый шиповник, — молодые ветки лиственницы с темно-красными тугими шишечками. Все в букетах.

Володя спрашивает:

— А картошка у вас есть?

— Только прошлогодняя, — отвечает пожилая женщина. — Молодую картошку в сентябре копаем.

— Не мерзнет?

— Ботва-то мерзнет, а сама — растет, привыкла...

Картофель здесь сажают так, чтобы каждый куст был подальше от другого. Клубни не растут, как у нас, вглубь — ведь почва холодная. Чуть-чуть покрытые землей, клубни расползаются почти по поверхности, и форма их не круглая, а плоская, чтобы большая часть могла повернуться к солнышку.

Одна женщина говорит:

— На сопке у нас такая «землица», что мы со своего огорода вывезли четыре самосвала камней.

Другая хозяйка доверительно сообщает:

— Куры у меня привыкли зимой нестись в комнате, вот и летом несутся дома. У каждой курицы своя тумбочка: в тумбочках и несутся...

Мы купили свежую корюшку и пошли домой. Корюшка пахла свежими огурцами. Хорошо ее жарить на походном примусе...

В этот день мы были свидетелями удивительного зрелища: на реке Магаданке купались ребятишки. Купаются они «с кострами»: натаскают из гаража негодных камер, подожгут их, и, когда окоченеют в ледяной воде горной речонки, выскакивают греться к своим кострам. А неподалеку от них, как я уже сказал, на сопках вокруг Магадана лежит снег — огромные белые простыни.

— Ну, смелее! Берите их и вытирайтесь...

Знакомишься с Магаданом несколько дней и постепенно начинаешь соглашаться с теми, кто говорит:

— Это самая интересная область в Советском Союзе!

— Но, позвольте, почему самая интересная? В каком отношении?

— Да в любом! Человеческие судьбы, полные драматизма, каких на «материке» не встретишь. Из всех золотых районов — самый золотой. А взять географию? Где еще вы встретите такие выразительные неожиданности? Вы не станете отрицать, что ни один человек в СССР не идет на работу раньше, чем это делает житель нашей изумительной области.

Ну как тут спорить! Действительно, над Магаданской областью раньше, чем где бы то ни было в нашей стране, подымается советское солнце. В Москве кремлевские куранты вам говорят: «Спокойной ночи», а здесь этот же

серебряный перезвон означает: «С добрым утром». И область выходит на трудовую вахту.

Сколько километров между понедельником и вторником? Восемьдесят шесть километров. Советский мыс Дежнева — крайняя точка европейско-азиатского материка. Мыс Уэльс — Америка. У них понедельник, у нас уже вторник. Между понедельником и вторником — восемьдесят шесть километров.

Магаданская область первая в стране перелистывает календарь. А где еще на земле встретится такой порт и райцентр, как Эгвекинот? Там построен первый на Чукотке завод по выработке кож. Очень интересное в географическом отношении место. Эгвекинот находится примерно в сорока километрах от Полярного круга и от 180-го меридиана, который условно делит земной шар пополам.

Итак, земной шар делится на восточное и западное полушария не где-нибудь, а в Магаданской области!

В Магадане погодой хозяйничает море.

Бухта Нагаева, похожая на мешок, наполнена клочковатым хлопком приморского тумана. Сплошной и плотный, он заходит в город и медленно карабкается по сопкам. А ложбины в это же время освещены солнцем. Стоит выехать из города — и на шестом километре можно загорать. И выходит — до солнца от Магадана — рукой подать.

Зимой Охотское сильно промерзает. Большие пространства покрываются льдом. А подуют южные ветры, и все эти туманности ползут на Магадан. Летом море прогревается, климат становится все суше, все теплее. Ведь большое море — большой хранитель тепла.

Берега Охотского моря, омывающие Магаданскую область, иногда становятся свидетелями тринадцатиметровых приливов и отливов, самых больших в Советском Союзе.

От юго-запада до северо-востока — как от Москвы до Тюмени, или двойное расстояние от столицы нашей Родины до Одессы.

На территории Магаданской области уместились бы Германия, Франция и Великобритания, вместе взятые.

Два часовых пояса. Если в Магадане разница с Москвой на восемь часов, то в Анадыре — на десять.

В этом краю — самая высокая влажность воздуха в в Советском Союзе, а по соседству — в Оймяконе — морозы до 70 градусов.

Летом в Сеймчане, на 63-м градусе северной широты, жара, как в Ташкенте, но к вечеру в июне холодно, особенно ночью. Сеймчан по-якутски означает: солнечная долина. Там проживает Марк Дмитриевич Коньков, который выращивает не только картофель (пятьсот сорок центнеров), но и помидоры на открытом воздухе, подсолнухи, ревень, укроп, огурцы и даже дыни.

Кое-где над Колымой прижились тальниковые рощи. И вдруг — береза, вдруг лиственница толщиной в два обхвата. И кедровый стланик.

Стланик — стелющийся кедр. Орешки чуть побольше конопляного семечка. На Крайнем Севере вечнозеленое растение — кустарниковый рододендрон — цветет желтыми цветами. Лист рододендрона напоминает кожаный ломкий лист фикуса.

Жители Магаданской области чукчи, эвенки, эвены, коряки, якуты, камчадалы, юкагиры «перескочили» век паровоза: сразу пришел к ним пароход и самолет. Паровоз некоторые из них знают только по картинкам. Можно его увидеть и в Магадане: железную настольную дорогу школьники соорудили у себя на детской технической станции.

Магадан — юноша: ему всего двадцать лет. А области — пять. Самая молодая и самая большая. И, наверно, как никому другому, ей подстать родное Охотское море — самое большое среди морей Советского Союза. И самое глубокое. Глубины у Курил достигают четырех тысяч метров. И еще это море самое бурное и самое богатое. Колымчане любят слово «самая». Ведь и они тоже — «самые-самые»...

В Магадане, у ворот колымского края, трудятся два механических завода, где строят для приисков промывочные приборы, крупная автобаза № 4, швейная фабрика, несколько пищевых предприятий. Мне пришлось побывать на промкомбинате. Какое уникальное оборудование создают здесь в одном из цехов. Какая тонкая, точная работа!..

Магаданцам, создателям форсунок для моторов рыболовецкого флота, посвящаю эти стихи:

Пускай туманы в Магадане хмуры
или пуржит зимою без конца,
но в цехе топливной аппаратуры
рождаются железные сердца.

Железные сердца — форсунки славы —
в работе не откажут никогда.
Не потому ль во всех морях державы
живут рыболовецкие суда?

Узнав о Магаданском комбинате,
сюда, на север, едут москвичи
и дружно говорят:
— Вот это кстати!
— Вот это — да...
— Товарищ, научи!

Ну, что ответишь им, скажи на милость?
Ведь главное (усвоить все должны),
чтоб сердце человеческое билось
созвучное сердечности страны.

На комбинат опять несутся просьбы:
— Пришлите нам железные сердца!
И не такое сделать удалось бы,
когда бы попросили кузнеца.

Его смекалка в творческом походе,
и, мастерством нас радуя опять,
он и блоху, как говорят в народе,
сумел бы, если надо, подковать.

«Феликс Дзержинский», проделав рейс в Находку, снова пришел в Нагаевский порт. За два часа до прибытия парохода Володя уже был на пристани. Два дня я его не видел. Он провел это время со своей Джульеттой.

Полнеба красками узоря
Возле прибрежной полосы,
Для встречи выписано море
И вид Нагаевской косы.

Друг друга зная все короче,
Ты пожелаешь, может быть,
Поскольку не дождешься ночи,
В густом тумане побродить.

По камушкам веселым, чистым
Вдоль берега приятно вам
Идти к разорванно-слоистым
На землю павшим облакам.

Они сиреневого цвета,
В отделке тоненькой каймы,
И, говорят, бывает это
Лишь у приморской Колымы.

Они таинственно повисли,
И ты не в сказке, не в мечтах,
Не в косвенном, а в полном смысле
Витаешь с нею в облаках.

* * *

На память взял бы два прибоя,
Тот, что шумит среди камней,
И этот, вызванный тобою
У берегов души моей.

Он прибегает то и дело
Сильней и ласковей других,
Призывно, радостно и смело
Он плещется у ног моих.

Приходит ветер, волны роя,
И, навещая этот край,
Шумят сегодня два прибоя
И словно просят:
Выбирай!

Один раскатистый, могучий,
То синий он, то голубой,
Таких же красок и созвучий
И этот, вызванный тобой.

Но есть и разница с удачей,
Там ледяной прибой, а тут

Не по-полярному горячий,
С каким возлюбленную ждут.

Он разгадал большое в малом,
Поет и пляшет для тебя,
Но ты его, подобно скалам,
Отталкиваешь, раздробя.

Скажи, что делать мне с прибоем,
Куда мне деть его полет?..
Его мы вместе успокоим,
Когда отчалит пароход.

Еще в Москве молодой человек вручил мне продолговатый коробок, в котором оказался электропаяльник:

— Передайте, пожалуйста, моему брату, он живет в Магадане, вот адрес.

Мне было известно, что Николай Суржанинов в 1956 году отправился на Север по комсомольской путевке. Окончил недавно курсы шоферов, работает в Магаданском педагогическом училище водителем грузовой машины и найти его пара пустяков...

Эта «пара пустяков» стоила нам слишком дорого. Николая Суржанинова в Магадане не оказалось. Вместе с другими водителями его направили в рыбацкий поселок Ола. Подобно тому, как в страдную пору города идут помогать полям, здесь в самый разгар хода лососевых магаданцы спешат на «рыбную страду». Мы несколько изменили план автомобильного путешествия и отправились на поиски Суржанинова.

В поселок Ола можно было добраться катером, но мы избрали другой маршрут: сели с Володей на попутный грузовик, а за поселком Яблоневым, на перекрестке Колымской трассы и реки Олы, покинули машину и двинулись вдоль берега, поросшего зарослями стланика.

В таежном поселке достали лошадей, и эвен Коля Фролов, семнадцатилетний проводник, через тайгу вывел нас к притоку Олы — Гайчану. Один скуластый, очень симпатичный эвен переправил на лодке нашу аппаратуру и продукты, а мы перешли Гайчан вброд, на лошадях. Здесь мы встретили человека, в руках у которого была острога. Ловко орудуя ею, он то и дело пробегал по бе-

регу реки, время от времени бросал острогу в воду и, счастливый, вытягивал рыбу на берег.

— Браконьерство! — сказал Володя и попытался разъяснить товарищу, что так рыбачить не разрешается.

Нам не повезло. Когда мы подъехали к лесозаготовительному участку, было пасмурно, моросило. Молодой плотогон Хабибулин и лоцман плота Барышников сваливали с крутого берега в воду последние баланы — стволы очищенных от веток лиственниц.

Как и Николай Суржанинов, Борис Хабибулин приехал на Север из Москвы по комсомольской путевке. Сейчас он работает в Ольском рыбном кооперативе. Там, в поселке, идет большое строительство, нужен лес. Они и гонят плоты по реке Оле... Любопытно смотреть, как строят плот, но куда интереснее принимать участие!

Бревно с бревном, или, как говорят тут, балан с баланом, «скукливают», приматывают тросы заостренным стежком и, наконец, заготавливают «мальчиков»: пила и топор создают прочную и в то же время подвижную опору, на которую насаживается длинное, только что срубленное весло. Плот готов. Можно отправляться в дорогу. Вижу я: один балан справа не привязан к плоту тросом, а только прикреплен.

— Это «неволька», — говорит Борис. — «Неволька» — верный друг. Бывает, сядешь на мель, опустишь один конец «невольки», соберет она возле себя боевую воду и выручает нас, стаскивает на русло...

Мы сказали плотогонам, что разыскиваем Суржанинова, показали электропаяльник, и Барышников пообещал дня через два доставить нас к ольским рыбакам.

— Но перед отплытием, как положено, надо заварить чифирок.

— Чифирок? — переспросил Володя. — А что это значит?

— Чифирок, или чифир, — пояснил Барышников, — это элексир бодрости. Как заваришь чай...

— Ерунда! — Хабибулин махнул рукой. — Ничего себе элексир. Только здоровью вред...

И вот мы поплыли... Многорукавная Ола зазывала плот в свои крученые протоки, но лоцман выбирал единственный, только ему известный путь. Какая быстрая вода! Она понесла нас вниз по реке со скоростью двадцати

километров в час, и от встречного ветра надулось парусом и вскоре оборвалось с одного шеста голубое полотнище, на котором Володя углем написал: «Кон-Тики». Как приятно было лечь на баланы и пить в расщелинках бегущую воду!

— Нажимай сильнее, — закричал вдруг Барышников и по-сумасшедшему задвигал своим веслом. Мы с Володей бросились помогать, и все же плот заносило.

— Резче работайте! Резче...

Не успел он это прокричать, как все мы очутились под водой. Плот накренился, наскочив на коряговые завалы. И все-таки этот плот был нашей «неволькой». Он выручал. Он приближал нашу встречу с Николаем Суржаниновым. И вот сейчас, избавившись от непредвиденного якоря, мы снова плывем. Я делаю на плоту эти записи, доверив солнышку размокший продолговатый коробок с московским электропаяльником.

Во второй половине дня одинокий костер пригласил нас к берегу. У палатки отдыхали молодые геологи-ленинградцы. Вскоре сюда подошли девушки эвенки из села Гадля.

Еще до того, как на побережье Охотского моря стали селиться русские, по берегам северных рек и речушек, богатых рыбой, ставили юрты коренные жители Севера — эвены. В переводе на русский с эвенского «Гадля» означает — место нереста, а «Ола» — рыба. Тут все звучит словно предисловие к большим рыбным уловам! Как будто одной рыбой богаты эти края. Но если послушать начальника геологической партии Сергея Сындык и его друзей, то у реки Ланковой они посоветуют построить Углеград, а за поселком Бараборка пробурить газовые скважины.

И я подумал, что настанет день, когда магаданские женщины будут готовить обеды на газовых плитах.

Неподалеку от Гадли, на берегу этой своенравной горной реки, под вечер познакомились мы с колхозными рыбаками.

Ловят они рыбу закидным неводом. Двое садятся в лодку, один гребет на середину реки, а другой быстро начинает выбрасывать невод в воду, как бы пересекая реку невидимой сетчатой плотиной. На берегу бригадир Винокуров со своими помощниками тянет урезы

(веревки) невода, а лодка в это время, проделав полукруг, приближается к берегу, где в затончике приготовлено место для улова.

Я спросил у Винокурова, откуда они знают, когда надо выходить.

— Так ведь горбуша идет в реке повзводно, косяками. Одна недисциплинированная выглянет, нарушит маскировку, тут мы всех их засекаем и берем в плен как миленьких.

Иногда Винокуров посылает кого-нибудь из рыбаков на разведку, в затончик. На вопрос: «Ну как?» — возвратившийся отвечает: «Ветер, ничего не видать». Он приносит с собой охапку пала, плавник, или «хламник», как говорят русские, и подбадривает костер...

— У нас работа тихая. В море куда напряженнее. Там ушки топориком держишь. Там и шторм нагрянет, а здесь заводь. Однако и тут работа у нас штормовая.

В протоке Таз за день колхозники берут по десять центнеров «живого золота».

Из моря, из соленой воды, рыба идет в «сладкие» пресные воды красавицы Олы. Спешит на икрометание. Лососевые наряжаются в брачный наряд. Рыба становится горбатой, пестрой, кривозубой, и уже она не питается. Живет своими жировыми запасами.

Рыба «играет», плещется, с быстрины идет в укромные места, пробивает перекаты и в тишине резвится.

Под конец «брачного сезона» горбуша до такой степени измождена, что назад уже идти не в силах — она погибает там, где происходит икрометание. Да, не зря эта река называется Олой. Отдавая икру, горбуша щеголяет своей красной рубашкой. Самец, плоский, горбатый, страшно смотреть! А пестрополосая кета рубашку переменит, но не горбится. Ее век — три года. Когда идут рыбные косяки, над ними кружатся чайки: то они кричат, как дети, то мяукают, как котята.

Колхозную рыбу везут машинами на Атарганский рыбный завод, неподалеку от поселка Ола. По утверждению Винокурова, самое ценное в рыбе — икра. Балык из спинок делают. Спинки в засольном цехе завода кладут в тузлук (соляной раствор), через сутки вывешивают на вешала. Тут они на ветерке провяливаются, далее — камера холодного копчения. Получается балык.

Винокуров заострил палку, мастерски разделал и нарезал рыбу, нанизал, как на шомпол, и укрепил над костром. Жарится одна сторона, потом другая. Прекрасное жарево! Получился рыбный шашлык — вкусно!

•

Ранним утром восход над лиманом поразил своей приморской пестротой и праздничной лучезарностью. Мы покинули свой плот «Кон-Тики». Подошли к артельным рыбакам, которые рыбачили так называемым ставным неводом. Они подтвердили, что несколько водителей из Магадана помогают возить рыбу на базу, а когда я назвал имя Николая Суржанинова, кто-то спросил:

— Такой молоденький, черненький, да?

Но мы никогда не видели Суржанинова и оставалось только показать рыбакам электропаяльник и объяснить, в чем дело.

— Хотите, подвезем на лодочке к тому месту, куда он подъедет?

Еще бы не хотеть! Но куда нас везут?

Посредине лимана нас высадили в кунгас и сказали: «Ждите!» Но, позвольте, как же он подъедет сюда на машине, если люди рыбачат, тянут невод? Странно!

Но рыбаки утверждали, что, когда кунгас, на котором мы находимся, будет завален кетой и горбушей, вода, как по щучьему велению, уйдет из лимана.

Какое непостоянство, как быстро и часто меняются в природе краски, пейзаж, сама погода. Она наладится, если потянет норд-остовский ветерок.

Последняя четверть луны на исходе. Новолуние, рождение луны, как закон, меняет погоду в лучшую или худшую сторону.

Что значит «луна обмывается»? Ее обдает дождем или ветром, и тогда она, как компас уровня морской воды: если полная луна на ущербе — воды мало. За сутки море два раза приходит и уходит. Когда прилив — рыбачат, плывут лодки, а назад идут пешком, и как тут не сказать: «И девять витязей прекрасных, чредой из вод выходят ясных, и с ними дядька их морской», то бишь бригадир Белоус.

Сезонный план бригады — восемьсот центнеров.

С 28 июня по 11 июля выловили триста двадцать цент-

неров, осталось взять еще четыреста восемьдесят. В день сдают по двадцать пять—тридцать центнеров рыбы... Только от рыбаков, болеющих за свое дело, можно услышать такие самоотреченные и мужественные слова: «Сегодня холодно, это хорошо». Холодно! Это значит рыба будет принята первым сортом. Но вот выглянуло солнце, и рыбак тревожится. Где же вы, шоферы, где ты, Николай Суржанинов?

Наконец, подходит машина, и вся бригада тут как тут.

Подходит трактор с прицепом. Рыбаки грузят рыбу. Снова автомашина. А Николая все нет и нет...

Какая интересная находка! Кто-то высоко поднял горбушу: «Глядите!» Если вы не замечаете оборванную леску, вам кажется, что рыба повисла в воздухе. Любопытно вынуть из пасти японский крючок...

Все! «Полным-полна коробочка»! Молодой камчадал сопровождает рыбу на базу. Там он лично проверит вес, а то, знаете, мало ли что... Свой труд — самим и контролировать. Сегодня днем удача: за несколько часов взяли около ста центнеров. Каждый рыбак заработал по триста пятьдесят рублей.

А под вечер во время прилива вышла бригада на рыбалку, стали перебирать невод, а... в неводе ничего нет.

— А вы говорите, где Суржанинов? — вздохнул бригадир. — Зачем ему ехать?

Грустно было рыбакам: нет рыбы, а нам грустно, что так и не дождались Николая.

Дядя Иннокентий, старый рыбак камчадал, сказал:

— Видать, он работает в другой бригаде.

Нам предложили заночевать в десятиместной палатке, а утром выяснить, в какую бригаду ездит интересующий нас водитель.

Лодку втащили на берег и начали ее чистить: готовить ко сну...

Когда я проснулся, в палатке уже никого не было, только на постели Василия Суслина спал, уютно поджав лапки, артельный кот. Наконец, рыбаки пришли. Мне не нужно было спрашивать: «Идет ли рыба?» На их лицах весело гуляли серебристые веснушки. Отважные, славные люди!

С четырех утра до полдевятого они рыбачили. И словно после работы, вода снова ушла на перерыв, на отдых,

ушла домой — в море, а рыбаки опять же вернулись пешком оттуда, куда четыре часа назад плыли на лодке.

С десяти до четырех дня бригада будет свободна от рыбы. Люди начнут стряпать, но вовсе не уху. Не станут они жарить лакомое брюшко нерки, или кеты, или горбуши, или самого вкусного кижуча. Это им, рыбакам, осточертело. Всей рыбной прелести они предпочитают консервный борщ, солянку, свиную тушенку, горох, томаты, рис, макароны — все это есть у них на «малом таборе».

Никогда ни у одного рабочего человека не видел я таких рук, как у рыбаков! Сети они тянут в белых рукавицах, а когда снимают, — их натруженные, мозолистые пальцы, изъеденные водой, как у прачек, так свежи и чисты, что просто удивительно, зачем перед тем как присесть к столу, рыбаки идут к рукомойнику?

Оказывается, рыбак пресной водой смывает осадок соли, запах рыбы, да и привычка такая у человека...

А после завтрака... Думаете, они станут отдыхать? Но у них столько забот! Они будут конопатить лодки, смолить их. В руках замелькают пакля, конопатка и молотки. Если нет хлорки, лодку посыпают солью, очищают ее, обмывают, обрызгивают водой. Словом, холят ее, как ребенка. Двое пойдут за дровами, вернее не пойдут, а поедут на лодочке. К маяку! Кто-то отправится сдавать рыбу. Обратным рейсом он привезет воду, чтобы промыть невод, крылья и ловушку. Да, пресную воду! Ведь во время отлива ставные невода ложатся на песок, а когда вода прибывает — всплывают. На неводах и в лодке появляется слизь. Когда горбуша идет большими косяками — в лодках и в двух кунгасах столько рыбы, что приходится присылать за ней трактор с прицепом. Вот когда опасно пролежать ей в немытой посудине два—три часа: того и гляди оценят рыбу третьим сортом. И еще надо промыть между шпангоутами днище кунгаса, посыпать хлоркой.

Бригадир Белоус говорит:

— Лодка или кунгас, или, как мы называем, «посуда», должна быть чистой, как у хорошей хозяйки кастрюля.

Если лодка идет глубоко погруженной в воду и виднеется одна корма, это значит в ней полным-полно «живого золота». Да и видно, как поблескивает рыба, подпрыгивает, словно на горячей сковородке. Но это вовсе

не означает, что улов хороший. Важно, за какое время наполнена лодка. Приходит сторож к пристани, говорит: «Три штучки». Такой обычай у рыбаков: если кто-нибудь просит — они не отказывают.

Работая на берегу во время отлива, рыбаки то и дело поглядывают на облака, на солнце, на птиц.

— Старая примета, — скажет пожилой камчадал дядя Иннокентий, — ворон кричит, значит будет пасмурно или шторм. Если чайка ходит колесом высоко в поднебесье — это к плохой погоде. А когда над островом Завьялова шляпой повисает белое облачко — тоже к плохой погоде.

Как образно говорят эти люди: «Вечерняя заря купает красное солнце!»

— А раз так, сам себя страхуешь, — поясняет дядя Иннокентий. — Это важная предсказка: краснота — ветер обязан быть.

И вот уже лодки привязываются покрепче, крепятся кунгасы, ловушки, чтобы от питуз оттяжка не оборвалась. Питузы — это камни, обмотанные сетями. Они служат как грузила, удерживающие невода. А оттяжки — это по сути веревки. Вообще на рыбалке все то, что тянут, называют оттяжками. Основное — крепи головную питузу!

— Мертвяк на берегу забучен камнем, — говорит дядя Иннокентий.

Двугорбым берегам бухты Гертнера подмигивает маяк-мигалка. Усталые катера заходят в устье. Дремлет уютная бухта Любви: в штормы катера прячутся здесь, а когда счастливая погода — о Любви они забывают... А имена у катеров: «Блеск», «Гром», «Молния».

— Это наша флотилия непогоды...

Усмехнутся рыбаки, столкнут лодочку в море и поплывут на работу, к своему ставному неводу. И в лодке кое-кто будет курить и натягивать на руки белые высушенные рукавицы.

КОЛЫМЧАНКА ОЛА

1

Пускай туман подваливает хмуро,
И день продрог от северных ветров,
Но у реки своя температура,
Когда «болеют» люди за улов.

И если жарко разгорелись души,
И горячи в работе рыбаки, —
Поверьте, ртутным столбиком
горбуши
Подымутся в термометре реки.

2

О чем зажурился,
Иван Белоус?
Уловы такие,
Что сглазить боюсь.

Ах, лодка — копилка,
Кета — серебро,
Бригада — что надо —
Скопила добро.

Четыре машины —
Да здравствует труд! —
На рыбную базу
Везут и везут.

Отличная рыба
На блеск и на вкус,
А ты зажурился,
Иван Белоус.

То тихо вздыхаешь,
То глянешь хитро...
Ах, лодка — копилка,
Кета — серебро!

3

Рыба пахнет зло и остро,
Тина тянет тишину,
На глазах уходит остров,
Точно в гирях он, — ко дну.

Пьет рыбак чифир из кружки,
Ставит невода свои,
Серебристые веснушки
На лице от чешуи...

4

Когда на приколе
Рыбацкие лодки,
То значит, что в Оле
Отливы по сводке.

Скала крутолобо
Встает у изгиба,
И сушится роба,
И жарится рыба.

Но вот на лимане
Приливы по сводке,
И воду ломают
Курносые лодки.

И рыбы — до черта!
И в неводе — густо!
И вьется у борта
Морская капуста.

Горбуша — вниманье —
Идет все богаче
За Олой, в лимане,
В приливе удачи.

5

Мне грустно расставаться с Олой,
С многорукавною рекой,
С ее беспечной и веселой
Неугомонной быстротой.

Я помню, как сказала Ола:
— Смотри, в дороге не забудь... —
И, разбежавшись, приколола,
Плеснула мне цветок на грудь.

6

Костер заплескался, как рыба,
Когда ее валят в кунгас.

За ласку и дружбу спасибо,
Большое спасибо от нас.

Спасибо за ваши советы,
За все, что поможет потом,
За то, что мы были согреты
Сердечным рыбацким костром.

Утро было мудренее вечера. На рыбной базе сказали, что Николай Суржанинов действительно две недели здесь возил рыбу, а сейчас его отозвали в Магадан.

— Но в городе вы его не найдете, — пояснили на Ольском рыбном заводе. — Он сейчас на строительстве дороги Магадан — Ола, которую прокладывают методом народной стройки.

Что ж, еще немного — и мы обязательно отыщем Суржанинова. От моря мы двинулись через тайгу и тундру к строящейся дороге. И опять появились у нас лошади и хороший молодой проводник. Он-то и вывел нас на сопку, откуда можно было увидеть светлый и гибкий канат далекой дороги, словно кто-то забросил якорь в дикое темно-зеленое море колымской тайги.

Через эту тайгу, напрямик, мы ехали несколько часов, прежде чем вышли на магаданский участок народной стройки.

От рабочих авторемонтного завода мы узнали, что в двух километрах от них на строительстве работают сотрудники городского отдела народного образования. Отлично! Николай наверняка там. Ведь он шофер Магаданского педучилища.

Из тайги навылет дорога врывалась в болотистую низину. Казалось, она вошла туда по мокрым кочкам, как нож в сало.

Слева, вдали, множество людей. Справа — кромка моря. В центре — дорога, убегающая в оголенную низину. Дорога забежала туда и остановилась. Дальше ее поведут люди.

Масса людей! Они заготавливали хлысты для лежневки. Пробегали автомашины. Стоило нам подойти поближе, как мы увидели такую картину... На плечах у людей бревна — хлысты. Строители несут эти бревна и сбрасывают там, где дорога обрывается...

Методом народной стройки! Люди делают общее дело, не связанное со своей основной работой. Любят здесь вспоминать и говорить о великом почине ленинских коммунистических субботников. В данном случае — все как один принимали участие в строительстве дороги, которая обеспечит Магадан ольскими овощами и рыбой.

— Суржанинова? — переспросил прораб и тут же окликнул молодого человека, который тащил на плече в паре с товарищем длинное бревно. Трудно передать, как мы обрадовались, что, наконец, сможем вручить посылочку адресату.

Как выяснилось, брат написал Суржанинову и последний с интересом и недоумением ожидал московский электропаяльник.

— Вот чудак! — Николай Суржанинов улыбнулся.— Думает, раз Крайний Север, так ничего нельзя достать. Как раз наоборот. Электропаяльников в магазине — куча!

И еще мы услышали от Николая:

— Передайте моим родителям, что на этой стройке я работаю шофером. Я должен только возить и не обязан сгружать, но я видел рисунок: Ленин на субботнике. И хочется тоже...

Потом мы увидели Николая за рулем автомашины. Я не выбирал «героя» для своих записей. Так случилось, что мне нужно было повидать Николая Суржанинова, в прошлом коренного москвича, который стал магаданцем. И повидали мы настоящего народного строителя!

Вот сейчас он выпьет стакан сметаны, по дороге на трассе затормозит на минутку, нарвет охапку цветов — полевую гераньку, иван-чай, синий ирис и желтый рябинник, — и вскоре мы познакомимся с его молодой женой Таней Суржаниновой. Она работает техником-нормировщиком на швейной фабрике. Когда опускается за сопки нежаркое магаданское солнце, Таня выходит на улицу встречать Николая.

Николай уже развез по домам строителей ольской дороги. Он подъезжает к условленному месту и передает Тане скромный северный букет.

— Ну, рассказывай, какие новости? — поинтересуется Таня, и Николай достанет из кабины важную «новость» этого дня, прилетевшую к ним из Москвы и переплывшую два моря...

И в цветах неожиданно поселится железный стебелек, который вовсе не испортит букета, а просто сделает его необычным...

Мой Володя подружился с Николаем Суржаниновым. Вместе они поехали в горный техникум оформлять документы. Володю зачислили, допускают к приемным экзаменам. Не обязательно сдавать их в Магадане. Можно это сделать в Ягодном или в Сусумане — в любом райцентре области. На время экзаменов к будущим студентам выезжают приемные комиссии.

Как заочник, Володя в дальнейшем может сдавать сессию в любом, самом отдаленном уголке страны. Было бы желание учиться!

И вот под вечер мы пришли к молодым Суржаниновым попрощаться. Нам с Володей пора на трассу... Живут Суржаниновы в одноэтажном беленьком домике, у них своя комната.

Николай — парень хозяйственный. Подумаешь, в радиоле не работает настройка и разрегулированы подстроечные контура́! Он сам все исправит. Кстати, под рукой московский электропаяльник.

Николай уже все проверил, припаял концы контуров, а когда мы к нему пришли, он как раз устанавливал и укреплял шасси в корпус радиолы.

После ужина Николай и Таня при нас написали в Москву письмо. О чем они сообщали родителям? Наверно, о том, что в своей комнате снова услышат голос родной Москвы. А может быть, они поделились планами на завтрашний день? Завтра воскресенье, и они встретятся с друзьями у горкома комсомола, поедут за город, отдохнут, останутся на ночевку в живописном Черном ключе... Но бывает, вот так же собираются магаданские комсомольцы у горкома и едут в подшефный колхоз, или собирают металлолом, или работают на благоустройстве города. Вырученные деньги идут в комсомольскую копилку.

Утром в последний раз мы с Володей осматриваем машину, и нам помогает Суржанинов.

Мы покидаем Магадан. Друзья-досаафовцы вручают нам вымпел и просят передать его морякам-кронштадтцам. Балтийскому морю от Охотского.

Грустно расставаться с Магаданом, с этим полюбившимся городом, который, быть может, я больше никогда не увижу.

Магаданский назойливый дождь, ступай своей дорогой, а мы — своей. И коль скоро мы собрались в путь, зачем откладывать?

Мокрый, тяжелый туман кутал приморские сопки, когда наша машина покидала Магадан, этот суровый и гостеприимный город, многолюдные ворота золотого колымского края.

Темно-синими пятнами, словно чернильными кляксами, мелькали в траве яркие ирисы, белые шапочки багульника и какие-то мокрые пушинки, похожие на одуванчики.

Дорога от Магадана обросла иван-чаем. Яркая от дождя зелень, малиновые султаны кипрея и ярко-желтые кисти рябинника. Ах, кабы на эту красоту да еще простого солнышка! Но — ползет откуда-то сверху серый тяжкий туман, и конца края ему не видно.

По гребню длинной, крутоспинной, похожей на Аю-Даг сопки вытянулись тонкие, голые, частые стволики лиственниц. Очень, очень похоже на гребенку! Именно — гребень горы.

Оканавленная, прекрасная грейдерная дорога дерзко и стремительно врывается в эти суровые, вечномерзлотные горы.

С Оймякона мы попытаемся продолжить путешествие на Лену, к якутским алмазам, по Сибири и Средней Азии с тем, чтобы через год—другой выполнить нелегкое поручение дорогих магаданцев.

Помню, девушка сдвинула тонкие брови
и задумалась не по годам...
Магадан!
Что-то глухо, темно в этом слове.
Что такое, друзья, Магадан?

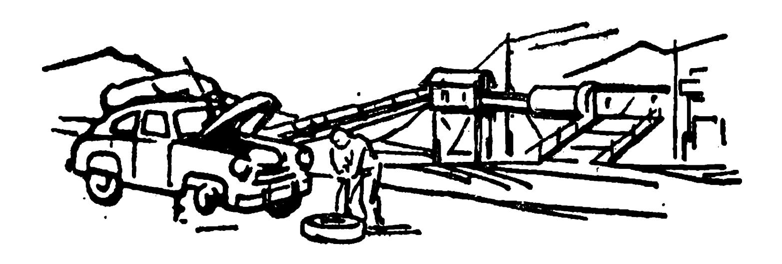
Мы сидим у костра.
Карандаш и бумага.
Вот написано краткое: «Маг...»
Но, к чему вспоминать нам какого-то мага?
Ерунда, успокойся, приляг.

Но она говорила с улыбкою странной:
— «Маг» — волшебник, а «дан» — это дан.
Город наш, получается, волшебноданный,
а короче сказать — Магадан.

Тут эвены подъехали,
седоволосый
моментально рассеял туман.
— А по-нашему, это морские утесы:
Монгадан!
— Монгадан?
— Монгадан!

◆

Ягоднинка

Немного истории. — Радуга-дуга! — От Атки до Оротукана. — Пенсионеры Зыкины. — Кладбище автомашин. — На Утинском перевале. — Дебинское происшествие. — Прижимы. — От Эльгена до Таскана. — На прииске имени Горького. — Старатели. — Ягоднинка. — Железный аист. — От Максима Горького до Джека Лондона. — «Давай заболей». — Бурхалинцы. — Возлюбленная Колыма

Просыпался колымский август.

Мы ехали на север. И тем удивительнее после магаданского тумана выглядел солнечный костер, который как бы разгорался, поскольку на десятом километре имел дело с двускатными теплицами совхоза «Дукча». Однако на солнце надейся, а сам не плошай. Теплицы с водяным и паровым обогревом, занимающие чуть ли не полторы тысячи квадратных метров, дали уже четырнадцать килограммов помидоров с метра, а если говорить о животноводстве, так вас тут буквально ошеломят: доярка Саранская надоила по пять тысяч двести килограммов молока от каждой коровы! Но, может быть, это исключительная удача, опыт, которому создавали специальные условия? Юная москвичка, патриотка «Дукчи», говорит:

— Наш совхоз на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке получил премию: две автомашины и диплом первой степени. За отдельную удачу таких наград не дают...

Вот тебе и зона вечной мерзлоты!

Березовое солнце утопало в красивой рощице Снежной долины, откуда доносился звонкий разноголосый шум, тоненькая песня и смех, какие обычно можно услышать около пионерского лагеря. Так и есть. И, главное, какое название: «Северный Артек». Не меньше!

Эти первые солнечные впечатления убедительно говорили нам:

— Не встречайте Колыму по одежке (туман), смотрите вглубь — там солнце...

В «Северном Артеке», на двадцать девятом километре от Магадана — солнце, зелень и горная вода, обвивающая сопки.

На шестидесятом километре снова вспыхнул дождь и быстро погас. На сером фоне колымского неба брызнула радуга. Она показалась особенно цветистой именно потому, что небо было все еще серым. Радуга била фонтаном из глубины Колымы, с приисков, и что-то символическое виделось в этой картине.

Казалось, мы слушали сказку, которую рассказывала нам земля. Из ее недр вырвался трепещущий поток чистого золота, и нужно было немедленно отыскать тот счастливый распадок, где наверняка уже возникло драгоценное золотое озеро...

— Вы знаете, — сказал Володя. — Все мне кажется: вот перевалим через эти горы, а за ними море... Запросто!

Морская душа! Но к чему эти иллюзии, когда с каждым оборотом колеса автомашина уходит все дальше от моря, в «глубину», к 63-му градусу северной широты.

Вдоль дороги стоят прямые, жесткие стебли рябинника, мелькают желтые гроздья цветов. Что ж, все правильно: Колыма, конечно, край дальний, но край самый что ни на есть русский, раз уж стоит у обочин рябинник — этот обязательный спутник среднерусских дорог.

Неожиданно радуга округляется, и если угодно, напоминает руль, срезанный смотровой рамкой той самой автомашины ЗИС-150, которая только что шла нам навстречу, имея на прицепе целый поезд вагончиков. Посмотрит на радугу колымский водитель и, пожалуй, согласится, что сегодня за стекольным заводом она, полукруглая, возникла как эмблема великого труда тех людей, чьи руки лежат на баранке. Спросите, и вам

каждый скажет: горняк-золотоискатель и шофер автопоезда — два старших брата в семье многочисленных профессий сегодняшней Колымы.

Вот почему прежде всего я думаю о них, когда смотрю на эту дивную радугу...

Продолжая свой путь по основной трассе на северо-восток, мы приближаемся к отрогам Маймаджинского хребта и знакомимся с удивительным высокогорным поселком Атка. Легендарная Колыма преподносит сразу три объяснения этому загадочному слову. В самом деле, что такое Атка?

Первый вариант гласит: когда первооткрыватели подошли к подножию Маймаджинского хребта, они спилили лиственницы, натянули брезент, и на карте появилось название этого места — Палатка. Однажды сильный буран повалил брезентовое сооружение, ветер порвал карту и унес один кусок, а когда стихия присмирела, геологи на оставшемся обрывке прочитали: «Атка».

Второе объяснение: уже проложили трассу, и водители устроили тут свою базу. На огромном щите было написано: «АТК», то есть автотракторная колонна. На вопрос: «Ты куда?» — следовал ответ: «В Атку».

Третий вариант (если только правдоподобный) самый интересный. Кое-кто из старожилов утверждает, что по-якутски «атку» означает «проклятое место». Один из основателей этого поселка столяр Андрей Яковлевич Пряхин, живущий здесь с 1933 года, сам слышал, как якуты говорили «атку, атку» и безнадежно махали руками, дескать, это плохое место, ничего тут не растет... Свои лингвистические исследования, уходящие в глубь истории рождения имени этого горного поселка, мы производили неподалеку от величественной сопки, у подножия которой искрился на солнце никогда не тающий снег. Совсем рядом с этим ледником, на окраине поселка, поблескивая стеклами, вытянулись многочисленные парники подсобного хозяйства второй автобазы. Несколько юношей, скинув рубахи, играли в снежки, а в это время из теплиц выносили помидоры, собирали с парников огурцы и редиску и укладывали на подводу: пора везти в пионерлагерь и в столовую поселка.

Снег и помидоры! И якуты, которые говорили «атку», или «гадко»...

Атка, Атка... Красавица Атка! Кто же достоверно объяснит, что означает это слово? Самое высокое место на трассе перед рекой Колымой. И, может быть, с этой высоты лучше, чем другие поселки, Атка видит свое легендарное прошлое, преображенное настоящее и свой гордый завтрашний день.

Трасса нагрета солнышком, а рядом, в болотах, сыро и холодно: вечная мерзлота не дает отогреться мху и болотным травам на кочках. Вот и вышло на трассу погреться оленье стадо. Олени лежат, прижав к горячей земле меховые подбрюшья. Они медленно поводят черно-синими, грустными, как у Чарли Чаплина, глазами. Как хочется их погладить! Я затормозил, и Володя вскинул фотоаппарат, но олени, легко вскочив на тонкие жилистые ноги, уже метнулись в кусты. И только захрустел багульник.

Коренные жители Крайнего Севера — эвены и якуты, — не зная таких слов, как «бальнеологические богатства», из поколения в поколение передавали легенду о больном олене. Побывав у горячих ключей, олень окреп и снова стал сильным и резвым.

Скульптура оленя, которой украшена центральная площадь курорта «Талая», казалось, увековечивает того, кто указал людям дорогу к этому целебному месту, неподалеку от Мякита.

— Ну, знаете, горячие источники в зоне вечной мерзлоты? Что-то не верится! У меня радикулит, и уж лучше я поеду в Цхалтубо...

И человек совершал свое очередное путешествие — с Колымы на Кавказ. А в это время молодой курорт Крайнего Севера «Талая» делал свои первые шаги, завоевывал первых поклонников. Целебные ванны, грязи, лечение нервной системы, костных заболеваний. И круглый год свежая сметана, творог, яйца...

Зимой, под суровые вихри бурана, к столу подают огурцы, помидоры, зеленый лук и салат. Ведь у курорта подсобное хозяйство. Теплицы, которые отапливаются подземным теплом, как, впрочем, и все здания.

Самый северный курорт нашей страны, магаданская «Ривьера» — любимое место отдыха не только колымчан, но и горняков Якутии, оленеводов Чукотки, моряков Восточно-Сибирского моря.

Талая — горячая весточка будущих колымских и чукотских курортов. Мы хотим, чтобы житель Магаданской области мог отдыхать на своей территории. Ведь горячие ключи, целебные воды есть не только в районе Колымского бассейна, но даже на берегах Берингова моря, неподалеку от бухты Провидения. Как хорошо было бы колхозникам чукотских бригад отдыхать и, если надо, лечиться на своей родной земле!

Поскольку в Мяките находится автотранспортное управление совнархоза, я решил расспросить о работе водителей, узнать имена наиболее выдающихся шоферов.

— Пожалуй, самый замечательный водитель — это Александр Андронов, — сказали в Мяките.

Каково же было наше удивление, когда мы разыскали Александра Андронова. На миниатюрном детском автомобильчике «Малютка» ехал светловолосый малыш и левой ручонкой давил на резиновую грушу сигнала. Можно было подумать, что это педальный автомобиль, но мы лично убедились, что для тяги был приспособлен мотор веломотоцикла «Киевлянин». Юный шофер уверенно продемонстрировал нам технические качества автомашины: две передние скорости, задний ход и «крейсерские возможности» «Малютки» — двенадцать километров в час.

— Сколько тебе лет, Саша? — спросил я владельца этой забавной трехколесной автомашины.

— Четыре — пятый,— и, заинтересованный нашим багажником, Саша спросил, что у нас там лежит, куда мы едем и почему у нас такие «старенькие скаты». Никогда еще с таким удовольствием не показывал я бензозаправочный гарнитур и самовытягивающую лебедку, как это делал для своего юного «коллеги».

«Малютку» смастерил Сашин отец, начальник пожарной охраны поселка Мякит товарищ Андронов. Из дюралюминия, снятого с кузова разбитого автобуса, он сделал кузов «Малютки». В домашней обстановке, в свободное время, отец из утильных частей и деталей создал свое произведение. И если вы его спросите, как это он не боится за сына, старший Андронов ответит:

— Подобно тому, как дети степей рождаются на коне, юные колымчане — на автомашине. Уверяю вас, на Колыме вы еще встретите не одного такого водителя...

И встретили! Только-только поднялись мы по длинному склону идущей в Оротукан дороги — из-за поворота прямо на нас выезжает мотоцикл с коляской: ведет его, стоя между седлом и рулем, мальчишка лет пяти—шести. В коляске, прижав к груди видавшую виды куклу, спокойно сидит трехлетняя девочка. Мы ахаем и тормозим, восхищенные! К нам подходит парень в комбинезоне и ворчит трезвым, без намека на восхищение голосом:

— Да, ГАИ можно! А попробовал бы кто другой — штраф в размере до ста рублей. Это ж сын инспектора ГАИ!

Все равно — здорово! Сын начальника ГАИ, даже не посмотрев на нашу машину, круто развернулся — только дрогнул капроновый бант на голове у пассажирки, да захлопали от толчка моргучие куклины глаза.

Нам ничего не оставалось, как ехать за ним — к центральной площади Оротукана.

Беленькие домики Оротукана! Когда впереди поселок, всегда хочется поскорее увидеть, встретить, поговорить.

Оротукан, как и все поселки на Колыме, окружен сопками, поредевшей тайгой. Ходят по улицам самосвалы, груженные стройматериалами; дома старенькие — низкие, побеленные и новые — двухэтажные. Вот за невысоким заборчиком застекленная веранда и деревянные «грибки» детского сада. И доносится оттуда типичная детсадовская песня:

Правой ножкой топ-топ-топ...

Слышно, как добросовестно, тройным ударом, топают сначала правые, а потом левые ножки.

Под Новый год этим детишкам здесь устраивают такие «елки»: сверлят в палке множество отверстий и вставляют веточки кедрового стланика. Что такое настоящая елочка, колымские дети не знают.

Бегают по улицам девочки в белых коротких платьях и в носочках. Парень лет семи ремонтирует камнем двухколесный велосипед. Он в майке с отцовского плеча — плечики ему велики и сползают — видно, как крепко обожгло его сегодняшнее солнце.

Ходят женщины, нарядные как одна, с оголенными руками.

Все как везде. И только мосты в Оротукане особенные! Широкая и быстрая речка с каменистым руслом петляет по Оротукану. Над речкой парят мосты и мостики: для машин — широкий, деревянный, весь в переплетенных балках, для пешеходов — узкие, висячие, маленькие копии Крымского над Москвой-рекой. Пешеходные мостики качаются на тросах над быстрой водой, и, когда идешь по ним, с непривычки захватывает дух, как на гэсовской «канатке» над Волгой.

Есть в Оротукане еще одно свое, особое, дорогое: памятник Тане Маландиной. В центре поселка — серый высокий монумент, в кругу — барельеф. Строгий девичий профиль. Похожа на Зою Космодемьянскую. Написано: «Татьяна Михайловна Маландина». Даты внизу: «1910—1937». Маленькая оградка, четыре голоногих тополя по углам, на земле — красные кисточки травы,— не знаю, как называется.

Возле памятника (под карнизом одноэтажного здания, у которого стоит Доска почета) — гнезда ласточек. Ласточка-мама прилетает, детки пищат, кормятся. Ласточки гнездятся только в хорошем месте.

Пока мы стоим у памятника, возле нашей машины собираются ребятишки. И на вопрос: «Кто нам расскажет о Тане?» — они кричат:

— У нас всем Петр Флегонтович рассказывает!

Ребята ведут нас по улице Тани Маландиной к домику Петра Флегонтовича Зыкина.

А вот и он сам — высокий и узкоплечий. Добродушная улыбка делает его лицо молодым, и седые волосы замечаешь не сразу. Знакомясь, он скромно, негромким своим голосом говорит:

— Милости просим к нашему пенсионерскому шалашу.

Но то, что он пенсионер,— это в его жизни занимает последнее место. Беспокойная, не знающая покоя зыкинская душа!

Но о Зыкине потом.

Сейчас он ведет нас по улице Тани, гордо показывает новый Дворец спорта, школу на четыреста сорок мест, общежитие молодежи, детский комбинат. Он так прислушивается к топ-топающим ножкам и так при этом улыбается, что можно подумать — это поют и пляшут не

тридцать — сорок маленьких оротуканцев, а по крайней мере кровный зыкинский внук.

У памятника Тани мы останавливаемся и слушаем рассказ Петра Флегонтовича о комсомолке Маландиной. В тридцатых годах на Колыме было так трудно, что туда и брали не всех. Особенно неохотно — девушек. Таня добивалась: «Буду писать заявления каждый день, пять раз в день, а на Колыму обязательно поеду! Так я решила». Какое волевое сердце! Она добилась своего. В Оротукане ленинградская девушка Таня работала секретарем комитета ВЛКСМ Южного горного управления.

В то время комсомольцы боролись с влиянием преступного мира, разоблачали скрытых и явных врагов нашего государства. Таня была смелой и принципиальной. Бандиты убили ее. Но никогда не забудет молодежь Колымы отважное сердце Тани. Зимой запорошенный снегом, летом убранный живыми колымскими цветами памятник Татьяне Маландиной всегда будет напоминать каждому, кто к нему подойдет: будь бдителен, будь принципиален, будь нетерпим к тем, кто хочет помешать нашему широкому шагу в счастливый завтрашний день.

Петр Флегонтович пригласил нас к себе ночевать. Домик его окружен огромным огородом.

— Это все жена,— улыбается Зыкин,— она у меня хозяйка, а я «нахлебник»: у меня пенсия девятьсот пятьдесят рублей, у нее — девятьсот семьдесят.

У хозяйки, Надежды Семеновны Зыкиной, все четыре комнаты такие аккуратные, беленькие, вышитые! На столе в кувшине — букет. Все тот же рябинник, тысячелистник и смелые искорки редиски-цветухи. Как нежно выступают белые звездочки из серо-желтой жесткой придорожной травы! В каждой комнате — самодельные абажуры, украшенные игрушками из елки-малютки.

Надежда Семеновна ставит на стол румяные оладьи, котлеты, манную кашу. Сразу запахло домом.

— Не волнуйтесь, у нас не только оладьи... — Надежда Семеновна лукаво поглядывает на мужа и достает из буфета рюмки.

— Ну, это уж дело мое! — хозяин ставит на стол графин с наливками собственного изготовления. До чего ароматна! Но секрета производства хозяин так нам и не открыл.

За ужином в разговоре с этими симпатичными, дружными супругами я еще раз убедился в том, что почти каждый колымский поселок, помимо всего прочего, преподносит какого-нибудь интересного человека: цветовод в Палатке; редактор радиовещания в Усть-Омчуге; пятилетний шофер в Мяките; геолог на Медведь-базе; многосемейный аткинский старожил... А в Оротукане — это Надежда Семеновна Зыкина.

Передо мной лежат три толстые общие тетради в клеенчатых обложках. От корочки до корочки все они исписаны бисерным почерком Надежды Семеновны. Это не дневник, не мемуары. Это... С декабря 1957 по июль 1958 года, то есть за семь — восемь месяцев, Надежда Семеновна, страстная любительница кино, просмотрела двести пятнадцать кинофильмов! Каждый из них получил ее оценку: разобрана игра актеров, текст сценария, идейные и художественные достоинства. Читаешь эти записки с интересом, так как пишет их очень откровенный, самобытный человек.

А какие диспуты с молодежью проводит Надежда Семеновна, когда привозят в Оротукан особенно «острые», «душевные» картины!

Кроме своей «фильмотеки», Зыкина увлекается огородом. Картофель у нее лучший в Оротукане! В этом году ожидали особенно хороший урожай, но в конце июля ударил ночной мороз (семь градусов) и у картофеля померзли плети.

— Ничего, он привык, — уверяла Надежда Семеновна.— Бог с ними, с плетьми, клубень все равно растет!

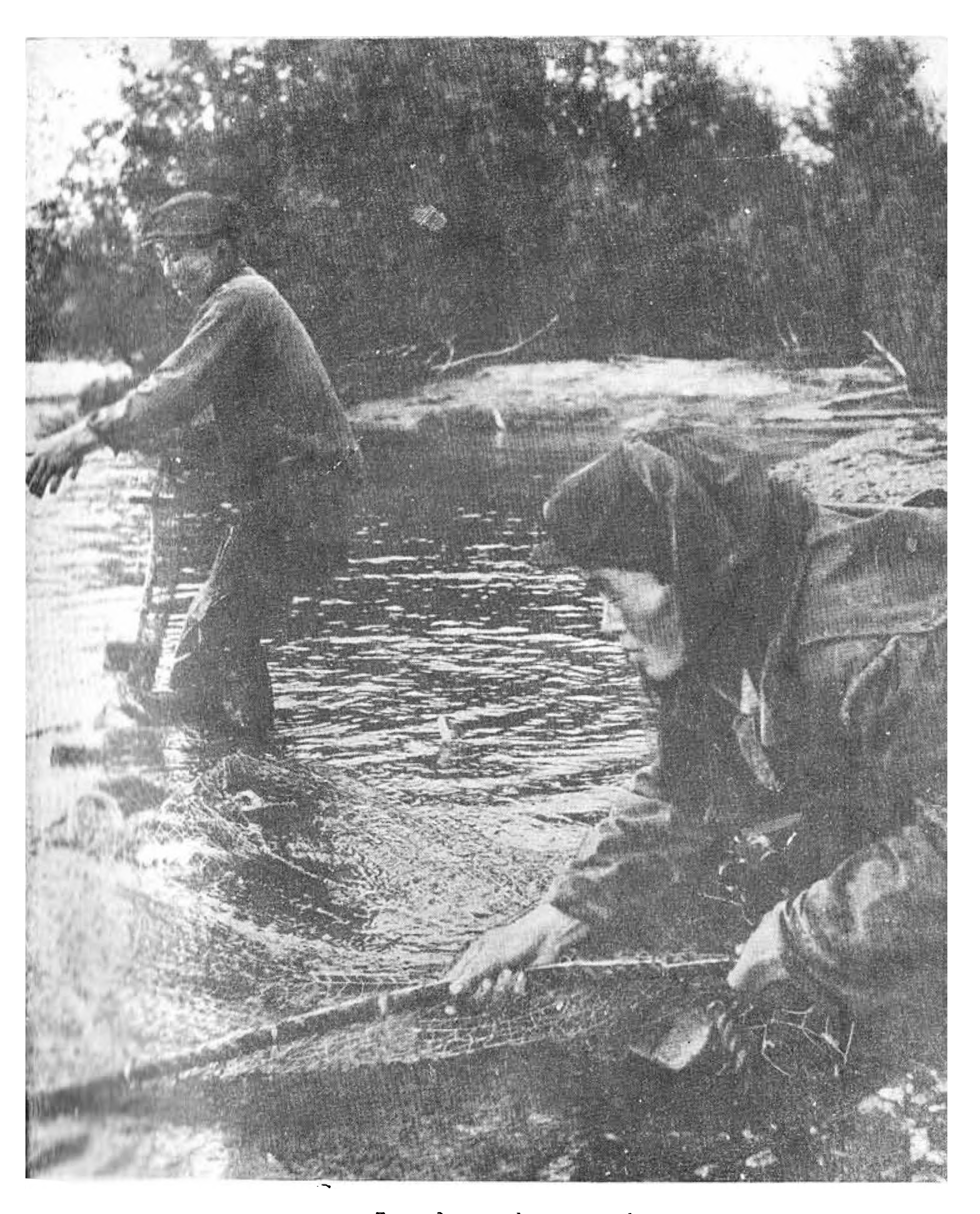
Непонятно, как эта женщина находит еще время на занятия в драмкружке. Ее любимая роль мать в «Славе» Гусева.

А Петр Флегонтович? О нем жена говорит:

— Он вам завтра все покажет. Он на заводе не только каждого человека — каждый винтик знает!

Зыкин — заместитель секретаря парторганизации Оротуканского металлургического завода, внештатный корреспондент «Магаданской правды» и районной газеты «Северная правда», активист литературной группы местного клуба.

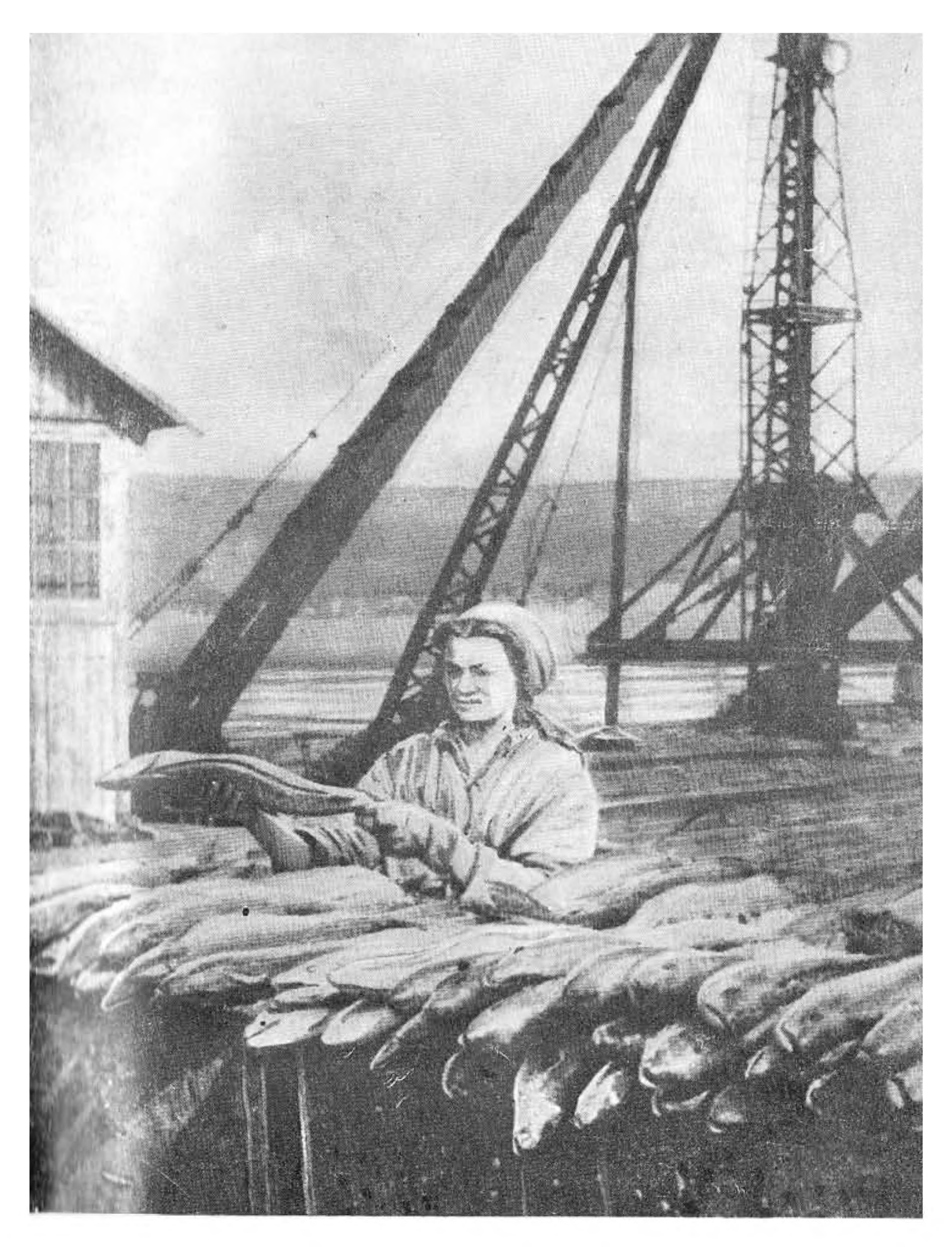
Вот почему «пенсионеры» это «последние должно-

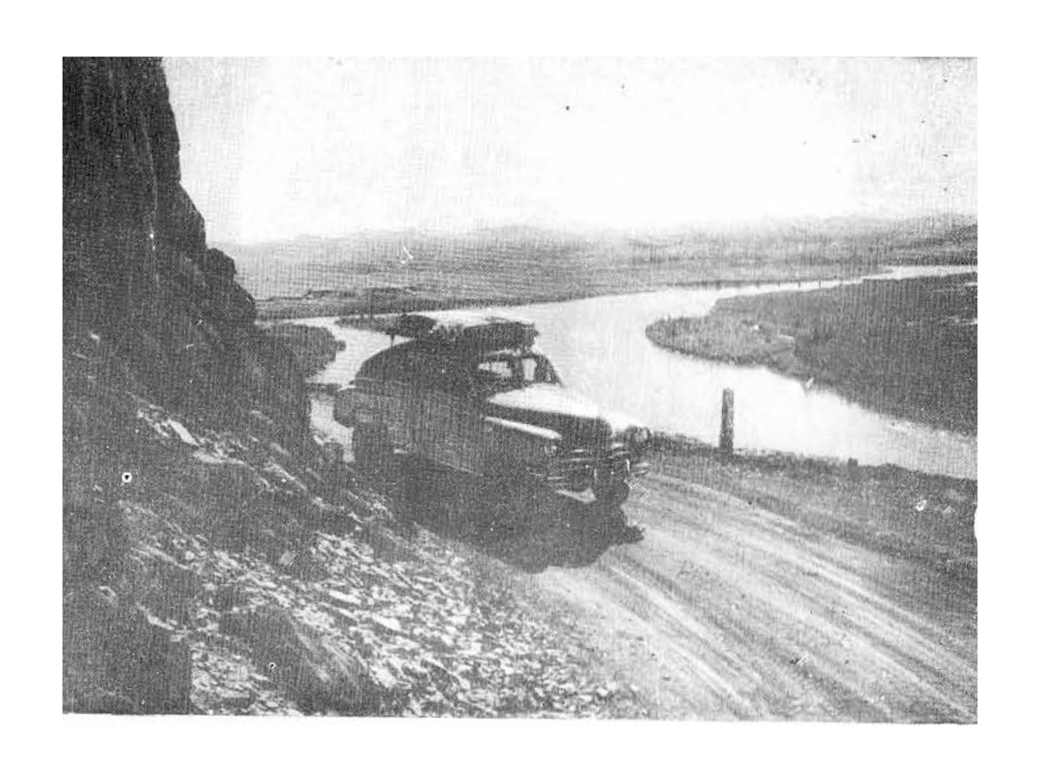
у эвенов. Бригада закидного невода.

Пьет рыбак чифир из кружки,
Ставит невода свои;
Серебристые веснушки
На лице от чешуи...

На ольском «Кон-Тики».

Усть-Магаданском рыбозаводе. Засольный цех.

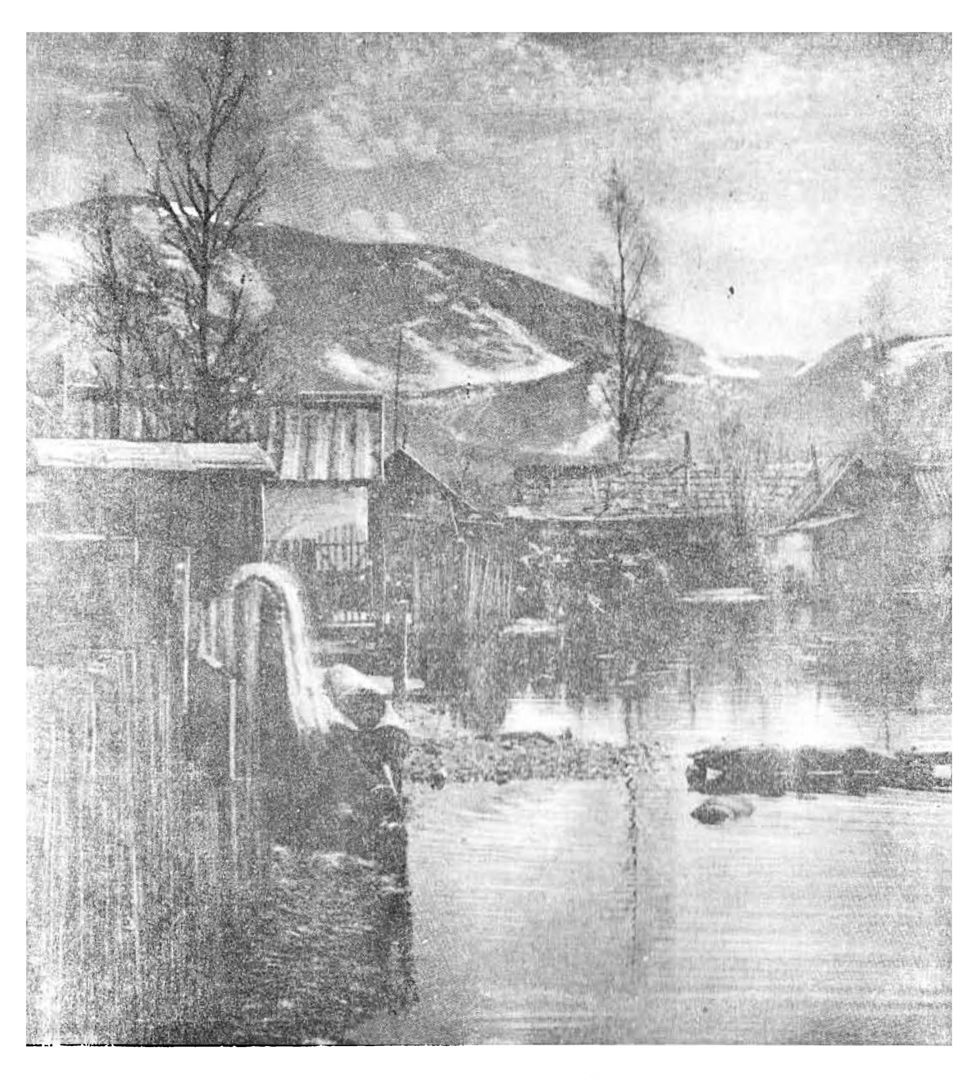

Характер у колымчан
Обрывистый, как прижим.
Над ними мороз крепчал.
Был ветер неудержим!

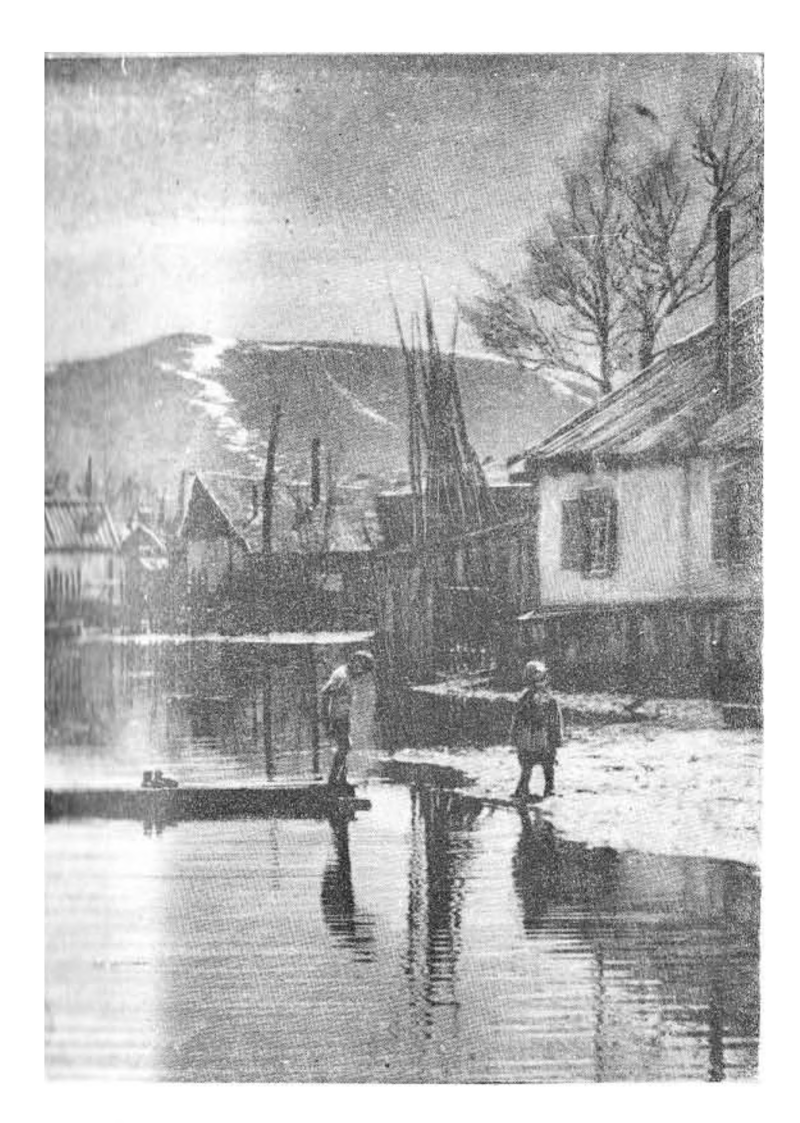
Прижимистая кайма,
Прорубленная в скале
Лицо твое, Колыма,
С кустарником на скале.

Я счастлив, что довелось
Легенды узнать твои,
Задумчивый остров Слез,
И тихий остров Любви.

[illegible]лотое Я г о д н о е. Геологический Н е к с и к а н. Эти благоустроенные [illegible]и возникли там, где совсем недавно...

...ютились первые бараки и «времянки» геологов

...ков...

Мария А м а м и ч — лучшая умелица-вышивальщица ольского колхоза «Победа». Читатель ни на минуту не должен забывать, что путешествие наше проходит в краю восьмимесячного снега...

сти» Зыкина и его жены. Я сказал им, что они формальные пенсионеры.

— Да ведь если только жить да пенсию получать, с тоски помрешь! — говорит Петр Флегонтович.

— Конечно, главное не пенсия,— вторит Надежда Семеновна, и на вопрос: «Что же все-таки главное?» — отвечает, почти не раздумывая:

— Главное, найти в жизни какое-нибудь дело, которое приносит тебе и людям радость.

Пока мы с Володей читали размышления о двухста пятнадцати фильмах, хозяйка приготовила нам постели. Белоснежное белье пахло ветром, солнцем и еще тем необъяснимым запахом, которым дышали наливки Петра Флегонтовича — травами и цветами...

Утром Петр Флегонтович повел нас на завод.

Оротуканский завод горного и обогатительного оборудования — самое северное металлургическое предприятие на Дальнем Востоке.

Пионер тяжелой индустрии Крайнего Севера лет двадцать назад, во времена Тани Маландиной, назывался «мехгородком». Этим отнюдь не принижалось значение Оротукана, а просто точно обозначались его масштабы.

Зато уже во время Отечественной войны, когда завод выпускал валковые дробилки и шахтные лебедки, оборудование: шаровые мельницы и даже токарные станки марки ДС-400,— его стали величать «Оротуканмаш».

На заводской территории — скверик. Колосится в газонах невысокий овес, белеет тысячелистник. На дорожке, прижавшись к ограде, длинным рядом выстроились мотоциклы разных марок, словно автомашины возле «Динамо» в день большого футбола! Рабочие разошлись по цехам. В скверике — никого. Только блестит на солнышке мотоциклетный никель.

Мы заходим в комсомольско-молодежный цех гусеничных лент. Уже восемь месяцев молодежь этого цеха держит переходящее знамя завода.

Двадцатилетняя Шура Кувшинова приехала в Оротукан из Москвы по комсомольскому призыву.

Была она медсестрой в Московском центральном Доме ребенка, а теперь Шура знатная работница, секретарь цехового комитета комсомола, передовая сверловщица.

Вы что, курсы кончали? — спросил Володя.

Белокурая Шура улыбается. Огромные серо-голубые глаза. На голове синяя косыночка с желтыми колечками. Клетчатая красно-серая кофточка.

— Какие там курсы! — зубы у Шуры снежные, веселые. — Показали — и пошло дело...

Шура многостаночница, обрабатывает звенья гусениц сверлом. Потом на долбежном снимает фасон (неровности), готовит площадку для шайбы. Работает она и на фрезерном.

— У нас почти каждый на всех станках умеет работать,— говорит Шура.

Мы с Володей засыпаем девушку вопросами:

— По Москве не скучаете?

— Скучаю,— говорит,— но не потому, что здесь тоскливо, а потому, что очень Москву люблю. А здесь у нас хорошо, никто не обижается. Ну прямо — родная семья.

Зашла речь о заработках, и Шура сообщила:

— В Москве у меня оклад был четыреста пятьдесят рублей, а тут в среднем получаю полторы тысячи. Ведь план иногда на сто семьдесят процентов выполняю...

— А, кроме работы, чем еще занимаетесь? — интересуется Володя...

— Ну, общественных дел полно! Политзанятия... Ездила в Москву на Четвертый профсоюзный съезд металлургов. А летом под воскресенье ходим в походы на Колыму, километров восемнадцать — двадцать отсюда. У костров ночуем, на прижимах гуляем, знаете, как интересно?

Шура опять ослепительно улыбается. Однако ночевки у костра Володю мало интересуют (сыт по горло!). И он задает последний вопрос, всю глубинность которого понимаю, кажется, только я: не нужен ли Оротуканмашу водитель автомашин?

Петр Флегонтович обрадовался. Он подошел к темноволосой, худенькой женщине:

— Мария Ефимовна, узнай, пожалуйста, нет ли у твоих шоферов в гараже вакансии?

Теперь Зыкин объяснял «что к чему» уже на два фронта. Нам: «У Марии Ефимовны в семье два шофера — муж и зять». Ей: «Понимаешь, надо морячка демобилизованного пристроить...»

Под вечер познакомились мы в электромеханическом цехе с токарем Светой Михайленко. Ей семнадцать лет. В такие годы, говорит Петр Флегонтович, кое-кто косичками потряхивает, уроки учит, да и только. Что ж, Света и косички носит, и ходит в десятый класс вечерней школы, и при этом еще работает на токарном станке.

Как подросток, по закону Света проводит у станка шесть часов. Но вот она свое время отработала, а вечером опять в цех прибежала:

— А что дома торчать? Уроки я уже сделала...

Когда человек молод, ему времени на все хватает.

Учится не только Света. Заводских «школьников» много в Оротукане. Более пятидесяти молодых оротуканцев сочетают работу на заводе с заочной учебой в высших учебных заведениях Магадана, Свердловска, Москвы.

Кое-что рассказал нам начальник сталелитейного цеха старый металлург Александр Григорьевич Прищепа. Сейчас ему уже полвека, с двадцать шестого года он член партии. Короткими фразами Александр Григорьевич говорил о заводе и о своей жизни, «о времени и о себе».

— Я приехал на Колыму еще до войны. В Донбассе работал тоже инженером-металлургом. Здесь своеобразные условия труда. Мне в сорок втором году поручили пустить этот цех. Я пришел — тут одни строители. Спрашиваю: «Есть металлурги?» Куда там! А нужно было дать первую колымскую сталь. Шла война, «материковской» стали не хватало. Вот я и начал учить людей монтировать печь и тому подобное. Кадры создавались на месте... Трудности у нас известно какие: вечная мерзлота! Бывало на шихтовом дворе трактор застрянет — лед под гусеницами, — буксует, не берет... Скользит, как на катке! И кое-кто говорил: на вечной мерзлоте да мартеновский цех? Не получится!.. А мартен — вот он!

И Прищепа с гордостью поднял руку, как флаг появившийся над взятой высоткой.

...Мечется, гудит в мартене зажженное человеком вечное пламя, оказавшееся сильнее вечной мерзлоты.

Главный инженер Оротуканского завода Лев Самойлович Фонкич говорит о перспективах:

— У нас несколько задач: реконструкция сталелитейного цеха с переводом на электросталеварение. Наш мартен — самый северный в Советском Союзе. А наша

электропечь будет самая крайняя на Северо-Востоке. Далее: реконструировать кузнечно-котельный цех, так как увеличивается производство. Затем — строительство теплоэлектроцентрали. Словом, профиль предприятия меняется: раньше это были мастерские, а теперь крупный, разносторонний завод. Ведь мы снабжаем весь Магаданский совнархоз и частично — Якутский.

Пора уезжать. Но не хочется прощаться с Зыкиным и с Шурой, и Светланой, с металлургом Прищепой... Вот так всегда: в каждом поселке остаются люди, которых никогда не забудешь. Я обещаю Петру Флегонтовичу через некоторое время вернуться в Оротукан — специально на занятие литгруппы.

И опять мелькают за окнами сопки, кусты, тонконогие лиственнички, встречные автомашины с прицепами. Стоит веха с таинственным словом «Загадка». Это название быстрой и чистой оротуканской речки, которая так и просится в новое стихотворение... Вьется сзади пыль. В глаза бьет солнце. Володя, как всегда, поет.

Прощай, любимый город,
Уходим завтра...

— Нет, не в море,— вздыхает он.

Впереди новые поселки, встречи, новые замечательные люди.

ДОРОЖНАЯ ЛИРИКА

1

Ты холодна в своей гордыне,
Ты край мой вечной мерзлоты...
А в том краю созрели дыни,
И, говорят, поют цветы.

Пускай ты — вся еще молчанье.
Но я надеюсь, я хочу,
Как люди в Атке и в Сеймчане,
На мерзлоте разбить бахчу.

2

Гроза уходит на басы,
Под радуги, под бусы,

И над алмазами росы
Туманы светло-русы.

И бурундук, гордясь тайгой,
Среди зеленых игол
С какой-то шишечкой тугой,
Как с мячиком, запрыгал.

Подбросил, покатил опять,
Ударил мешковато,
Он мне решил отпасовать
И убежал куда-то...

3

Дорога рождалась, как присказка,
Мол, сказка тайги — впереди,
Она, золотая, у прииска,
Ты бережно к ней подойди.

Попробуй начни — зазвучит она,
Поверит находкам твоим.
Та сказка еще не прочитана,
Ту сказку мы сами творим.

Неподалеку от основных цехов Спорнинского авторемонтного завода, на пустыре, настоящее кладбище автомашин. Каждая машина как памятник отваге, трудолюбию и изобретательности колымских шоферов.

— Вот ЗИС-5. На этих машинах родилась Колыма, — говорит парторг завода Николай Павлович Лушников. — Они, как ихтиозавры, уже давно вымерли... Не много осталось...

Мы долго бродим среди разбитых машин, останавливаемся возле каждой, словно у могилы павшего воина. И в неторопливом рассказе Лушникова раскрывается биография автодорожной Колымы.

ЗИС-5, ЗИС-50 приходили сюда в 1938 году после хасанских событий. В тот год присылали много таких машин.

ЗИС-5 — дитя первой пятилетки. Все шоферы и все горняки с благодарностью вспоминают эту машину. Она проползала там, где не было дорог. Не автопробег — автопроезд, автопрополз, — вот какие термины были! Ма-

шина проходила везде: по кустарникам и болотам, через горные реки и ледяные перевалы, когда под колеса палки подкладывали, камни, а иной раз и свои полушубки.

Я смотрю на старенькую, покореженную машину. Мелом написан ее государственный автомобильный номер — 4291. Под таким номером она и выйдет с завода, когда ее отремонтируют. На выломанной дверке, на голубой потрескавшейся краске три буквы: «СРЗ».

Лежит осколок разбитого ветрового стекла. Это — триплекс: две полосы стекла, а в середине — прослойка целлулоида. При ударе осколки не полетят в глаза шоферу: целлулоид удержит. Видно, эта машина очень много испытала, перетаскивая оборудование для геологов. Она, по мнению Лушникова, прошла не менее двухсот пятидесяти тысяч километров. Шов на шве, рана на ране. На радиаторе — проколы. Наверняка где-то прихватило морозом, так как трубки радиатора запаяны методом дорожного ремонта. Рама сильно изношена. Видно, что машину много раз тащили на буксире из гиблых мест, из болот: траверс рамы разорван и погнут. Крылья ржавые, перекореженные. Лушников обращает мое внимание на руль:

— Интересно... Руль не заводской, а наш, спорнинский. Эта машина, как видно, два—три раза побывала уже в капитальном ремонте.

А вот другая автомашина. На дверце, в овале нарисовано: «2 ДЭУ УШД», что означает: второй дорожный эксплуатационный участок управления шоссейных дорог. Это ЗИС-21, газогенераторная машина.

В годы войны было тяжело с бензином, и более тысячи шестисот автомашин Дальстроя работали на местном топливе. Колыма вынуждена была перейти на массовую переделку машин ЗИС-5. На смену горючему пришло газогенераторное топливо, то есть обыкновенная чурка. Комсомол шефствовал над созданием этих чуркокомбинатов. Они были на Стрелке, в Мяките — целая система. Заготавливали чурку так: резали лес, разделывали его на квадраты величиной, примерно в семьдесят—восемьдесят миллиметров и затем доводили чурку до определенного процента влажности.

Шофер, выезжая в рейс, брал в кузов пять—десять мешков чурок, которые время от времени засыпались в бункер. От сгорания дерева образовывался газ, и маши-

на вместо бензина двигалась газом. Какой бы марки ни была автомашина, ее называли «газгеном».

Когда сюда приезжал Уоллес, американский вице-президент, его поразила такая находчивость. Это был трудовой подвиг всего коллектива транспортников. Местные автобазы, авторемонтные заводы ставили себе одну задачу: перебросить как можно больше грузов для предприятий, рудников и приисков Колымы. Бывало опытные шоферы, хорошо знавшие профиль дороги, подхватят на свои двухтонки по два—три прицепа и тащат до восьми—десяти тонн.

На Всесоюзной промышленной выставке северные газогенераторы заняли первое место по газогенераторному транспорту. С той поры газгены стали пользоваться заслуженной славой, не меньшей, чем ЗИС-5 — неутомимый работяга.

Лушников вспоминает:

— Мы ехали по заячьим тропам, то есть дорог не было. Бывало включишь все три оси — и прямо по снегу прешь «на ура», и ничего, выбираешься... Вот так идет машин десять—пятнадцать, и вокруг говорят: «Колонна с горем пополам». Но мы не унывали. Сами над собой посмеивались, а дело делали, хотя и обгоняли нас олени...

В годы войны трое наших руководящих товарищей ездили в Америку. Они там закупили «Даймонды». «Даймонд» (по-английски это означает «бриллиант») — первая дизельная машина на Колыме — возил до двадцати пяти тонн.

После войны пришли ЗИС-150 и ЗИЛ-150 и, наконец, «Татра» — добрый привет от наших чехословацких друзей...

Вчера вечером мы заблудились. Выехали из Спорного, хотели быстрее добраться до берегов Колымы. Нам казалось, что вот по этой хорошей дороге и надо ехать. Но, как это ни странно, мы поднимались все выше и выше в горы по таким захватывающим петлям, что с непривычки просто страшно становилось, а Колымы все не было и не было. Неужели сбились? Куда это мы спускаемся?

Наконец показался поселок.

— Вы не туда заехали, — сказал старатель около золотоприемочной кассы.—Это Утинка, а вам нужен Дебин.

Пришлось возвращаться. Тридцать пять километров назад.

И опять дорога запружинила. Одна сопка по форме напоминала утюг. У нодножия было совсем тепло, а на вершине за утюг хваталось белое скомканное тряпье тумана.

Мы поднимались выше висящих внизу облаков. Можно было различить внизу и вверху ленты той дороги, по которой мы уже проехали или еще не проехали. Наш путь все время был над нами и под нами и никогда не оставался впереди или позади.

На этой безлюдной, почти поднебесной дороге мы неожиданно повстречали мотоциклиста и остановились. Как видно, настроение встречного совсем не отличалось от нашего.

— А знаете, я бы на вашем месте заночевал в горах,— предложил молодой человек. — Ехать сейчас опасно: смотрите, какие облака и туман. Уже двенадцатый час, а пока вы приедете в Дебин, пройдет немало времени. Давайте лучше разведем костер. Я готов составить вам компанию. Зато утром вы увидите такую красоту...

И он восторженно взмахнул рукой, что означало: «Ничего лучшего на свете не бывает!» Этот жест оказался решающим.

Машина осталась на развороте, где дорога была несколько шире. Тут же прикорнул и мотоцикл нашего «поднебесного» знакомого. Мы сошли с дороги на заросший кустарниками склон и принялись оборудовать свой горный табор.

— Да, я забыл сказать вам... Меня зовут Константин Ферапонтов... А вас?..

Константин Феропонтов оказался инструктором Ягоднинского райкома комсомола. Дело в том, что молодежь решила построить дорогу от поселка Ледяной до колхоза «Красный богатырь». Комсомольская стройка! Вот и ездит Костя Феропонтов по приискам и тормошит руководителей, чтобы скорее выделили технику. Кроме того, Костя выявляет энтузиастов, готовых принять участие в большом деле.

— Понимаете, у этого северного колхоза большие перспективы. Года два назад подняли двадцать четыре гектара целины, а в этом году уже сто семьдесят три. Здоро-

но? Мясо, молоко, добыча пушнины — просто скачок и, главное, снабжают они опять же нас, горняков. А дороги нет. Если ее построить, это ускорит не только развитие колхоза, но и расширит участок «Мылга» Эльгенского совхоза... А прииски и в ус не дуют, приходится ездить...

Чувствовалось, что Костя Феропонтов увлечен своей миссией. Мне понравились его глаза. Окруженные ободками очков, они молчаливо поощряли или не соглашались. Костя умел слушать не перебивая, но, когда начинал говорить, уже не мог остановиться: ему нужно было «разрядиться до последнего патрона», как это он сам объяснил впоследствии.

Мы вскипятили чай, пили из жестяных кружек, обжигающих губы. Костя Феропонтов сообщил об интереснейшем событии, в котором, по его мнению, и мы с Володей должны принять участие. Десятого августа, в воскресенье, на озере Джека Лондона состоится встреча комсомольцев двух поколений.

— Джека Лондона?

— Ну, да! Геологи, они фантазеры-романтики, еще и не такие названия сочиняли...

Вдруг Костя воскликнул:

— Идея! — И, торопливо разъяснив суть дела, с ходу дал мне общественную нагрузку.

— Понимаете, как здорово! Комсомольцы тридцатых годов расскажут нашей молодежи, как они завоевывали этот край, как им было трудно, но почти никто из них не унывал... Памятник Татьяне Маландиной видели? Героический труд нашей молодежи видели? Так вот, вы должны написать песню. Это вам комсомольское поручение...

— А композитор где? — резонно заметил Володя.

— Это неважно, — убеждал Костя. — Можно на какой-нибудь популярный мотив, например «По долинам и по взгорьям» или на «Подмосковные вечера», но главное, чтобы песня была колымская, наша.

— Словом, на тему дня, — уточнил Володя. — Запросто! Три—четыре!

— Не на тему дня, а на материале дня. И тебе, Володя, как демобилизованному моряку и фотолюбителю, очень важно присутствовать на такой встрече, — говорил Костя Феропонтов. — Нам такие ребята, как ты, нужны. Я уверен, что, прослушав старых комсомольцев и тех ре-

бят, что по призыву партии и комсомола приехали к нам на постоянное жительство, ты и сам захочешь остаться в нашем районе. Будешь водить «Татру» с тремя прицепами и станешь активным фотокорреспондентом районной газеты и «Магаданского комсомольца». Я тебе, если хочешь, помогу устроиться на САРЗе. Идет?

Володя двусмысленно молчал, и я понял, что после Петра Флегонтовича с его приглашениями Костя Ферапонтов для меня не менее опасный человек. Я вовсе не собирался так быстро распрощаться с Володей. На душе стало еще тревожнее, когда силу убеждения Кости я испытал на себе: он уговорил меня, и я дал слово написать песню. Пожалуй, и Володя поддастся на удочку, заброшенную Костей в зыбкую морскую душу моего спутника... Туман в горах сгущался...

Мы вытащили из машины надувные матрацы, одеяла, мой кожух и Володин бушлат, плащи и спинку от заднего сиденья, наломали кустов и стали сооружать ночлег. Надувную лодку приспособили в качестве подушки, а имевшиеся у нас две маленькие подушечки положили себе под бока. Удобно устроившись у костра, мы накрылись втроем одним одеялом и утихомирились. Нам было даже жарко: на одеяло были брошены всяческие шерстяные, байковые, кожаные и брезентовые вещи. Кроме того, мы еще согревали друг друга спинами.

Утром, чуть свет, Володя стал меня тормошить.

— Вы не замерзли? Голова у вас совершенно седая.

Я с неохотой поднялся, подошел к машине и посмотрел в зеркальце. Действительно поседел. Иней сделал свое дело. Я увидел себя в старости.

Облака были совсем рядом, на сопке. До них можно было дойти и потрогать рукой. Мы наскоро сделали зарядку и стали разогревать машину.

Костя Феропонтов возился с мотоциклом. Ему надо было ехать в Утинку. Сначала ИЖ зарычал, как зверь, потом инструктор Ягоднинского райкома комсомола сбросил газ и весело нам прокричал:

— Встретимся на прииске Горького! Чтобы песня была, как часы. А ты, Володя, подумай насчет САРЗа...

И он ринулся в облака, а мы прежде чем тронуться в путь — вниз по пружине Утинского перевала — еще долго укладывались, рассовывали «мягкую утварь».

В Спорном мы позавтракали в трассовской столовой, и Володя неожиданно изрек:

— Чем дальше, тем вкуснее!

При этом он подтянул резинку на лыжных штанах и сказал что-то нелестное относительно сухого картофеля.

— Скорей бы уж строили дорогу в «Красный богатырь» и разворачивали выдающиеся перспективы этого колхоза... Ну, три—четыре, айда в Дебин...

ДЕБИНСКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Дымится Маймаджинский горный гребень,
Висит тайга зеленой бахромой...
И, наконец, мы приезжаем в Дебин,
в поселок над прижимной Колымой.

...Мне вспомнилось: в дорогу провожали.
— Смотри, ты едешь в незнакомый край,
И если что... скандал там... и так далее,
Не ввязывайся, лучше не влезай...
— Но если человека оскорбили?
И если бьют кого-нибудь при мне?
— Вот именно... другие, скажем, били,
А выйдет так, что по твоей вине.
— Но как же так не вмешиваться даже,
Когда, к примеру, видишь: это плут!
— Как знаешь, только помни, на тебя же
Письмо в Союз писателей пришлют.
— Письмо? Да ерунда! Какого черта!
Я объясню — клевещут на меня.
— Но раз письмо — уже виновен в чем-то:
Ведь не бывает дыма без огня.
И вот сегодня, в Дебине...
                                        Как видно,
Недаром беспокоится народ,
Когда из бочки рыжее повидло
Буфетчица дощечкою берет.
Берет и говорит:
                              — Осталось мало,
Да погодите... завтра привезут...
Но очередь ее не понимала,
И кто был прав — не разберешься тут.

И вот смотрю я:
у буфетной стойки
Один толкает женщин, матерясь.
И я себе не говорю: «Не стоит»,
А говорю: «Вмешаться — самый раз».
Когда, ругаясь, шарил он по спинам,
Сказал я:
— Осторожней, гражданин!
Но клин не даром вышибают клином,
Поскольку слов не понимает клин.
Стараюсь говорить возможно строже,
Потом плеча его
касаюсь чуть.
Он на меня.
И вижу я по роже,
Что норовит в азарте отпихнуть.
Но на него всей чайной, тараторя,
Как «зашумели», не жалея сил...
На радость мне,
а может быть, на горе,
Он кулаки пустые уносил.
Я видел, люди благодарны были,
И радость в том, что женщина одна
Сказала мне:
— Спасибо, подсобили,
А то ведь вон как действует шпана...
Да, действует...
Нас шины поразили...
Проколоты... Как видно, не вернешь.
И только стало ясно: по резине
Недавно прогулялся свежий нож.
Меня ругают:
— Глупо... Вот так случай!
Зачем влезал? Ни сердцу, ни уму...
И сам себе я говорю:
«Послушай,
Не надо, в самом деле ни к чему...»
Но тут же совесть обжигает жалом:
Как можно даже в мыслях быть таким?!
Нет, мы должны
не поступаться в малом,
А там и в крупном деле не сдадим.

Покой не обретают равнодушьем,
И если видишь —
                    льется через край,
Срывают график или дело душат, —
Беги навстречу,
                    думай, помогай!
И вот тогда ты будешь сам уверен:
Чтоб ни стряслось нечаянно в судьбе,
Лишь ты замыслишь
                    постучаться в двери,
Как люди сами постучат к тебе.
Не посчитают делом неудобным
Найти тебя, все честно разобрав,
Помогут,
          успокоят словом добрым
И отвоюют, если только прав.
А те, кто скажут:
                    — Наша хата с краю...
Мы ни при чем... Не надо и нельзя... —
Не только мне и вам, я полагаю,
Самим себе
          враги, а не друзья.

...А утром мы над скатами потеем,
Нам принесли парное молоко,
Резиной пахло и горячим клеем,
Дышалось по-июльски глубоко.

Мне было хорошо за руль усесться
И под шуршанье пострадавших шин
Вдруг ощутить, как засветилось сердце
Каким-то чувством строгим и большим.

Незабываемая первая встреча с Колымой.

Красивая, суровая, плавная река. Широкий мост. Колыма здесь судоходна. На мосту плотный, приземистый человек в гимнастерке без погон. На груди звездочка Героя Советского Союза.

Володя тормозит у самого моста.

— Спросим у солдата, как на Прижимы ехать. Уж он знает!

— А может, и не солдат! — говорю.

Но Володя уверен.

— Как не солдат? Не за колымский же мост ему героя дали!

Герой подошел к нам, улыбнулся:

— Нет, не за колымский мост. Это — с войны привез. А дорога на Прижимы — вон! Вправо от Дебина все будут тальнички, тальнички, а потом сразу — Прижимы.

Вот и Дебин справа. Отмелькали по обочинам гибкие ветки пыльных тальничков. Машина вылетела на обрыв.

Серые камни с рыжими полосами ржавчины. Обрыв над водой. Камень бросишь — плеска не слышно, так высоко. Внизу — мутная Колыма, вода желто-бурая, видно, дожди шли. Вдали — Дебин, трубы, белые домики. Здесь жарко и сухо. Цветет под обрывом малина, а где малина — там крапива! Качается на ветру, пахнет медом желтый подмаренник, синие свернувшиеся от жары чашечки колокольчиков прицепились к обрыву. Пахнет полынью. Летают над самым багажником большие стрекозы. Сверху на прижимы опускаются заросли ольхи. Раздвинешь руками ветки ольховника — там не видать никакой земли, растут кусты на голых камнях. Из-под корней капает, словно тик-такает в тишине, чистая ледяная вода. Свистят какие-то птицы.

За Колымой видна основная трасса. Машин не видно — так это далеко внизу. Но они угадываются: над дорогой движется, словно живая, полоса густой пыли. Иногда, в сухую погоду, колымская пыль становится причиной аварий. Нам сказал дебинский шофер: «Бойтесь пыли». Когда глядишь вдаль, кажется, что по дороге ползет, постепенно уменьшаясь, живой дым.

И тут, любуясь величавой Колымой, я вспомнил о комсомольском поручении. Как и советовал Константин Ферапонтов, решил писать песню на известный мотив «Когда весна придет, не знаю». Мне хотелось, чтобы песня была душевной и в то же время героической, торжественной. Пусть это будет районная песня, ягоднинская, понятная и характерная именно для людей этого края. Ничего, что нет еще начала, возможно, пригодится и такой набросок:

Из Ягоднинского района,
С крутых прижимов Колымы
На этот край глядим влюбленно,
Его судьбой гордимся мы.

Да, Прижимы... К высоким скалам прижалась узкая лента дороги. Посмотришь вниз — дух захватывает: крутой обрыв.

И вот, как в кино, на самом страшном узком месте появились две встречные машины: МАЗ и какая-то «тонка». «Тонка» кричала МАЗу: «Дядя Саша, не торопись, сорвешься!» Они разъехались над самым обрывом.

— Отчаянные люди, — сказал Володя. — Как они только не боятся!.. — И совершенно неожиданно прибавил. — Послезавтра приходит «Феликс» и, откровенно говоря, мне бы хотелось повидаться с Раей.

— Как говорится, любовь твоя не за горами.

— В том-то и дело, что за горами, — вздохнул Володя. — Надо преодолеть Маймаджинский хребет. Если вы не возражаете, я раздобуду мотоцикл и на минутку слетаю на свидание...

Полтысячи километров для него, как видно, сущий пустяк. Вот уж поистине для любви не существует расстояний... Мы договорились, что вместе доедем до прииска имени Горького и там постараемся раздобыть для Володи мотоцикл.

А пока — вперед на север, к Таскану!

Тасканская электростанция в свое время была центром энергетики Магаданской области. Теперь фактически она в резерве, когда нужно — ее включают.

Километров пятьдесят проехали мы над Колымой и перед самым Усть-Тасканом, возле парома, разговорились с водителем ГАЗа.

— Еду в Якутию, везу горнякам печенье, макароны и вино.

— Но позвольте: насколько нам известно, Тасканский пищекомбинат — предприятие местного значения, задача его снабжать область.

— Так-то оно так, но, кроме четырех сортов печенья, комбинат в этом году осваивает еще три новых сорта. А молока теперь хоть отбавляй, везде на трассе купите. Так почему не продавать продукты соседям?

На пищекомбинате большие склады изо льда, сооруженные по методу инженера Крылова, с которым я встречался еще на Волго-Доне. Там он предлагал методом намораживания орошать посевы...

Проехали еще пятнадцать километров над рекой Тас-

кап, обогнали несколько тракторов с корчевателями на прицепе.

— Совхоз «Эльген» в этом году задумал поднять четыреста гектаров целины, а у них всего семь тракторов... Вот мы и едем на подмогу, — сообщил один тракторист.

Целина на 63-м градусе северной широты!

Понятие «целина» в наше время стало очень широким.

Есть целинные просторы, на которых убирают миллионнопудовые урожаи хлеба.

Человеческие отношения — это тоже целина, если иметь в виду взаимопомощь и чуткость людей в новом коммунистическом обществе.

Есть космическая целина, но сказать точнее, не ее подымают, а в нее подымают.

А здесь, на Колыме, — целина вечной мерзлоты, которую отогревают своими сердцами наши современники.

В совхозе «Эльген» есть свои замечательные достижения: самая первая капуста! В прошлом году завезли с «материка» восемьдесят тонн капусты, а сейчас, в это же самое время «Эльген» дает сто тонн ранних капустных сортов! У птичниц — свои методы, свой опыт, и его распространяют по Колыме во всех подсобных хозяйствах. Семьдесят четыре яйца от каждой несушки вместо шестидесяти двух по плану! С каждой рамы в парниках овощеводы берут по три килограмма огурцов. И я думаю о том, что вечномерзлотные районы, как это ни удивительно, покоряются человеку, когда он одержим прекрасной идеей: во что бы то ни стало преобразить свою землю. И тут уже в песню просятся слова о сельскохозяйственном подвиге ягоднинцев. С благодарностью вспоминал я Костю Феропонтова, который взял с меня слово ни на минуту не забывать о встрече комсомольцев двух поколений.

...И хватит нашего задора
И огонька и теплоты,
Чтоб покорить златые горы
И зону вечной мерзлоты...

После июньского Пленума ЦК КПСС, когда новый порядок и условия заготовок сельскохозяйственных продуктов стали реально ощутимы, когда отменили обязательные поставки и натуроплату за работу машинно-

От прииска имени Горького через Пушкинскую улицу в Ягодном на озеро Джека Лондона!

В ЧЕСТЬ 40-ЛЕТИЯ КОМСОМОЛА

ДЕНЬ ВСТРЕЧИ ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ КОМСОМОЛЬЦЕВ ЯГОДНИНСКОГО РАЙОНА

Виктор УРИН

КОМСОМОЛЬСКАЯ КОЛЫМА*

Тайга туманами объята,
костер пылает в полутьме.
Споем, друзья, споем, ребята,
о комсомольской Колыме!

Поют седые колымчане
о дальней юности своей,
о том, как зимними ночами
им становилось все трудней.

Но не сдавались люди эти,
идя дорогою прямой
И комсомольский смелый ветер
не зря шумел над Колымой.

И если станет трудновато,
мы вспомним девушку одну,
мы вспомним тех, кто шел
в тридцатых
на золотую целину.

И хватит нашего задора,
и огонька, и теплоты,
чтоб покорить златые горы
и зону вечной мерзлоты.

Из Ягоднинского района
с крутых прижимов Колымы
на этот край глядим влюбленно,
его судьбой гордимся мы.

И наши будни трудовые,
и комсомольские года,
как самородки золотые,
не заржавеют никогда.

10 августа 1958 года
Озеро Джека Лондона

---

* На мотив песни из кинофильма «Весна на Заречной улице».

Отцы и дети... На озере разбрасывали листовки...

А утром, как всегда, шли или ехали на работу.

и то, о чем они вчера пели, продолжалось сегодня под радугой гидронапорной струи....

Гидрооттайка.

Промприбор, малая фабрика золота

На драге. Съем золота.

Самородок «Осень».

Лотки и проходнушки.
Комсомольские «сто граммов».

тракторной станции, здесь, на севере, это было воспринято с особым воодушевлением. В совхозе «Эльген» каждый понял, что если заготовить по две тонны сена и по пять тонн сочных кормов на каждую корову, то можно будет надаивать по три тысячи килограммов молока. Как это улучшит благосостояние каждого совхозного рабочего! Значит, надо подымать целину. Больше турнепса, однолетних трав на силос и на сено! Что касается томатов, огурцов и капусты, то из года в год урожаи их повышаются. Ягоднинцы теперь говорят: «Капуста для нас не проблема, отсылаем даже в другие районы».

Из Эльгена — назад к Таскану. Первый бурундук и красная смородина над рекой Усть-Таскан. И вот опять прижимы, хотя и не по скалам, как над Колымой, а по лесистой сопке. Подъезжаем к большому поселку. Внизу, в долине реки, среди разновысоких темных и светлых терриконов рассыпаны беленькие домики, словно сахар на черном бархате. Это и есть поселок прииска имени Горького, один из ведущих цехов золотодобывающей Колымы.

На участке «Одинокий» Володя раздобыл мотоцикл у одного симпатичного молодого экскаваторщика и «на минутку» помчался в Магадан: по расписанию «Феликс» уже пришел в Нагаевский порт и, следовательно, демобилизованный Ромео завтра весь день сможет провести со своей Джульеттой.

В кабинете начальника прииска я снова встретился с Константином Феропонтовым.

— Как? Вы до сих пор еще не написали песню? Я просто удивлен! Нет, знаете, так дело не пойдет. Я уже сообщил в Ягодное, что песня будет.

Я сказал, что у меня есть кое-какие наброски.

— Нам не наброски нужны, а готовый текст, — требовал Костя.

— Вы бы помогли мне, — сказал я. — Рассказали бы что-нибудь интересное, героическое, чтобы я вдохновился...

— Как? И вам мало того, что вы уже видели на Колыме. Ну, знаете... Хорошо, я вам расскажу, вернее покажу. Точнее сказать, не я буду рассказывать, а экскаватор. Поехали! Я вас привезу к такому месту — ахнете!

По дороге в «такое» место Костя говорил:

— Надо, понимаете, задушевную. Чтобы старожил запел и заплакал.

Я сказал, что вряд ли у меня получится, но Костя, казалось, не расслышал:

— Надо создать такую песню, чтобы наши поехали в отпуск, запели там и молодежь захотела бы к нам приехать. Колыме нужны люди!

Когда зашел разговор о предстоящей поездке, Костя Феропонтов сказал:

— С Горького к Лондону ребята поедут через Ягодное, по Пушкинской улице. Звучит, между прочим! Сплошная литература.

По пути на участок нас останавливает девушка в стеганке и сером пуховом платке и сурово объявляет:

— Придется в объезд...

В чем дело? Дорога, по которой мы ехали, будет взрываться, и на этом месте начнут разрабатывать полигон для промывочного прибора. Оказывается, мы ехали по золоту.

— Участок дороги, по которой вы к нам приехали, фактически для нас торфа, — тут же разъяснил один молодой скреперист. — А в дальнейшем возьмут здесь золотые пески...

Новичку с непривычки странно слышать слово «торфа» по отношению к самой нормальной земле — верхнему слою почвы. И еще удивительнее называть «песками» скальные породы, гальку и мерзлый грунт, обнажившиеся на дражном полигоне. Но, коль скоро в этих породах содержатся золотые россыпи, для колымчан это «пески», которые надо промыть, выловить крупицы золота и отбросить отходы, «гальку», в отвалы. Кстати гальку на Колыме называют не иначе, как «галей».

Наконец, мы подъехали к экскаватору, и, бросив мне: «Я влюблен в это место», Костя направился к невысокому пареньку, который возился у растерзанной гусеничной ленты.

— Здесь, на Горьком, сейчас тяжелое положение: гусениц нет, стоит много машин. С одной стороны — резиновый голод, с другой — гусеничный.

Костя вздохнул и сказал пареньку:

— Ну как, Иван Иванович? Опять простой?

— Замучились с этой руслоотводной канавой, — начал было Иван Иванович, но Костя с возмущением его перебил:

— Чтоб я не слышал этого слова «канава». Это русло! Русло новой реки.

Конечно, это новое русло шириной метров двенадцать — пятнадцать. Дно покрыто влажной галькой: тают грунтовые воды, вернее — вечная мерзлота.

Ваня Сергиенко — все его так уважают, что называют Иваном Ивановичем — машинист экскаватора ЛК-05, вместе с напарником Борисом Гречкиным прокладывает новое речное русло, чтобы пригласить сюда воды старой золотоносной речки. Когда ее осушат, можно будет брать металл.

— Учти, Иван Иванович, — сказал Костя. — Как лучший экскаваторщик, ты поедешь на встречу двух поколений. Это будет десятого на Джехе. Так что готовься...

— Но почему именно я?

— Твою кандидатуру утвердил райком комсомола...

— А он утвердил, что дождя не будет? — улыбнулся Иван Иванович.

Широкая гусеница придавила к влажной гальке Ваниного тезку — малиновый султан иван-чая.

Иван Иванович приехал на Колыму после демобилизации. На груди у него полосатится тельняшка, а на голове — фуражка пехотинца. Говорит, выменял на бескозырку.

К экскаватору подвозят обед. Возчик Остап Мовчун останавливает своего Черкеса около рощицы, буфетчица Марина Варина сгружает с подводы продукты, ей помогает Иван Иванович.

Вскоре сюда на мотоциклах подъезжает еще несколько человек, и мы садимся на траву, принимая из рук Марины обеденные порции. Цены буфета: котлета — 2 рубля, компот — 48 копеек, оладьи — 30 копеек, фаршированые блинчики — 60 копеек, папиросы от «Байкала» до «Казбека».

Марина спрашивает:

— Вы москвич? Так вот, скажите в Москве, пусть не думают, что тут плохо жить! Тут очень хорошо, только бывает скучно. Все же райком комсомола плохо заботится...

— Иждивенческие настроения! — Костя Феропонтов нахмурился. — Не понимаю, как можно говорить о скуке, если у нас в районе... Да что говорить о районе. На одном

прииске имени Горького у вас четыре клуба, пять красных уголков, каждый день новый кинофильм, или лекция, или вечер отдыха. Разве не так?

— Так-то оно так, а все же...

Подъезжает еще один мотоциклист с промприбора — Володя Привалов. Он вынимает из кармана районную газету, весело подмигивает:

— Вот! О нашем участке пишут: «Замечательная трудовая победа».

Костя Феропонтов берет газету и громко читает:

— «В честь праздника «День строителя» первый участок прииска имени Горького выполнил годовую программу по добыче золота. До конца промывочного сезона горняки обязуются добыть двадцать процентов золота сверх годовой программы и развернуть подготовительные работы к будущему году. Особенно эффективно идут работы на проходке руслоотводной канавы...»

Костя Феропонтов читает это сообщение, радуется и в то же время возмущенно восклицает:

— Ну какая же это канава! Река! Русло новой реки делают наши ребята, это ясно даже слепому. Надо дать в газету опровержение...

Костин энтузиазм окончательно покорил меня, и перед лицом нового русла я с еще большим прилежанием решил работать над песней, которую комсомольцы двух поколений впервые исполнят на озере Джека Лондона.

КОМСОМОЛЬСКОЕ МЕСТОРОЖДЕНЬЕ

Я не верю в вечность мерзлоты.
Неужели удивляться станем? —
Скованные холодом пласты
Отогреем мы своим дыханьем!

Новоселы золотых долин!
Разве эти мысли не законны?
Комсомол —
У всех у нас один,
Нас у комсомола — миллионы.
Миллионы!
Слышите, друзья?
Мы от вас, мы ваша страсть и сила!

Строя радость и тоску разя,
Юность Крайний Север огласила.

От седых верховий Колымы —
Всюду, до полярного Певека,
Многомиллионный —
Это мы,
Будь нас хоть четыре человека.

Комсомол!
Мы светлый отблеск твой,
Горсточка в завьюженном селенье...
Да, не зря
По жилке золотой
Судят обо всем месторожденье.

Интересно, когда вернется Володя: ведь ему надо готовиться к экзаменам. Но в августе на Колыме весенняя погода и все вокруг отвлекает от занятий... Словом, Володи нет, и я езжу один. У Володи срочная любовь, у меня срочная поездка на прииск «Штурмовой». Я прочитал объявление: «Прииск «Штурмовой» производит набор старателей на объекты ключей Штурмовой, Чек-Чек и их притоки. Одинокие обеспечиваются общежитием». А что если предложить свои услуги? «Постараться» день-другой и узнать, что это такое и с чем это «едят»...

У многих несведущих людей на «материке» до сих пор о старателях сохранилось представление по старинным романам: бархатные штаны, красная рубаха, бородища — во! — и кондовый разговор о золотишке. Признаться, что-то в этом духе думал и я. Но когда начальник прииска по моей просьбе вызвал одного из самых опытных старателей Петра Завьялова, вот что я увидел.

Передо мной стоял человек в светло-бежевом коверкотовом костюме, в шляпе и ярком галстуке. Образование у Завьялова высшее, когда-то он работал инженером, но сейчас только «старается». Он сказал:

— Я и двое ребят, моих помощников, за этот сезон уже намыли тринадцать килограммов золота. Работаем как промприбор.

— Это правда, — подтвердил начальник. — Металл, добываемый старателями, обходится государству дешев-

ле. Кроме того, вольноприносители и старательские артели отрабатывают такие участки, где механизмами уже ничего взять нельзя...

— Итак, где мы будем стараться? — сказал я.

— А где хотите, — тут же кругом золото. Вон за поселком ручеек, выписывайте себе допуск, берите лоток и начинайте!

— Нет, почему же за поселком, — не согласился Завьялов. — Раз у товарища есть автомашина, мы можем съездить с ним... Словом, у меня есть одно секретное место, если не возражаете...

Я не только не возражал, но с воодушевлением принял предложение Завьялова, и он отправился домой, чтобы переодеться и захватить «орудия производства», а я стал хлопотать насчет допуска.

Узнав, что допуск мне дали, один бульдозерист огорченно сказал:

— А вот нам не выдают. Считают, раз двенадцать часов отработал на полигоне, — отдыхай. А у меня до следующей смены сутки свободные. Я бы и взял проходнушку и часа три — четыре поработал, так нет же, говорят, твое дело — бульдозер. Неправильно это!

— Но позвольте, я слышал молодежь взяла обязательство: в нерабочее время намыть по сто граммов золота.

— В том-то и дело, что это касается конторских работников и заводских ребят. Шоферы, если хотят, тоже стараются, а ты, как сапожник без сапог, сиди на золоте, готовь полигоны, а мыть не мой, допуска тебе не выписывают... Вы бы, товарищ писатель, поставили этот вопрос, все же государству будет прибыль, а у меня сутки свободные, что я их солить буду?

Пришел Завьялов. Теперь он был в резиновых сапогах, в стеганке, но в той же самой шляпе, этом велюровом атрибуте его интеллигентности. Мы сели в машину и вскоре очутились среди галечных хребтов — отработанных отвалов. Переезжали какие-то речушки, и всякий раз, когда я говорил: «Может быть, здесь?», Завьялов загадочно улыбался и качал головой. Наконец, он поднял руку и велел повернуть вправо. По галечным горам извивалась страшно горбатая, опасная дорога. Я включил демультипликатор. Галька под колесами сыпалась и шу-

мела, как вода, бегущая по камням, и я удивился, что этот шум продолжался в ушах даже после того, как мы остановились и вышли из машины. Трудно было сразу догадаться, что это доносится голос речушки, к берегу которой вывел меня Завьялов.

Я взял лоток, накопал мокрой каменистой земли и, следуя завьяловским наставлениям, стал проделывать те классические движения, какими славятся знаменитые колымские вольноприносители...

Перед началом работы Завьялов показал мне свою персональную книжку сдачи золота. Каждый день ему начисляли по 600—700 рублей.

— Я надеюсь, — сказал он, — вы будете трудиться прилежно...

Сказать откровенно, как я ни старался намыть хоть крупицу золота, у меня ничего не получилось. Может быть, потому, что все время думал о песне, которую обещал написать. То и дело я бросал свой лоток и хватался за карандаш.

— Разрешите полюбопытствовать, — и Завьялов заглянул в мою записную книжку. Он знал о моем комсомольском поручении. Он уже намыл несколько крупинок золота и аккуратно завернул их в рублевую бумажку, как аптечный порошок.

— А почему бы вам не провести такую мысль: подобно тому, как не ржавеет золото, так же точно и не ржавеют дела комсомола. По-моему, на озере Джека это прозвучит...

— Как вы сказали? — обрадовался я, и Завьялов повторил.

Мы снова принялись мыть золотоносный песок, и, когда я слил воду, на дне моего лотка блеснули осевшие золотые крупицы. Я радостно вскрикнул и, положив их на ладонь, показал Завьялову:

— Неужели это настоящее золото?!

— Признаться, меня больше волнует то, что у вас получится в стихах после моих рекомендаций.

Когда уже смеркалось, я прочитал ему:

И наши будни трудовые,
И комсомольские года,
Как самородки золотые,
Не заржавеют никогда.

— Так, так, — неопределенно процедил Завьялов.

— Вот... это, по-моему, концовка, — проговорил я неуверенно. — Спасибо вам. А начала еще нет...

— М-да, значит, не заржавеют, — как показалось мне, неодобрительно заметил Завьялов. — Стихи у вас вроде получаются, а вот золотишка что-то не видно.

Напрасно я пытался выяснить, что именно имел в виду Завьялов, на что он намекал: на то ли, что в моем четверостишье отсутствует драгоценный металл, или на мой лоток. Мы собрались домой. Я попытался отдать Завьялову те крупицы золота, которые намыл под его руководством. Но он категорически отказался брать эти драгоценности, раздобытые в его секретном месте, и всю дорогу шла у нас какая-то странная торговля.

Я заночевал у Завьялова. Крупицы золота завернул в рубль, как это делал он, и стал думать, как мне все-таки расстаться с этим богатством? Утром я сказал ему:

— Послушайте, мне надо ехать, а возить с собой золото, как вам известно, я не имею права.

— Но зачем так быстро уезжать?

— Вы же знаете, что я должен написать песню. Я хочу, чтобы к десятому числу ее опубликовали в районной газете. Ведь дорога́ ложка к обеду. Послезавтра комсомольцы двух поколений едут на озеро Джека Лондона, а у меня еще куча дел. И потом, мы с вами в расчете: вы мне помогли намыть четверостишье, а я вам сочинил несколько крупиц золота. Кажется, все ясно?

— Пожалуй... — улыбнулся Завьялов. — Вы правильно делаете, что не претендуете на авторство золота, раздобытого в моих секретных владениях. Я тоже не требую, чтобы моя подпись стояла под стихами, хотя вы сами не отрицаете, что я вам помог. Все правильно!

Из своего рубля я пересыпал золотинки в его рубль.

— Вот видите, — сказал он, — вы новичок и тем не менее за несколько часов заработали больше, чем получите за свои стихи. У вас есть способности старателя. Рекомендую заняться...

Я сказал, что каждый должен заниматься не тем, что ему больше принесет дохода, а тем, что он любит, на что Завьялов ответил:

— Это, конечно, верно. Но, представьте себе, что я тоже пишу стихи, и мне этим заниматься, скажем, приятнее,

чем идти «стараться», однако бывают в жизни случаи, когда делаешь не то, что хочешь, а то, что приходится.

— Нет, не только то, что «приходится», а, главное, то, что нужно.

В десяти километрах от «Штурмового», в зарослях придорожной сопки нарвал я веток красной смородины и украсил ими багажник автомашины. Ехал в Ягодное в самом лучшем настроении. Дорога за Ат-Уряхом снова запетляла в сопках, в крутых поворотах, в опасности.

В районный центр въезжаю не по основной трассе, а с севера и первое, что вижу, высоко взлетающий футбольный мяч: на стадионе идет тренировка.

Поселок Ягодное! Лучшего пока на трассе не было.

Такой парк чудесный, березки, как в Подмосковье! Тянется поселок вдоль речушки Ягоднинки. Рощи и высокие тополя в этот солнечный день дышат бодрящей прохладой, дорога становится смуглой, на улицах молодые деревья, на окнах пестрые, уютные занавески.

Когда-то пыльная трасса проходила по центральной улице, но потом ее отвели за поселок. Прошло десять лет, и в Ягодном появилось десять новых улиц. Что ни год, то улица, что ни улица, то молодой народ, приезжающий сюда по комсомольским путевкам.

В центре Ягодного — трехэтажное здание школы-интерната, несколько двухэтажных домов и масса двухквартирных коттеджей. Центральное отопление проведено во все учреждения и во многие дома, среди которых выделяются двенадцатиквартирные красавцы со всеми коммунальными удобствами. На площади — районный Дворец культуры, белоколонный, внушительный просветитель, украшенный с фасада пестрыми фанерными афишами: «Гастроли Магаданского областного театра им. Горького», «Лекция о международном положении», «Новый художественный кинофильм...», «...Производится дополнительная запись в кружки: художественного чтения, драматический, «Умелые руки», пения, кройки и шитья, бальных танцев, струнный оркестр...»

И еще на площади — деревянный универмаг с деревянными колоннами и деревянным барьерчиком по краям крыши — на память от эпохи архитектурных излишеств. Деревья вдоль штакетных оград как часовые в зеленых шлемах. Они стерегут заведенный здесь порядок: ежечас-

но заботиться о своем поселке. И ягоднинцы выходят на воскресники, строят лестницы на подъемах нагорных улиц, осушают почву там, где напомнила о себе вечная мерзлота, и озеленяют там, где солнце особенно припекает. Да, представьте себе — жаркое солнце! Не потому ли ягоднинцы проявляют новую инициативу и подымают комсомольцев, всю общественность на сооружение купального бассейна на реке Дебин, в которую так незаметно впадает скромная Ягоднинка.

После мокрого магаданского холода все мне кажется, что я не в Ягодном, а в Сочи. Ходят ребятишки в трогательных цветастых трусиках. Подбегает к машине мальчонка лет десяти: на обычные мальчишечьи трусики надеты у него длинные тюлевые шаровары. Сквозь тюль просвечивают ноги: коленки торчат, как у всех мальчишек. Это у него ножной накомарник.

И я снимаю с багажника ветки красной смородины и дарю их детворе. Юные ягоднинцы с наслаждением лопают ягоды на зависть ушастому псу.

По Садовой улице проносятся велосипедисты, рокочут мотоциклы, слышутся сигнальные гудки автомашин, поскольку в Магаданской области сигналить в населенных пунктах не возбраняется. По Пушкинской, распевая, идет пионерский отряд, и впереди самый юный пионер с барабаном. Нагорная сверкает мокрой краской только что обновленных домов. Ягоднинский промкомбинат выслал грузовик с новой мебелью. Школьники везут в тележке металлолом и, усиливая в августе майское настроение, по всему поселку порхает белый пух, совсем как у нас в Москве на Аэропортовской. Это цветут северные тополя и колымская ветла.

Я ехал по солнечным ягоднинским улицам и, словно новым друзьям, каждой говорил: «Здравствуй, Центральная!», «Здравствуй, Нагорная!», «Здравствуй, Садовая!». Здравствуй, столица старейшего золотодобывающего района! Не о садах ли ты мечтаешь или просто так, шутя, назвали тебя Ягодное, не подозревая, что, если ты захочешь, — вовсю оправдаешь свои садово-ягодные названия...

Мягкие, добрые сумерки приглашают ягоднинских жителей в парк. Теплой погодой здесь боги не балуют, и все стараются использовать этот редкий хороший вечер.

На танцплощадке тесно. Играют по очереди радиола и духовой оркестр, трепещут разноцветные флажки над площадкой, мелькают девичьи лаковые «лодочки» — все как везде. Танцуют и пожилые, солидные. Как и любви, танцам покорны, видно, все возрасты. У входа на танцплощадку стоит голубая детская коляска, завешанная черным тюлевым накомарником: папа с мамой танцуют, товарищ ждет, глубокомысленно покусывая соску... Рядом еще одна колясочка, с белым тюлем.

В парке Ягодного многие деревья гибнут: кто-то года два назад догадался обмазать стволы известью. И суровые таежники не вынесли этой аристократической заботы, которая спасает неженки далеких российских садов. Как видно, колымские деревья не нуждаются в чрезмерной заботе.

Я обратил внимание, что в такой вот хороший вечер на строительных площадках трех новых восьмиквартирных домов (улица Заводская) по-прежнему работают люди. С лесов донеслось:

— Что медлишь... Подавай раствор...

— Это что, ночная смена?

— Да нет, мы остались по доброй воле, работаем сверхурочно.

— Как же так: ведь это форменное нарушение законов о труде и продолжительности рабочего дня...

— Давайте разберемся, — поясняет плотник в сером комбинезоне Василий Демкин. — У меня в кармане ордер на вселение в этот дом. И все, кого вы тут видите: пилорамщик Паршаков, кочегар котельной Мусаев, столяр Шульц, слесарь Михно, грузчик Секриеров, — все мы остаемся добровольно: ведь строим для себя, хочется поскорее вселиться...

Видели бы вы, с каким удовольствием приходят на помощь строителям члены их семей! Не потому ли в такие сжатые сроки подымаются дома рабочих Ягоднинской стройконторы? Третий дом — молодежное общежитие. Комсомольцы решили отработать во внеурочное время по пятьдесят часов. Ряд за рядом подрастают этажи из серых шлакоблоков, а кое-где уже ведутся внутренние отделочные работы.

В районе полагают, что руководители стройконторы и профсоюзный комитет проявили ценную инициативу, вру-

чив до окончания строительства ордера рабочим, сооружающим эти дома.

Вспомнилось, как в Спорном, на САРЗе парторг Лушников рассказывал об изобретательности строителей, о их борьбе с мерзлотой. Если фундамент заложен в зоне вечной мерзлоты или над нею, то летом (мерзлота все же слегка оттаивает) углы дома то опускаются, то поднимаются, даже в глаза бросается. У Лушникова в партбюро одна стена — вверх, а другая, стычная с нею, — вниз.

Иногда, чтобы построить одноэтажный маленький домик высотой в пять—семь метров, приходится рыть котлован под фундамент глубиной до десяти метров. Пройдя вечную мерзлоту, добираются до твердого грунта...

Колымским домостроителям — особый почет.

Вчера, например, по радио сообщили из Магадана радостную весть. В День строителя каменщица Зоя Полунина и штукатур Николай Прокопов — молодые ягоднинцы — получили высокие правительственные награды: первая — орден Ленина, второй — «Знак Почета».

Таня Маландина и Зоя Полунина. Какие судьбы! И обе девушки похожи внешне и чем-то внутренне на Таню — Зою Космодемьянскую.

Люди одного сплава...

Около строящегося двухэтажного здания детского интерната я разыскал героиню нынешнего дня — Зою Полунину. Круглолицая, сосредоточенно строгая, в комбинезоне, усеянном брызгами извести, и в нескладных, грубых сапогах, Зоя выделялась среди своих подруг и в то же время была она такая, как и все. Быть может, выгоревшая креп-жоржетовая косыночка, в тонкую белую клетку, легкомысленно прикрывавшая жесткую белизну Зоиных волос, смягчала лицо и делала его беззаботным. Но так только казалось. Косынка просто оттеняла ее волевые черты.

— Когда ехали на Север, знали, что встретятся трудности, и были готовы к ним, — начала Зоя свой простой рассказ.— Готовы были жить даже в палатке. Но палаток не было, мы получили хорошие уютные общежития с паровым отоплением и зеркальными шифоньерами. А к тому времени, когда появились в среде новоселов первые молодожены, были построены и новые дома.

Сейчас штукатур Зоя Полунина живет с мужем Алексеем и дочкой Надюшей в отдельной квартире того самого дома, который она выходила своими руками.

— Муж говорит: «Моя фамилия прозвучала! Я и не думал...» — А я, как узнала, не поверила — может, это не я? Простой рабочий и такая высокая награда... Колыма, мерзлота! Как нас пугали некоторые девчонки! Теперь Колыма — родной дом, замечательный «материк».

ЖЕЛЕЗНЫЙ АИСТ

Зое Полуниной

Над скромным Ягодным подымаясь,
Наметив заранее фронт работ,
С утра хлопотливый железный аист
Квадратные гнезда из камня вьет.

О, как заботливо, как любовно,
Красивую шею свою нагнув,
Железный аист кирпич и бревна
Несет, приподняв крючковатый клюв!

И я подымаю невольно руку
У местных строителей на виду,
И с этим жестом от звука к звуку
Квадратные строфы свои кладу.

Железный аист, железный аист,
Ты подскажи, научи как быть,
Чтоб, к теме строительства прикасаясь,
Над Ягодным вместе с тобой парить.

Упрямый, старательный работяга,
Ты издали мне огоньком мигнул:
Дескать, давай, у тебя бумага
И тоже над строчкой рабочий гул.

Я что-то стал до работы жаден,
Весь день тружусь — до колымских звезд...
Я сделал столько! А ты, брат, за день
Сколько свил двухквартирных гнезд?

Ты не устал, ты паришь могуче,
И, мучаясь нуждами дел твоих,
Хочу, чтобы ярче, прочней и лучше
День изо дня становился стих.

Сделать, придумать, открыть, добиться,—
Славься нелегкий колымский труд!..
Поэты, каменщики и птицы
Надежные гнезда на счастье вьют.

В Ягоднинском районе есть два замечательных высокогорных чуда: озеро Джека Лондона и озеро Танцующих Хариусов. Они, как верные напарники,— рядышком. Первое, говорят, такая красота, что грешно не повидать. Обычно на живописных июльских берегах Джека Лондона проводятся областные слеты туристов, и ягоднинская команда меньше чем на первое место никогда не соглашается. Проехать туда очень трудно. Однако меня заверили, что наша машина с передним ведущим мостом пройдет. Ведь добираются же местные «крабы» с любителями-рыболовами. «Крабы» — это какие-то трехосные автомобили. Рыболовов главным образом привлекает озеро Танцующих Хариусов. Там столько этой вкуснющей рыбы! И главное — хариусы, как я слышал, мастерски подпрыгивают и, описав дугу, ныряют в зеркальную воду, махнув на прощание хвостиками. И еще рыболовы уверяют, что хариусы там вообще «танцуют прямо на сковородку». Чего только не услышишь от человека с удочкой! Как видно, он во всем мире одинаков!

Так вот, к этим озерам и поедет сегодня с ночевкой юный и пожилой народ Ягоднинского района на праздничную, задушевную встречу двух комсомольских поколений.

Когда сидят рядом секретарь Ягоднинского райкома партии Николай Михайлович Аксенов и секретарь райкома комсомола Валентин Старков, кажется, что это два брата. У обоих внимательные, ясные глаза, густые брови, спокойные, открытые лица с правильными чертами. О таких лицах, пожалуй, можно сказать — красивые. И только у Валентина шевелюра темно-русая, а Николай Михайлович — седой.

Аксенов любит поставить перед Старковым какую-

нибудь интересную и важную задачу. При этом он непременно скажет:

— Ну-ка, Валентин, давай заболей!

И Валентин добросовестно «болеет». Он вызывает помощников, активистов, инструкторов и заражает их своей «высокой болезнью». Так уже не раз было.

Вспомнить, например, как комсомольцы района открыли в банке счет мира. Бросили лозунг: «За комсомольские сто граммов!» Обещали намыть пятьдесят килограммов золота, но уже намыли семьдесят и в соревновании с молодежью других районов вышли на первое место. Дорогу от поселка Ледяной до колхоза «Красный богатырь» объявили комсомольской стройкой и тоже стали «болеть». А рейды «легкой кавалерии» по бережному расходованию электроэнергии?.. И вот теперь — уже несколько дней — озеро Джека Лондона. И нет ничего удивительного в том, что инструктор райкома комсомола Костя Феропонтов с таким воодушевлением добивался от меня обещанной песни.

— Давай заболей! — так и сказал Аксенов Старкову, когда возникла идея устроить на Джеке встречу комсомольцев двух поколений.

И тут уже каждый, кто как мог, активно и чистосердечно «болел». Костя буквально «выболел» мое сочинение и не растерялся даже после того, когда в редакции сказали: «Поздно».

— Да, но что же теперь будет с нашей песней?

— Вы сами виноваты,— ругал меня Костя Феропонтов.— Я вам говорил, что это ответственное комсомольское поручение, и надо было выполнять в срок. А вы затянули. Теперь в газету она не успевает... Вот... Исправьте, пожалуйста, эти две строчки... Что-нибудь придумаем, опубликуем, есть у меня идея...

Так я и не выяснил, какая идея возникла у Кости Феропонтова.

Прошло уже два дня, как Володя приехал из Магадана, и вот сегодня он отправился на первый экзамен. Жизнь идет и в новом варианте повторяется: у одного срочная песня, у другого срочные экзамены. Володя до полуночи зубрил биографии классиков, учил правила, а

утром сегодня я напоминал ему стихи Пушкина, Лермонтова, судьбу Шевченко и цитаты из книги «Как закалялась сталь». Потом он разгладил свой клеш шириной в тридцать шесть сантиметров, надел любимую ковбойку, и я прямо на нем загладил утюгом измявшиеся в чемодане клапаны нагрудных карманчиков. Пожелал ему «ни пуха, ни пера!», и он пошел... Что-то будет?

И вот уже полтора часа я жду его на широком деревянном крылечке местного «рая», то есть дома, где есть и райком партии, и райком ВЛКСМ, и райком профсоюзов, и ряд других райкомов...

Подошел благообразный гражданин в кожанке.

— Что за машина? СЩ? Это не московский номер?

— Нет, сталинградский,— говорю.

— Ну вылитая, как у братишки. У меня он в Москве, у него тоже М-72. Мы с ним весь Кавказ объездили. Я его зову: приезжай сюда, здесь красоты больше, чем на всем Кавказе! Нет, не хочет... До Аркагалы вы красиво доедете! А дальше — всяко будет. Ну, счастливо вам добираться!

Я дожидался Володю, и было у меня такое чувство, что я тоже держу экзамен. Как-никак, породнили нас колымские дороги. Володя сдал устный на четыре, ему попался «Буревестник». А в диктанте сделал пять ошибок. «Конава!» Я сказал, что отпускать в Магадан его больше не буду и на озеро Джека Лондона он не поедет. Пусть сидит занимается. Послезавтра у него экзамен по математике.

...Сейчас одиннадцать часов вечера, сижу в огромном сарае, или, вернее, заброшенном доме с окнами без рам, которые наскоро завесили мокрыми плащами, одеялами, обрывками брезента. Все это соорудили прибывшие сюда, к берегам озера Джека Лондона, ягоднинцы. Посреди этого заброшенного дома, на полу, горит костер. Дым «самовытягивается» зияющей в потолке дырой. Я примостился около огня, освещающего эту страничку, и хочу описать нашу дорогу на озеро.

Погода с вечера была неважной, и ягоднинцы хорошо знали, «куда она клонит». Но не таков характер колымчанина, чтобы отменять задуманное и подготовленное.

Даже если это касается коллективного отдыха или развлечения. Логически рассуждая, при такой погоде наступающее воскресенье разумнее было бы провести дома, но как отменить поездку, когда по всему району, от Атки до Бурхалы, дана команда: на Джеке встреча комсомольцев двух поколений!

Собственно, команда была дана отнюдь не официальная. Просто сообщили предприятиям: кто хочет, кто может — приезжайте. Ведь по замыслу райкомовских энтузиастов встреча должна быть сердечная, непринужденная. Хочешь отдохнуть, повеселиться, хочешь по душам поговорить о своей комсомольской жизни, услышать, как молодежь осваивала Колыму в прошлом, какие ждут тебя перспективы в будущем, словом, если хочешь встретиться со своими старшими товарищами или сверстниками из других поселков родного Ягоднинского района,— приезжай на озеро, не пожалеешь!

И вот наша машина — «краб», — с водителем Тимофеем Ивановичем выехала из Ягодного. А в машине той, начиная с секретаря райкома партии Аксенова и кончая самыми молодыми, — человек двадцать.

— Нет такого мешка, в который нельзя было бы положить еще одно зернышко,— подсаживая в машину девушку, говорил начальник районного отделения связи Борис Самсонович Чкуасели.

Дорога отличная до восемнадцатого километра. А всего — шестьдесят. Потом — ухабы, тряска, под колесами — огромные лобастые валуны.

Чкуасели:

— Скоро вы увидите демаркационную линию: там кончается человеческий труд и начинается природа.

Действительно, следы человеческого труда в образе сносной дороги исчезают, и Чкуасели философствует:

— Раз камни не острые, а обкатанные — значит здесь было море и оно ушло куда-то, оставив нам только озеро Джека Лондона и озеро Танцующих Хариусов...

И там, где по словам Чкуасели, кончился труд, все залюбовались природой. По бокам мелькают в темной зелени багульника и изумрудах мхов ярко-оранжевые ягодки морошки. И целыми семействами — от шляпистых отцов до пуговок-дочек — подбегают к дороге березовики и боровики. Женщины ахают: «Наберем!».

Но у мужчин свои предрассудки: поехали на рыбалку, так нечего хариусам изменять с грибами! А то и рыбы не наловишь. И мы едем дальше, без грибов. Поднявшийся еще в Ягодном сильный ветер словно сорвался с цепи: пошел дождь, холодный, долгий. Вобщем, все довольно скоро перестали замечать красоты природы и заговорили о домиках, которые есть на пятьдесят восьмом километре.

И под шум дождя одна за другой сыпались колымские афоризмы и остроты-поговорки:

«Не такой я человек, чтобы ездить на Певек — там ветры!»

«Спирт, да чтоб его на себе тащить? Пусть лучше будет в организме!»

«Не такой я ветреный, чтобы ездить на «Бодрый», и не такой я бодрый, чтобы ездить на «Ветреный».

«Бодрый» и «Ветреный» — участки колымских приисков. Говорить — говорят, а скажут им: «Поезжайте» — поедут!

По поводу рыжих сопок: «Там радиоактивный мох». О старых комсомольцах: «У нас все позади, впереди только мемуары!»

О каком-то работнике, у которого полон рот золотых коронок: «Он все зубы потерял на профработе».

А дождь все идет и идет...

Вскоре миниатюрный жанр острот и поговорок уступил место колымской новелле. Немедленно был объявлен конкурс. Условия: рассказать покороче и посмешнее.

После двух не очень интересных «новелл» Аксенов под общий смех рассказал:

— На пленуме райкома партии кто-то делал отчетный доклад. Ему задали вопрос: «Почему не выполнен план по пушнине?» И он на полном серьезе ответил: «Нынешним летом имели место частые пожары в сопках. Поэтому у бурундуков обгорели хвосты. А без хвоста — кому бурундук нужен?»

Победителем конкурса оказался Чкуасели за достовернейшую «новеллу» под названием «Воробьи».

— Один энтузиаст решил украсить Колыму милыми российскими воробьями. Нет, это серьезно! Целая воробьиная стая была выловлена на материке и пароходом, в клетках, пернатых сорванцов завезли на Колыму. Тут их

выпустили. Но несознательные воробьи моментально прилетели в бухту Нагаева, уселись на реи парохода, который их насильно доставил к нам, и преспокойно без билетов возвратились в бухту Находку...

Не забывайте, что весь этот юмор перекликался с неимоверной тряской по колдобинам и заунывным шелестом усилившегося дождя. Вот почему я бы лично первую премию дал Дороге, которая рассказала нам хотя и не самую короткую, но, безусловно, самую смешную колымскую «новеллу».

Было ужасно холодно, дождь шел не переставая, и все замерзли. Дорога — аж сердце замирало! По обрыву сопки лежали огромные валуны, и наш «краб» карабкался по ним медленно, но верно. Неожиданно вдали за скалой показалась темная водяная гладь озера Джека Лондона. Конечно, красиво! Но линия берегов, обложенная туманной влагой, и мрачноватый остров посреди озера придавали этой картине какую-то тревогу. И только беленький домик гидрологов на острове — как говорят, единственное светлое пятно на мрачном горизонте — напоминал о добром уюте и тепле, тем более, что из трубы вывинчивался дымок.

Приехали уже в темноте. Вообще озеро было похоже на разлившуюся речную пойму. Массивные высокие горы, сизые от мхов камни, лиственницы вперемешку со стлаником — и все это отзывалось в воде. Ну прямо зеркальное отражение!

Около озера Танцующих Хариусов несколько домиков. К ним-то мы и подъехали. Не поймешь: то ли домики эти еще не достроены, то ли уже растасканы. Они без дверей и оконных рам. В общем через тридцать минут мы все загадывали друг другу загадку: «Без окон, без дверей — полна горница людей». Раньше в этом бараке жили дорожники.

— Комендантом нашего населенного пункта назначаю директора ЯРЗа, старейшего комсомольца Могильникова,— говорит Аксенов,— а тамадой Бориса Самсоновича Чкуасели. Кстати, кто жалеет, что поехал, — подними руку!

Никто не поднимает.

— А поднимите руку те, кто рад, что поехал!

Все хохочут, руки не поднимаются.

— Так! — сердится Аксенов.— В таком случае прошу поднять руку тех, кто проголодался...

Ах, если бы поднявшийся лес рук волшебством можно было бы превратить в сухие дрова, тогда бы мы так не мучились от дымного костра...

— Но руки! — хохотали девчонки. — Тогда бы мы все остались без рук...

Когда все кое-как, в том числе и... спиртом, согрелись и сам Аксенов с моим ведром ушел на озеро за водой, загудели за темной стеной вечерней копоти усталые мотоциклы: это подъехали пятеро ребят со Спорного. Еще через час вошли мокрые ярзовцы — на автомашине приехали. Музыка, баян, песни, общая еда...

Чкуасели всем выдавал по кусочку шашлыка. Уже нарезанное мясо, пропитанное чесноком и луком, он привез в бидончике.

Еще по дороге на озеро Чкуасели говорил о какой-то «травке-витамине», и теперь я эту роскошь попробовал — гадость страшная. Но Чкуасели требовал, чтобы мы восторгались, и расцвел, когда я воскликнул: «Изумительно!»

Ели редиску, огурцы, а от моих консервов все отказались.

Потом попили чаю с китайским тростниковым сахаром. Все были довольны. И вот сейчас пожилые женщины, старые комсомолки, танцуют по очереди с Филатовым — редактором районной газеты «Северный рабочий». Очень здорово пляшет один дядька — старый, толстый, в тяжеленных брезентовых брюках и болотных резиновых сапогах. Как он выделывает чечетку! С удочкой! Она у него, между прочим, под мышкой... Но вот и меня тащат танцевать...

Ночью, часа в два, загудел под окном еще один «краб»: приехали-таки бурхалинцы с начальником прииска Алексеевым и парторгом Баландиным во главе. С ними, кроме ребят, две девушки в лаковых «лодочках», насквозь мокрешеньки.

Встретили их дружным «Ура!»

Я отдал им свою надувную лодку — вместо подушки: легли вокруг нее на жесткие надутые борта головами, и получился на копченом полу живой огромный подсолнух: в центре желтый овал резинового днища, а от него — лепестками — мокрые бурхалинцы! Так же использовали

и мои надувные матрацы, над которыми посмеивался Чкуасели. Он сказал: «Хорошо! Пахнет таежным колымским привалом», — и потом я видел, как он во сне улыбался.

Тихо стало. Уснули все. Только у костра, по-прежнему светившего моему дневнику, назначенный Могильниковым дневальный сушил куртки, портянки и кепки...

Дождь утихомирился. Я был так возбужден, так счастлив, что мне хотелось всех разбудить и расцеловать каждого.

Но этот свой порыв я решил отложить до утра. Дневальный разрешил мне надеть чью-то высушенную стеганку, и я направился к озеру Танцующих Хариусов. Там, на берегу, стоял домик в два оконца, я и подошел к нему. Как я познакомился с наблюдателем гидрометеопоста Алексеем Жердецким, как ходили к реке Кю-Эль-Сиена и о чем толковали, это целая история, но сейчас пора продолжить начатый разговор о приехавших сюда ягоднинцах.

Утром на приозерном склоне то тут, то там стали появляться костры. Комсомольские песни и задушевные беседы как бы перекликались с горячими вымпелами разведенного огня. Молодые колымчане и убеленные сединами старые комсомольцы...

И снова мне хочется назвать имена наших старших товарищей. Это секретарь Ягоднинского райкома партии Николай Михайлович Аксенов, начальник прииска «Бурхала» Дмитрий Семенович Алексеев, редактор газеты «Северная правда» Михаил Петрович Филатов, секретарь парторганизации автобазы Фаина Петровна Циопина, начальник районной конторы связи Борис Самсонович Чкуасели, да разве всех перечислишь!..

В самый разгар встречи я понял, в чем заключалась таинственная идея Кости Феропонтова. Когда мы сидели у костра и слушали неторопливый рассказ Могильникова о прошлом, вдали показался мотоцикл Кости Феропонтова, который привез сюда директора районной типографии Петра Петровича Артюховского. Старый комсомолец Артюховский срочно выполнил боевое комсомольское поручение: он все-таки успел напечатать и доставил к месту встречи пахнущие типографской краской листовки с текстом новой песни.

Тайга туманами объята,
Костер пылает в полутьме.
Споем, друзья, споем, ребята,
О комсомольской Колыме.

Поют седые колымчане
О дальней юности своей,
О том, как зимними ночами,
Им становилось все трудней.

Алексеев вспоминает, как в палатках волосы примерзали к брезенту, как комсомольцы тридцатых годов терпеливо преодолевали трудности. Вспоминает и о том, как посланцам комсомола приходилось бороться с влиянием преступного мира. Как все переменилось с тех пор! Сотни, тысячи юношей и девушек приехали на Колыму, десятки молодых семей живут сейчас в Оротукане на улице имени Татьяны Маландиной.

И если станет трудновато,
Мы вспомним девушку одну,
Мы вспомним тех, кто шел в тридцатых
На золотую целину.

Горит костер встречи комсомольцев двух поколений и словно освещает прошлое... Особенно взволновал всех трогательный рассказ старого комсомольца Михаила Петровича Филатова. Более двадцати лет он живет на Колыме. Давно уже он стал коммунистом, но рядом с партийным билетом хранит у себя на груди драгоценную книжечку стального цвета с профилем Ильича.

С каким интересом и уважением рассматривали молодые колымчане этот комсомольский билет тридцатых годов!..

Но не сдавались люди эти,
Идя дорогою прямой,
И комсомольский смелый ветер
Не зря шумел над Колымой...

Михаил Петрович говорил о силе воли, о том, как молодые люди, попадая в тайгу, находясь в одиночестве, не терялись и, казалось бы, в самом безвыходном положении верили в победу и побеждали.

— Я попросил бы вас, дорогие друзья, обратить внимание на расселину неподалеку от Ягодного, — говорил Филатов. — Скалистые обрывы стоят почти вплотную, а внизу — быстрая речка. И вот однажды после больших дождей забурлила речка в верховьях и, смыв молоденькую лиственницу с корнями, понесла ее в расселину. Одна дорога была у деревца — вынесет его речушка в большую реку, и погибнет оно на быстрине — без земли, без света. Но отважное, уверенное в своей правоте деревце каким-то невероятным усилием ухватилось цепкими корнями за горстку ила, прибитого рекой к голому каменному берегу, и настойчиво прижалось к нему, опустив в быструю воду тонкий ствол. А потом у него, у деревца, еще хватило силы вырвать из воды упрямую вершинку и, изогнувшись, поднять к свету сильную голову.

Как об этом рассказывал Михаил Петрович!

— Вот так же, — говорил он, — и сильные люди, отважные комсомольцы не погибают в самом суровом потоке, а только становятся закаленнее душой и телом...

После вчерашних приключений на озере Джека Лондона, после въедливого дождя и сырого тумана погода резко изменилась, как это часто бывает на Колыме. И не надо еще забывать, что озеро-то высокогорное, там и положено быть туману, когда в долине стоит чистый прозрачный день...

А сегодня утром мне снова пришлось ехать из Ягодного в Оротукан, правда, по другой дороге.

Это было вызвано тем, что на озере Джека Лондона ко мне обратились оротуканцы с вторичной просьбой приехать к ним на заседание литературной группы. «Помните, в свое время вы обещали?». Я должен был познакомиться с творчеством местных авторов и дать им литературную консультацию. Одно только замечу: умеют колымчане уговаривать и, если ты им дал слово, невозможно его не выполнить.

Ехать на своей машине я не имел права. Проклятое правило не возвращаться назад привело к тому, что теперь пришлось мне «голосовать». Но это неудобство все-таки имело свое преимущество: можно было познакомиться с шоферами, которые понятия не имели, что ты путешественник, и воспринимали тебя как новичка с «материка». Я начал овладевать искусством «голосования».

Машины мчались с такой быстротой, что просто совесть не позволяла их останавливать. Но можно было обратиться в диспетчерский пункт или завоевать перекресток.

В Оротукане я попытался расплатиться с водителем «Татры», но стоило мне протянуть ему деньги, как он окатил меня таким осуждающим взглядом, что я поторопился извиниться. Отличительная черта колымских шоферов — бескорыстие. Факт, что их интересует человек, а не деньги. Когда новосел становится местным водителем, ему сразу же «внушают» моральный кодекс автодорожной Колымы и тому, кто его нарушает, приходится плохо. Здорово влетело одному такому «крохобору». Когда я попытался его защитить, кто-то не без ехидства сказал: «Вы тоже берете деньги, когда подвозите?»

После беседы с молодыми оротуканскими поэтами подошел ко мне худощавый юноша и протянул тетрадку. На первой странице было написано: «Анатолий Сарапулов. Избранное. 1958 г. Издательство плохой литературы».

Когда я прочитал его искренние стихи, характерная для колымчанина ирония над самим собой прозвучала для меня особенно выразительно.

Однажды березка взобралась
Туда, где лишь камни да мох,
Да так там одна и осталась:
Зима захватила врасплох.

Дул ветер порывистый, жесткий,
Сгущалась вечерняя мгла...
Нам скромная веха-березка
Дорогу найти помогла.

В этот же вечер другой молодой человек, толстогубый весельчак с небрежно рассыпанной копной волос и распахнутым воротом гимнастерки подарил мне свою фотографию и на обороте написал: «Если вам удастся напечатать мои стихи, то я очень прошу, чтобы вместе с моей фотокарточкой. К сему — знакомый ваш Игорь Павлович Балахонов». Вот его стихи.

Ты понравилась мне в первый вечер
За широкий колымский простор,

Где распадок, рубеж нашей встречи,
Между нами, меж двух наших гор.

Есть пословицы, есть разговоры,
Мол, с горою горе не сойтись,
Но, пожалуй, не сходятся горы
Там, где с ними расходится жизнь...

— Эти стихи ребята писали после большого разговора в нашей оротуканской литгруппе на тему: «Ближе к современности», — говорил мой старый знакомый Петр Флегонтович Зыкин. Этот пожилой, бывалый человек теперь раскрывался совсем по-новому. Оказывается, он не только активнейший рабкор областной газеты, но и поэт. Ему не надо придумывать героику. Он лично знал Таню Маландину. Немного глуховатым голосом Зыкин прочитал свои новые стихи:

Оротукан... Над снежной сопкой дальней
Повис луны позолоченный диск,
А на земле, на площади центральной,
Стоит высокий серый обелиск.

И кто проходит мимо обелиска —
Подросток или старец с сединой, —
Почувствует, как сердцу это близко,
И постоит здесь вместе с тишиной...

Я слушал зыкинские стихи с живым интересом. Для меня они — лирический документ очевидца... И думал я: не потому ли на Колыме так много самодеятельных поэтов, художников и композиторов, что сама она, Колыма, не может не вызвать у человека желания высказаться образами, звуками, красками?..

Надо сказать, что начинающие авторы Оротукана неплохо разбираются в сложных вопросах современной литературы. А когда узнают, что вы знакомы с тем или иным прославленным поэтом, расспрашивают подробности, читают избранные строки на память и с таким искренним восторгом отзываются о «своем любимом», что вы невольно заражаетесь этим трепетом и уже по-новому смотрите на давно известного вам художника. Простые рабочие люди с творческим огоньком — они как бы зано-

во открывают для вас то, к чему вы привыкли, хотя и не имели на это право.

Во всяком случае, не будь у меня оротуканской встречи, я, конечно, не написал бы стихи о том, как человек, порой становится равнодушным там, где никогда не должна угасать благодарность и восторг перед красотой и мудростью.

Утром мы приезжаем в Бурхалу. Народу на улицах мало: все работают. Только бегают детишки в нарядных китайских костюмчиках. Кто постарше — играют в прятки. Среди них видим Леню Алексеева — сынишку начальника Бурхалинского прииска. С Леней мы знакомы: он ездил с нами на Джека. Хорошенький, задумчивый, с тоненькой шейкой. Глаза — большие, серые. И вообще весь воплощение какой-то нежности. Но на Джека эта нежность ехала не просто так, а чтобы убить медведя, — ни больше ни меньше. Нож с собой возил.

Леня сказал нам, что «папа давным-давно в управлении», и показал дорогу. О себе начальник прииска Дмитрий Семенович Алексеев говорить не хотел, сообщил только вкратце. Приехал на Колыму двадцать лет назад. Поседел вот здесь. Весной окончил отделение Томского горного института.

— Молодой специалист! — смеется парторг Баландин.

— Надо, время такое! — вздыхает Алексеев.

— Хотелось бы, Дмитрий Семенович, посмотреть драгу...

— Прежде всего вам следует поехать на дражный полигон, — предложил Дмитрий Семенович, — там вы увидите и вскрышу торфов, и гидрооттайку, и работу мониторов.

Сказано — сделано.

Бурхалинская драга № 177 работала в двух—трех километрах от поселка. Ехали мы к ней по крутым петлям узкой дороги, меж сыпучих галечных отвалов вслед за маленьким «обеденным» автобусом. Обедают дражники на берегу своего «малого дражного разреза», как назвал начальник драги Николай Тимофеевич Новиков почти квадратное озерко, по поверхности которого и движется полукругами плавучая фабрика — драга. Площадь дражного

разреза около пяти тысяч квадратных метров. Глубина сейчас метров восемь, но вообще-то драги этого типа берут до одиннадцати метров глубины, в зависимости от залегания золотоносных песков.

Все это мы узнаем от начальника Новикова, который не то застенчив, не то боится быть навязчивым. Он очень любит свой «объект». Ему кажется, что гостям вряд ли стоит рассказывать слишком подробно.

— Может, вам это неинтересно?

Николаю Новикову тридцать три года. Дражному делу учился на Урале, в горном техникуме. В свое время ездил на курсы начальников драг. А здесь работает с момента пуска этой драги, с июля 1956 года.

Непрерывно движется мокрая грохочущая цепь дражных ковшей. И каждый переполнен. Тяжелые куски породы, комья глины — все это пески. Ковши поднимаются вверх, исчезают внутри драги, опрокидываются. Слышно, как бьются в стенки завалочного люка камни и камешки. Только звон стоит да летят рыжие брызги. Ничего себе — пески-песочки!

И вот уже транспортер «наказывает» пустую породу, прогоняет ее в отвалы, а золотоносные пески сортируются по своей крупности в бочке-скруббере. Скруббер вращается, и металл проваливается в отверстия конического грохота на золотоулавливающие шлюзы. Все это промывается и вот... Идет съемка золота. На носовой части драги съемщики держат над костром, горящим в маленьком горне, железный совок, похожий на те, в которые хозяйки заметают мусор. В совке — мокрые, грязно-желтые чешуйки, облепленные разноцветными крошками земли, песка и глины. Это — сегодняшнее золото. Наверно, такими тускло-светлыми чешуйками была покрыта золотая ящерка-хозяйка бажовской Медной горы. А здесь «золотая ящерка» и хозяйка положения — гидрогеолог-обогатитель Нонна Тимофеевна Новикова. Поворачивая перочинным ножиком пластинки золота, она говорит:

— Вот эти корочки, вкраплины, примеси других металлов в золоте мы называем «рубашкой». Как видите, обращаемся с этим хозяйством весьма вежливо...

— Что и говорить, — счастливый металл! Рождается в рубашке! — пошутил начальник драги.

Подсохшее золото осторожно ссыпают в темные ма-

терчатые мешочки. Потом их запирают в круглую, на низеньких ножках зеленую кастрюльку — «банку». Защелкивается на плоской крышке английский замок. Ключ от этого замка только в ЗПК — золотоприемочной кассе: никто, кроме работников ЗПК, не сможет открыть эту «банку».

Золото увозят. А на драге своим чередом идет работа.

Драга работает круглосуточно, без воскресений, без праздников.

— Выходные зимой отгуляем, — говорят дражники.

Гудит мотор. Летит из хвостов крупная галька. Грохочет скруббер. А на горне, где только что сушили золото, стоит закопченный кофейник.

— Не хотите ли чашечку?..

На носу брызжет электросварка: это Александр Бердников восстанавливает носовое ограждение. И кажется, как от комаров, отмахивается от колючих сварочных брызг опробщица Шура Тимохина. Она стоит у самого борта, неуклюжая в своем огромном комбинезоне. Шура берет лопаткой «пески» из черпаков, промывает, «опробывает», устанавливает содержание золота в породе и решает — здесь брать «пески» или в другом месте. О девушках-опробщицах ребята говорят:

— Они над драгерами большие начальники. Скажут «работайте» — работаем. Скажут «стоп!» — замирает драга...

Видно, на этот раз все в порядке. Шура довольна пробой. И доволен сменный драгер Юра Углов. Как капитан на мостике, стоит он в драгерке, над которой висит большой, выгоревший на солнце плакат: «Больше золота Родине!».

И Юрин чуб, как и плакат, тоже выгорел на солнце.

Драгер Юрий Углов пригласил меня с Володей переночевать у него в комнате. Живет он со своей Тамарой в двухэтажном каменном доме, где паровое отопление и коммунальные удобства такие же, как в Москве, только вид из окна («Ах, какие сопки!») никогда не позволяет забыть, где вы находитесь. И все равно эти «высотные здания» сопок не заслоняют Тамаре добрых воспоминаний о техническом училище № 11, о московской жизни, когда она училась на повара и участвовала в самодеятельности.

В 1956 году по комсомольской путевке Тамара при-

ехала на Бурхалу. Она вышла замуж, когда ей не было еще семнадцати лет, и долгое время поселковый Совет, администрация прииска и соседи не признавали ее брак с Юрой законным: ведь до восемнадцати лет у нас не регистрируют.

— А комитет комсомола был за нас,—вспоминает Тамара.— Ребята говорили: «Факт, что друг друга любят, ребенок у них скоро, какое же беззаконие?» Но теперь все уже привыкли, не трогают нас...

Тамара прекрасно поет. В училище ей пророчили будущее знаменитой певицы. Она же решила поскорее вырваться из домашнего гнезда. И вот теперь Тамара сама хозяйка. Тахта в комнате завалена белоснежным крахмаленым бельем и металлическими зажимами.

— А какие сейчас в Москве моды — узкие или широкие юбки? — укладывая белье, спрашивает Тамара. — Я слышала, модно свитер и бусы под шейку. А туфли? Правда, что каблуки «гвоздик» носят уже многие женщины?

Над кроватью две фотографии: Юра и Тамара. У обоих темные, четкие брови, открытые высокие лбы. У Тамары глаза ребенка и русые спокойные косы. По сравнению с ними кажется еще светлее и непокорнее выцветший Юрин чуб.

У дверей, на площадке, уже стоит детская коляска. Тамара показывает полный чемодан белья — голубого и розового, милые байковые одеяльца...

В большом фанерном ящике у дверей пищат пушистые желтые комочки и гортанно «разговаривает» клуша. Тамара говорит:

— Потихоньку хозяйство заводим. У меня куры да цыплятки, а у Юры персональный мотоцикл...

Тамара кормит своих питомцев мелкорубленным омлетом из яичного порошка, а Юра требует, чтобы она не нагибалась и не подымала тяжелые вещи...

Как и Тамара, Юра тоже почти москвич. Жил он в подмосковном Щелкове, а работал старшим механиком в институте электротехники при МГУ. Как и Тамара, он приехал сюда в августе 1956 года по путевке комсомола. Бурхала сразу поставила его на драгу сначала оператором, потом кормовым. В дальнейшем Юра окончил курсы и стал старшим мотористом. И на-

ступил день, когда ему доверили пульт управления драги, и его комсомольско-молодежная смена стала самой передовой. Без тени рисовки, как о само собой разумеющемся, драгер Юрий Углов говорит:

— У нас все хорошо работают. Я даже не представляю, как это в моей смене, да чтобы кто-нибудь плохо работал! Взять, например, масленщика Виктора Тишина...

И Юра постучал кулаком в стену.

Услышав в ответ три условных удара, улыбнулся:

— Сейчас придет! И я вас познакомлю.

Углов и Тишин приглашают друг друга в гости именно таким «дедовским» способом.

Я обратил внимание на висящую у окна Почетную грамоту: «За активное участие в выполнении государственного плана прииском «Бурхала» в I квартале 1958 года наградить Почетной грамотой Углова Ю. И.».

Не помню уже, что я сказал, только в ответ послышалось:

— Грамоты у нас даром не дают!

Это Виктор Тишин с порога подхватил разговор и без лишних уговоров весьма откровенно стал рассказывать о своей жизни.

— Меня все называют Виктором, а мама до сих пор Виталиком. Ее ребенку уже стукнуло двадцать четыре года, и он после армии — какой ужас! — самостоятельно поехал на Крайний Север. У меня так сложилось: специальности не было, а я должен был обеспечить не только себя, а и еще кой-кого.

Делая рукой в воздухе лесенку в три ступеньки — выше, выше и выше, Тишин многозначительно прищурился и (полной загадочности не выносит его душа!) тут же разъяснил:

— У меня три сеструхи подрастают. Мамаша с ними одна. И мне нужны были деньги. Я вам в открытую говорю: я на Колыму поехал с одной целью — заработать. Ну, а когда втянулся, много целей появилось. Я теперь с Колымы — никуда. Мне здесь жить интересно! И вообще — я люблю добиваться!..

Бурхалинцы выбрали комсомольца Тишина в Магаданский областной Совет депутатов трудящихся, и на первой сессии он взял слово и раскритиковал некоторых руководителей.

— Теперь мне говорят: «Тебя больше не выберут»,— смеется Тишин.— Так я ведь не того добиваюсь, чтоб меня выбрали! Я хочу людям помочь. Они же меня для этого в Совет послали. Вот я и буду говорить, напоминать, требовать!.. Я вам завтра покажу, какую школу мы прииску подарили! То есть была у нас начальная, а мы на сессии поставили вопрос, писали, говорили — есть теперь семилетка!

И, победоносно улыбаясь, с хозяйственной самоуверенностью Тишин добавил:

— Теперь среднюю добьемся, вот посмотрите...

Виктор Тишин был на Всемирном молодежном фестивале в Москве. Он присутствовал на встрече горняков разных стран, и, если бы пришлось выступить, Тишин, наверно, повторил бы то, что сказал мне:

— Было время, я думал только о себе. Но после трех лет на Колыме я не представляю уже, как это можно ставить себе целью в жизни, например, побольше заработать. Не это главное! Есть у меня цель для всех, идея во имя коллектива, это важнее всего, и это моя личная забота...

Мне не хочется подчеркивать, как искренне это было сказано. Подобно тому, как драга — эта плавучая фабрика золота — вылавливает крупицы драгоценного металла, так и современная Колыма — обновленная фабрика социалистического мировоззрения — прививает молодежи золотые качества, новые чувства, выбрасывая все, что осталось в психологии человека нехорошего, в отвал жизни, как ненужную «гальку».

Вот так они и живут, эти молодые люди, в своем колымском краю: строят новые школы, заочно учатся, моют золото в фонд мира, обзаводятся хозяйством, поют любимые песни на озере Джека Лондона, помогают друг другу, добиваются своего.

На столе стоит колымский ковыль, который тут называют «бурундучьими хвостиками». Через полгода у Юры и Тамары Угловых будет уже большой отпуск, они поедут на «материк». И (так решено) повезут в Москву этот северный букет-костер, горячую память о родной Бурхале.

Прощаясь с нами, парторг прииска Баландин говорил:

— Пять лет назад такое оборудование, как на участ-

ке «Полевой», было только на прииске. А участки и не мечтали. Тогда промприбор обслуживали триста человек. А теперь на нем работают три человека. Там все механизировано...

Вечером мы одолели Бурхалинский перевал (о котором Чкуасели говорил, что на нем водятся куропатки «системы·Баландина») и тут же приметили за дорогой темные валообразные насыпи. Отвалы значительно ниже, чем около 177-й драги, вот почему, не видя еще промывочного прибора, вы уже чувствуете, что эта фабрика золота по своему рангу уступает драге.

В поселок Полевой, ·столицу участка № 3, мы приехали вечером.

Под предводительством коменданта молодежного общежития Галочки, ее шестилетнего сына Юрика, белобрысого, толстощекого мальчугана, и его кота Тишки мы отправились в клуб, где нам приготовили две койки.

Над поселком грохочет радио. Издалека доносится рокот скрепера — картавый говорок ночной смены.

Как и на многих приисковых участках, здесь тоже перед крылечками лежат железные лесенки-трафареты, взятые с колод промприборов. Пожалуйста, вытирайте ноги!

Это те самые «лесенки» и «коврики», которым в свое время был посвящен рейд «легкой кавалерии», организованный райкомом комсомола. А золото как раз и оседает на колодах в «ковриках». Ведь на «Полевом» шесть промприборов. И, когда однажды «ковриков» не хватило, комсомольцы прошли по домам, собрали более шестидесяти штук, и промприборы снова заработали.

На участке «Полевой» седьмой год работает начальником Михаил Евсеевич Выгон. В свое время был он заведующим отделом Московского горкома комсомола. Этот старый комсомолец уже поседел, но в душе у него, как видно, «ни одного седого волоса». Вот что я узнал от него:

— Уже второй раз меня вызывают в Магадан в управление, предлагают должность начальника прииска, дескать, будешь ты на тысячу рублей больше получать... А я говорю им: «Да поймите, я создавал этот участок, он мне дороже всяких денег...» Так нет! Сначала «Буркандью» предложили, а когда я отказался, подумали,

доскать, не хочу потому, что там ничего еще не благоустроено. И теперь требуют, чтобы шел я начальником на прииск «Ударник». Вы понимаете? На «Ударнике» чуть ли не рай земной, и теперь я должен согласиться? Ошибаетесь! Прошу товарищей: оставьте меня, не выдвигайте, не надо мне ваших денег, хочу быть со своим коллективом...

Так говорила бескорыстная Колыма.

...Утром по соседней сопке мы с Володей вскарабкались на вершину и после зарядки и легкого завтрака направились к малой фабрике золота.

Когда работает промприбор, среди серых, уже высохших под солнцем галечных отвалов, растет еще один отвал — новый, блестящий, влажный и веселый от блеска: это падает с хвостов промприбора шумная «галя». Пески обмываются в утробе промприбора, мокрые чешуйки золота текут с водой на колоду, где и оседают на резиновых ковриках.

На промприборе очень шумно: гудит, качая воду, насос, рокочет внизу бульдозер, подавая пески в бункер, шелестит лента транспортера, с грохотом падает в бочку крупная и темная золотоносная порода. И только совершенно не слышно людей, которые здесь работают.

У колоды стоит съемщица Таня Малькова. В Ленинграде была она ткачихой. У нее хорошие косы и румяные, обветренные щеки. Глаза серо-зеленые, ясные. Два раза в сутки приходит Таня на 23-й промприбор, чтобы снять золото и отправить его в приемную кассу. Девушка она стройная, но кажется толстой, потому что крепко закутана: сегодня день солнечный, однако холодно — начинается осень... И можно уже заметить в зеленых шевелюрах придорожных лиственниц первые нити золотой осенней парчи.

Горный мастер Даниил Амирханов окончил политехнический институт в Ташкенте и уже третий год возглавляет малую фабрику золота. Рабочие называют его товарищ Даниил.

Если не считать бульдозериста и скрепериста, подгребающих пески к бункеру, рядом с Амирхановым непосредственно работают на приборе еще два человека: у бункера и у ленты.

Глядя на золотоносные пески, бегущие по транспорте-

ру, двадцатипятилетний товарищ Даниил с мостика промприбора награждает меня вот какими словами:

— Вы говорите, что люди быстро привыкают ко всему и перестают удивляться. Но у меня почему-то не проходит чувство изумления: сколько нас на фабрике золота? А ведь за смену мы даем государству ценности на такую же сумму, как иное предприятие в несколько сот человек. Удивительно!

Вот это внутреннее ощущение значительности своего деяния, бескорыстная преданность Выгона и счастливое удивление Амирханова — не эти ли качества и есть та самая ягоднинка-изюминка, которую так или иначе вы приметите почти у каждого патриота Ягоднинского района?

Мы расставались с этим районом. Мы ехали на северо-запад, в сусуманские края, и на прощание ягоднинцы положили свой последний штрих на завершенную уже картину наших дорожных сложившихся впечатлений.

Этот штрих — один из самых сильных и памятных. Итак, неподалеку от «Полевого», рядом с основной трассой, строилась новая дорога. Спрашиваю: «Зачем?». — «Нам золото нужно взять, — ответили горняки. — Для нас теперь эта дорога — торфа. Будем взрывать, выбрасывать, обнажать золотые пески...»

Трассу строили в 1937 году, а прииск «Бурхала» существует с 1941 года. В свое время дорожники не смотрели, есть золото или нет его,— профилировали там, где удобнее. А теперь возле «Полевого» горняки провели подземные выработки под основной трассой, она даже просела,— и можно смело говорить, что несколько километров мы ехали дорогой, под которой не было золота.

До сих пор, где бы мы ни находились, нам говорили: «Мы с вами стоим на золоте», «Вы едете по золоту». Но ехать не по золоту — для Колымы это было уже необыкновенно!

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ КОЛЫМА!

В ущельях сердца моего
ты поселила водопады:
надежды,
радости,
досады,
падения и торжество!

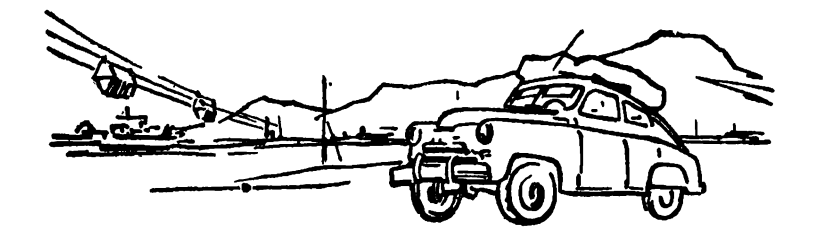
Ты хочешь, чтобы сильным был,
чтоб я преодолел пороги:
ошибки,
          трудности,
                    тревоги,
сомнения — и победил!

Как горько защемило грудь...
Но мне по-прежнему желанны
заботы,
          замыслы
                    и планы,
свершения и снова — путь!

Какой размах — сойти с ума!
Иду по северному краю
и с удивленьем восклицаю:
— Возлюбленная Колыма!

Внимание, говорит Тенька!

«Мне не холодно». — Палатка. — «Массовый взрыв». — Горняцкий вальс. — Тенькинские новости. — Гагановцы. — Медведь-база. — Золотая россыпь. — Письмо на Теньку из космоса.

Казалось бы, от бурхалинского участка «Полевой» до Сусуманского района рукой подать. Тем не менее — стоп! Подождем немного. Мысленно вернемся назад, в Палатку, к этим воротам Тенькинского района. Факт, что в сусуманские края можно даже быстрее добраться, если от Палатки взять направление на Усть-Омчуг и, одолев Кулунский перевал, ехать строго на север.

Не доезжая четырех километров до Палатки, свернули налево, в поселок Хасын, и вот уже в кабинете начальника Приморской экспедиции Павла Тимофеевича Ускова я разглядываю большую карту, под которой стоит бивень мамонта.

— Могу закрыть форточку, — говорит Усков, заметив, как я поеживаюсь. — Между прочим, я коренной москвич, но живу здесь семнадцать лет, и мне не холодно.

Трудно было уловить, чем больше гордится Усков: тем, что он москвич, или тем, что вот уже семнадцать лет ему здесь не холодно. На карте я обратил внимание на одно странное слово — «Сатис».

— Видите ли, геологи крупные фантазеры и одно из самых замечательных их качеств — это коллективизм,

товарищество. В данном случае это золотое месторождение открыли геологи Снятков, Арсеньев, Тупицын, Игнатьев и Скорняков. По первым буквам их фамилий и название: Сатис.

— Теперь я понимаю, почему вам здесь не холодно, — сказал я не без зависти. — Как должны быть счастливы эти пятеро, увековечившие себя в одном слове! Это здорово, это не может не согревать человека...

— Если присмотреться, — продолжал Павел Тимофеевич, — в названиях приисков и поселков Колымы вы найдете не только черты истории нашей страны, но и черточки, связанные с жизнью какого-то конкретного первооткрывателя. Геолог Асеев в честь своих детей назвал две речки: Павлик и Наталка... Вот они... А это гора Шуракан. Придумал геолог Киреев в честь своей жены Александры Ивановны. Был старик в одной партии, все его очень любили, и теперь вы можете прочитать на карте: «Майорыч»... Я бы сказал, внимание к человеку, к его личности весьма характерно для колымских геологов. И этот дух по традиции передается колымчанам других профессий, вот что главное...

Хозяйство Ускова шутя называют «Великой тихоокеанской экспедицией». В этом геологоразведочном предприятии, которое ведет работы от Аяна до Анадырского залива, три крупных звена: Охотская экспедиция, Пенжинская и Анадырская. Усков часто выезжает то в один конец, то в другой, он с радостью мотается по любимому Северу, и нет ничего удивительного в том, что при такой «моторной» жизни человек заявляет: «Мне здесь не холодно»..

Геологический Хасын — сосед автодорожной Палатки.

Стоило нам остановиться возле диспетчерской, как не менее двадцати шоферов окружили машину и кто-то сказал:

— Здесь самая крупная и самая лучшая на трассе автобаза.

Вокруг толпились автопоезда. Одни водители подъезжали, другие заводили свои МАЗы, которые при этом визжали, как ТУ-104 на внуковском бетоне.

— Палаткинские диспетчера на трассе самые принципиальные и заботливые, чтоб их черт побрал, — злился один водитель. — Я говорю, подписывай путевку, а он

мне толкует: по решению обкома профсоюза, восемь часов отработал, теперь отдыхай... Приходится...

При диспетчерской — комната отдыха. Душ. Белоснежные простыни. Одеяла как алые паруса. Чувствуется, что это самые красные одеяла на всей Колыме. И главное, ночуй и с тебя ни копейки не берут. Отдыхай бесплатно. Так нет же, не хотят.

— Самая горячая война между шоферами и диспетчерами где? Ясно, что в Палатке.

— А знаете ли вы, что Палатка подписалась на шестьдесят экземпляров сочинений Диккенса? Это больше, чем райцентр Сеймчан.

— Приезжал зам. министра просвещения РСФСР, так прямо заявил, что даже в Москве нет таких школьных мастерских, как у нас, в Палатке. Мы сами оборудовали для своих детей. Мастерские первоклассные...

— А цветник Александра Николаевича Воронова видели? Обязательно посмотрите. Вот это человек, не каждый день встретишь!

И мы отыскиваем заместителя главного бухгалтера автобазы Воронова, чтобы полюбоваться самым лучшим в области цветником, где на круглых клумбах ведут хороводы астры, левкои, чернобривцы, анютины глазки...

— Палатка, колымские Сочи, — говорили водители. — Самое теплое место. Не слыхали еще: «Мне Палатка по душе: с милым рай и в шалаше»? Услышите!

До чего живописна южная автомагистраль колымского края! И пусть ее старшая сестра, центральная трасса, по которой мы двигались в Ягодное, куда благоустроеннее и технически многообразнее, зато не отыщешь там таких богатых золотых рудников, не встретишь четырехкилометровой канатно-подвесной дороги и, уж конечно, ягоднинские или сусуманские сопки, маленько подправленные топором, ни в какое сравнение не пойдут с девственной щедростью ландшафта Тенькинского района.

Горы вокруг словно окаменевший морской прибой. Они затянуты красно-голубой дымкой, их склоны — настоящая мозаика нежно-зеленых, бордовых, синеватых пятен, и когда вся эта роскошь обрызгана солнцем и каждая сопка по краям отчеканена алюминиевой кромкой, невольно кажется, что попал ты в сказку золотого чуда и сейчас вот снимет некий богатырь свою остро-

верхую шапку и скажет, тряхнув сентябрьскими кудрями: «Милости просим, люди добрые!»

И добрые люди едут сюда, и чем позже они появляются на Теньке, тем меньше способны оценить благоустроенные дары обжитой тайги. Они едут по Тенькинской трассе, и телеграфные столбы бегут, как годы: чем дальше они от нас, тем труднее их различить: они сливаются в нечто общее, а подробности мы видим только рядом с собой от столба к столбу, от года к году.

Непременная сводка о ходе добычи золота и вскрыши торфов — это зеркало района. Каждый день на крыше усть-омчугского клуба гаснут или зажигаются крупные пятиконечные звезды — световая иллюстрация трудового упорства горняков.

И если вы находитесь в сердце знаменитой Омчакской долины, о которой геологи говорят как о самой богатой в нашей стране, если, например, вы посетите золотоизвлекательную фабрику имени Матросова и взберетесь на вышку, где находятся приемные бункеры канатно-подвесной дороги, — отсюда вы увидите подлинный горячий фронт созидательных работ и ощущение трудовой битвы наполнит ваше сердце той особенной радостью, какую приносит человеку вдохновение.

Начать хотя бы с того, что перед вашими глазами трое молодцов — опрокидывающий, откатчик и направляющий — играют вагонетками, как мячиками, сноровисто и весело перебрасывая их по монорельсе из рук в руки. И вот уже направляющий Анатолий Кузьминых выталкивает, как говорят здесь, «вагонку» на линию, в простор Омчакской долины. Чуть покачиваясь на проводах, опорожненная железная корзина летит навстречу своей подруге, груженной глыбами белесого кварца. Эти корзиноподобные вагонетки проносятся над беленькими домиками поселка Молодежный, над шарообразным хвостохранилищем («хвосты» — фабричные отходы), где несколько бульдозеров сочиняют дамбу. Вагонетки пересекают дорогу, по которой стремятся автомашины к головокружительному Кулунскому перевалу, наконец, взбегают на крутую сопку и плывут в облаках. И провожают их добрыми глазами поселок Транспортный, промприбор прииска имени Гастелло, поселок Омчак — близкие родственники нашей золотоносной долины... И всю-

ду — страсть, динамика, битва, и, как следы ее, висят на сопках клочковатые дымы и стелющимся дымом пыли отмечена дорога, за которой то тут, то там вспыхивает пламя костров или поблескивают колючие одиночные выстрелы электросварки.

Очутившись в Теньке, прежде всего констатируешь несостоятельность тех бойких пословиц, которые до сих пор бытуют на центральной трассе. Ну, взять хотя бы: «Не такой я бодрый, чтобы ехать на «Ветреный», и не такой я ветреный, чтобы ехать на «Бодрый». Прииск «Ветреный» когда-то считался «самой страшной дырой». Так почему же в райцентре я встречаю демобилизованных воинов, которые в один голос просят послать их именно на «Ветреный»? Потому что этот прииск, называемый теперь «40 лет Октября», один из лучших в районе. За два года он буквально преобразился: там и стадион, и новый клуб, и двухэтажные дома с паровым отоплением. Воины посмотрели на сводку о ходе добычи золота и вскрыши торфов. Они прочитали имя прииска во главе всех других предприятий: начало сентября, но уже перевыполнен годовой план и, значит, дела там идут великолепно.

И в такие минуты мне особенно дорога Тенька, как воспоминание о юности. Все эти названия — Гвардеец, Гастелло, Матросов — переносят меня в далекие военные годы и невольно вызывают в памяти образы фронтовой жизни. И я не могу удержаться от того, чтобы не проводить параллели и не увязывать прошлое с настоящим. Я вижу своего сверстника военных лет, юного патриота, бросающегося на амбразуру. Навсегда он остался молодым. С каждым годом он будет все моложе меня и навечно останется сверстником тех, кто приедет в Тенькинский район по комсомольской путевке.

Отдают ли себе отчет молодые люди, которых теперь называют матросовцами, какое имя они носят? Если да, то почему же многие на руднике не могли мне сказать, когда и где погиб Александр Матросов? Даже в клубе не было портрета или краткой биографии героя... Это обидно. Ведь если глубоко разобраться, подвиг Матросова можно и нужно повторять ежедневно. При этом надо расставаться не с жизнью, а с собственным малодушием, безразличием или даже с трусостью, когда мы не

решаемся броситься на амбразуру, откуда ведет огонь бюрократизм, своекорыстие или подлость. Быть матросовцем — значит ценой, быть может, даже больших неприятностей для себя защитить честь и достоинство нашей советской жизни.

Пусть медленно, но верно и зримо на Теньку приходят новинки. И вслед за автоматизацией на золотоизвлекательной фабрике, вслед за внедрением портативных промприборов в старательском деле, вслед за массовой отбойкой руды глубокими скважинами или открытием новых залежей в старом бассейне реки Омчуг — приходят новинки и в сознание человека, делают его патриотом своего края, обогащают его интеллект высокими благородными чувствами. И люди, умеющие замечать эти новинки и приближать их, люди, которые приведут десятки примеров тому, как улучшилась жизнь на Теньке — эти люди ни за что не расстанутся со своей золотой долиной.

В сентябре механизаторы рудников и приисков Тенькинского района собрались в Усть-Омчуге на праздник песни и танца. И когда я слушал и смотрел самодеятельность Теньки, мне казалось, выступающим горнякам и водителям аккомпанируют колокола галечных отвалов... Слышалось, как бьют в свой грохочущий бубен промприборы, как звучит дуэт фабрики и шахты под мелодию четырехструнной канатно-подвесной дороги, и в это время скреперные лебедки под землей складывают новые песенные строки рудных штреков. Будто этой симфонии созидательного труда задает тон мажорный ключ, богатый золотом, которое нашел в распадке геолог. Да, это он, геолог, задает тон, и с трибуны важнейшего Магаданского регионального совещания вслед за коренными и рудными месторождениями обращает внимание на россыпи: долинные и древние, террасовые и те, что скрыты под мощными покровами ледниковых отложений. Это он, геолог, четко и ясно дал нам понять: богатства «чудной планеты» до того несметны, что все проделанное до сих пор, это только запев, а песня — впереди!

И вот я еду все дальше по Теньке, ночую на рудниках и приисках и смотрю после легкого дождя на телеграфные провода, по которым пробегают еще не высохшие на солнце капельки: две длинные, одна короткая,

снова длинные и короткие... Это беспокойная Тенька посылает на «материк» свои веселые и грустные, озабоченные и призывающие телеграммы. И глядя на капельки телеграфных проводов, мысленно видится телеграмма, которую чаще всего из этих мест отправляют на запад:

«Приезжайте в Теньку. Ожидаем. Целуем».

ОТ ПАЛАТКИ ДО КУЛУ

Мчится по Теньке автопоезд,
Первый перевал как пролог.
Яркая, нелегкая повесть
Будничных колымских дорог.

Встреченный напористым ветром,
День загружается сполна
Пафосом тонна-километров,
Лирикой видов из окна.

Кадрами стекла ветрового
Схвачены картины труда.
Гидромонитор просит слова:
С грунтом поспорила вода.

Справа — на бульдозерах парни,
Слева — вальсируют столбы,
Сзади (что может быть коварней?)
Пыль — по-медвежьи, на дыбы.

Дальше — рудники или драги...
Стоп! И под рессорой потей
Там, где перекрестки как шпаги
Острых и опасных путей.

Сопки под дождем, как в наброске,
Словно кто-то их штриховал.
Рыцарь грузовой перевозки
С ходу удивил перевал.

В каждой диспетчерской — отметки,
Цифры справляют торжество,

Экстренный график семилетки
Вычерчен в сердце у него.

Радовался: щедро и жарко
Вдумчивый бульдозер гребет.
Вот вам, побратимы, солярка,
Кровь красноречивых работ!

Склоны то круты, то пологи...
Сумерки и полночь... Рассвет...
Струнами канатной дороги
Подвиг Человека воспет!

Мчится по Теньке автопоезд,
Вот вам и Кулу — эпилог.
Здесь и завершается повесть
Будничных колымских дорог.

Не успел я получить в рудничной гостинице место, как на пороге показался высоченный дядя лет тридцати пяти и, тряхнув светло-курчавой шевелюрой, решительно заявил:

— А ну, хлопцы, все выходи! И на сопку, подальше отсюда. Через полчаса «массовый взрыв». Дадим предупредительный за десять минут до начала...

Рядом со мной сидел на кровати горный техник. Человек бывалый, он невозмутимо продолжал читать и на повторное указание вошедшего взрывника снисходительно усмехнулся:

— Собственно, что с нами произойдет, если мы в помещении? Вы где взрываете, на сопке? Так я видел, как вы готовитесь, это от нас далеко, ничего не будет.

— От гостиницы метров сто пятьдесят, — терпеливо разъяснял светлокурчавый взрывник, — а по инструкции зона взрыва двести метров, и мы обязаны всех людей вывести.

Горный техник неохотно закрыл книгу и, когда мы вышли на улицу, увидели: из домов и общежитий шли женщины с детьми и рабочие Верхнего поселка в сторону сопки, по которой дорога карабкается на лесоучасток.

— Где-то я встречал этого парня, — собирая брусни-

ку, говорил мне командировочный горный техник. — И голос очень знакомый: то ли со сцены я его слышал, то ли по местному радио...

Тогда я не придал значения нашему разговору. Я не подозревал, что взрывник, коммунист Виктор Разовский, человек, предложивший нам удалиться в сопки, — он же и вратарь сборной тенькинского футбола, и художественный руководитель местной самодеятельности. Словом, это один и тот же человек, голос которого почему-то запомнился горному технику. От некоторых рабочих иногда можно услышать рассуждения, будто на учебу, или общественную нагрузку, или на посещение лекций и участие в клубной работе не остается времени. Особенно, если человек семейный. Но вот — Виктор Разовский, у него дочь уже пошла в третий класс, жена работает на участке подземного транспорта, семья как семья, и она не мешает, а скорее помогает взрывнику Разовскому ощущать всю многогранную красоту богатой жизни.

Я познакомился с ним в рудничном клубе, в тот самый горячий репетиционный вечер, какие обычно предшествуют большим праздникам. Уже в фойе нас оглушил музыкальный прибой, несущийся из зала. Там репетировал хор. В кабинете завклубом под баян пела девушка, а в просторной комнате под названием «красный уголок» четыре хлопца, как единый механизм, отрабатывали какой-то ритмический танец. Я уже знал, что всей этой самодеятельной «командой» верховодит взрывник Разовский и, вспомнив теперь свою первую встречу с ним, не мог не подумать, что и тут он устраивает «массовый взрыв» народных песен и плясок, которые, по его идее, должны соединиться в вокально-хореографической картине «После работы». Этим «гвоздем программы» Виктор Разовский рассчитывал победить самодеятельность рудника имени Белова и привилегированную труппу райцентра Усть-Омчуга.

Короче говоря, шла усиленная подготовка к районному празднику песни и танца. Расстелив на сцене несколько сшитых простынь, три энтузиаста колдовали над декорацией. Потрясая огромной кистью и светлокурчавой шевелюрой, Виктор Разовский был похож на Шишкина, создающего свою знаменитую картину «Утро в лесу». Но Шишкин, разумеется, ни в какое сравнение

не шел с декоративным лесом наших живописцев, потому что у знаменитого художника деревья всего-навсего нарисованы, а тут мастерски выпилены из фанеры и на нее уже наклеена материя. Почти барельеф!

— Так вы, оказывается, еще и рисуете? — сказал я с удивлением.

— Приходится, — скромно ответил взрывник и познакомил со своими помощниками: грузодоставщиком и баянистом Иваном Пономаревым и люковщиком канатно-подвесной дороги (он же чтец басен) Виктором Ганченко. На декорации громоздились сопки, у подножия которых высыхала только что возникшая водообильная таежная река. В этот же вечер я мог наблюдать нашего взрывника и как постановщика массовой картины «После работы», и в дуэте «С одной стороны и с другой стороны», и в столкновении с неким деятелем, который вошел в зал и ехидно проговорил: «Так-так, песенки поем. А план?» И Разовский вынужден был отрываться и разъяснять, что, собственно, самодеятельность — это...

Но лучше всего взрывник 5-го разряда досказал свою мысль утром, когда по крутому склону сопки на санях нужно было поднять к штольне тонну аммонита. Подымали лебедкой. Затем килограммов двадцать он взвалил на свои плечи и потащил взрывчатку к месту взрыва. В штольне было мокро, холодно. Иногда приходилось ползти. Вечная мерзлота ледяного туннеля окружала взрывника на протяжении двухсот метров. И так — несколько раз. Потом Виктор Разовский закладывал аммонит в одну из трех скважин с таким расчетом, чтобы после взрыва вся руда пошла на рудоскат. И вновь прозвучал «массовый взрыв». И вечером снова Разовский пришел в родной клуб.

— Знаете, я иногда думаю, что наш клуб, наша самодеятельность — это та же обогатительная фабрика, и чем выше содержание золота в руде наших выступлений, тем больше радости, больше богатства даем мы людям.

— Послушайте, вы случайно не поэт? — поинтересовался я, выслушав Разовского, и он, проговорив уже знакомое мне «приходится», прочитал свое сатирическое стихотворение, критикующее тех, кто потерял на фабрике какой-то важный компонент, с помощью которого извлекают золото.

— Написали бы вы песню, — попросил Разовский. — Нам нужна своя, лирическая, матросовская. Чтобы в сердцах, понимаете, «массовый взрыв» возникал. Взрыв любви к своему руднику. И чтобы массы запели.

И вспомнил я Костю Ферапонтова. Ну точь-в-точь! «Напишите нашу, ягоднинскую». А композитор где?

Пришлось обратиться к популярной здесь «Тишине».

ГОРНЯЦКИЙ ВАЛЬС

За окном шахтерские копры,
Огоньки сверкают сплошь,
В этот поздний час ночной поры
На родную шахту ты идешь.
Знаю я, что с думкою одной
Ты уходишь в дальний штрек,
Самый мой любимый, дорогой
Че-ло-век.

В золотой долине, верный друг,
Мы с тобой давно живем,
Трудную работу и досуг
Разделяем поровну вдвоем.
О тебе мечтаю при луне,
Знаю ты вернешься в срок,
С черной каски засверкает мне
О-го-нек.

Я тебя у штольни подожду,
Обниму тебя опять,
У всего поселка на виду
Я хочу тебя расцеловать.
На рассвете в дымке голубой
Наш гористый край родной,
И как самородок ты со мной
Зо-ло-той.

Вот уже вторую неделю мотаюсь я по рудникам и приискам южной Колымы и, куда бы ни привела меня дорога, всякий раз к пяти часам вечера мне хочется включить репродуктор и послушать тенькинские новости. Передают о конкурсе рационализаторов прииска «Бод-

рый». Люди озабочены скреперным ковшом для проходки наклонных стволов. Подают тревожный сигнал с прииска «Дальний» о том, что партийная и профсоюзная организации не уделяют должного внимания бригаде коммунистического труда товарища Кокарева. Слушаю сообщение о том, что трудящиеся района вдоволь обеспечены молоком и в этом году на фермах надоено на 996 центнеров больше, чем в прошлом. Рапортуют о замечательной победе горняков прииска «40 лет Октября», где уже выполнили годовой план по добыче золота. Эти информации радуют или огорчают и, как правило, завершаются призывом: «Сильнее натиск в борьбе за металл!» Человеческое волнение передается мне, и я вижу перед собой ответственного товарища, который изо дня в день отыскивает, сортирует, редактирует и передает в эфир тенькинские новости.

Вот о нем мне и хочется рассказать. О старом большевике, о личности, на которую, мне например, хотелось бы равняться. Как и у каждого из нас, у него есть свои недостатки, и все же меня привлекает в нем общий облик, натура, коммунистическая духовность и большая человеческая душевность, которая гармонично сочетается со страстностью в работе, доходящей до самозабвения.

Я слышал о нем противоречивые суждения. Когда у меня сложилось намерение написать его портрет и я спросил, можно ли мне назвать его фамилию, этот человек с погасшей трубкой во рту и комсомольским значком на пиджаке (он почетный комсомолец районной организации) ответил мне:

— Как вам угодно.

Но стоявший здесь же старожил Теньки уточнил:

— Допустим, речь пойдет о Федоре Федоровиче Безбабышеве. Сколько бы хорошего вы о нем ни написали, его друзья скажут, что все это слишком бледно, и как бы вы его ни очернили, этого будет слишком мало с точки зрения его недоброжелателей.

Забегая вперед, скажу, что на Тенькинской трассе Федора Федоровича знает несметное множество людей и, когда произносишь его имя, одни вспоминают его с уважительной благодарностью (он многим помог), другие говорят о нем с беззлобной улыбкой, как о чудаке, который слишком близко принимает к сердцу малейшие недо-

статки в работе, а третьих (главным образом некоторых руководителей, на квартирах у которых установлены телефоны) при имени Федора Федоровича охватывает тихий ужас, потому что главный редактор Тенькинского радиовещания, не имея совести, звонит по нескольку раз в день, а бывает и в три часа ночи, чтобы уточнить какую-нибудь цифру или фамилию.

Но как бы он ни уточнял, а нет-нет да и вкрадется в иное сообщение неточность, и тогда кому не лень колошматят Федора Федоровича, всякий норовит боднуть его в отместку за ту страстную дотошность, с какой тенькинское радио во все и вся торопится вмешаться.

— Такое наше дело, — невозмутимо говорит Федор Федорович, — правильно меня били, мало я звоню, надо еще чаще, плохо я работаю...

И он идет на почту, закупает на свои деньги сразу 200 открыток (пожалуй, на месяц достаточно) и вместе с помощником садится писать своим верным и неверным радиорабкорам, сообщая, что их материал прошел такого-то числа и, дескать, очень просим присылать новые корреспонденции о достижениях предприятия, сигналы о недочетах, а еще лучше зарисовки о передовиках и бригадах коммунистического труда.

Кто-кто, а Федор Федорович переписывается со множеством людей, словно все они его близкие родственники. И есть у него картотека, куда занесены сотни фамилий. В два счета вы можете узнать, кто, когда и откуда дал такую-то информацию. И не удивительно, что самого Федора Федоровича называют живой энциклопедией Тенькинского района. Я, например, неоднократно заставал его за журналом, в котором со скрупулезной точностью выписана ежедневная добыча золота по каждому руднику и прииску. Такое важное дело Федор Федорович никому не доверяет, он лично выводит процент с помощью своей незаменимой логарифмической линейки.

Однажды Федор Федорович пригласил меня к себе почаевничать. Он привел меня к водобудке № 4, откуда жители Усть-Омчуга берут воду. Я был одновременно удивлен и приятно обрадован: в небольшой чистенькой комнате, похожей на библиотеку, можно было вдоволь наговориться с этим неспокойным человеком. Сам он сидел на кровати, из-под которой торчала труба. Я узнал,

что Федор Федорович вот уже несколько лет живет в этой водобудке, хотя ему неоднократно предлагали комнату в новом доме.

— Почему же вы не переедете?

— А зачем? — сказал Федор Федорович. — Нам и здесь неплохо.

На следующий день я рассказал об этом председателю райисполкома Евгению Ивановичу Азбукину. Он попросил секретаршу вызвать Безбабышева.

— Ты что же, Федор Федорович, не переходишь в новый дом? — спросил Азбукин.

— Да, собственно, мне не к спеху, — помялся Федор Федорович и совершенно неожиданно сказал: — Вы бы, Евгений Иванович, посодействовали мне, а то опять срезают району время на радиовещание, а у меня куча материала...

Теперь вы понимаете, почему я с таким интересом в пять часов всегда тянусь на Теньке к радиоприемнику. Я люблю тенькинские новости, всегда страстные, волнующие, проникновенные Да и сам Федор Федорович прозвучал для меня как добрая новость, которую хочется всем рассказать. И если вы хотите доставить ему удовольствие, если хотите помочь коммунисту в его работе — не поленитесь, пошлите ему информацию по телефону 4-17 или: Усть-Омчуг, радиовещание.

Но уже пять часов и по радио я слышу:

— Внимание. Говорит Усть-Омчуг, передаем тенькинские новости...

ГАГАНОВЦЫ

Спасибо тебе, дорогая Тенька,
За то, что вчера как бы заново
Я понял, что сделала для рудника
Прядильщица Валя Гаганова.

Поймите, я попросту дьявольски рад,
Что в клубе горняцком собрание
Отметило: «Нет отстающих бригад!
Но все-таки... есть отставание».

Один коммунист говорил о труде
И так откровенно и молодо,

Как будто в душе у себя, как в руде,
Искал благородное золото.

— Товарищи, что же таить тут греха,
Проверьте-ка помыслы сущие,
Быть может, в себе мы отыщем цеха,
Похожие на отстающие.

Попробуешь глубже себя рассмотреть,
И много найдешь нежеланного.
Так сами себе помогите и впредь
Трудитесь, как Валя Гаганова!

...Вот так подсказал мне рабочий народ
(Пусть это особое мнение),
Что мозг и душа человека — завод,
Где каждый кует поведение.

И если ты смелый и честный кузнец,
Решивший все мелкое — в крошево! —
Бригада давно отстающих сердец
Найдет бригадира хорошего.

И в это поверив, ты первый начни,
Готовься к прекрасно-суровому,
Чтоб наших сердец приводные ремни
Общались, кипели по-новому.

Товарищ! Ты слышишь, как бьется в груди,
Как бодро и жарко от рьяного?
На свой отстающий участок иди,
Будь счастлив, как Валя Гаганова!

Пусть временно трудно придется тебе —
Не дайся углу паутинному,
А преданный ленинской чистой борьбе,
Живи и мечтай по-партийному.

И знай, что богатства твои в этот час
Дерзания и откровения,
Пожалуй, щедрее, чем рудный запас
Тенькинского месторождения.

И с яркой трибуны колымской зари
Всей жизнью своей неделимою
От имени сердца теперь говори
С народом, с друзьями, с любимою.

Спасибо скажи, дорогая Тенька,
За то, что вчера как бы заново
Я понял, что сделала для рудника
Прядильщица Валя Гаганова.

И здесь, в Омчакской долине, родилась вот какая таежная новелла.

Обширна территория прииска «Дальний». На сто километров друг от друга разбросаны участки с их таежными филиалами. Это уже такая даль, что, кажется, дальше идти некуда. Но так только кажется. По нехоженым тропам идут геологи-поисковики, и вот с одним из них довелось мне познакомиться.

Однажды на 118-м километре от Аркагалы повернул я к участку имени Марины Расковой и еще через тридцать километров очутился у реки Арга-Юрях. На берегу приютилось несколько таежных домиков и палатки, и все это вместе называлось Медведь-база. Жили тут рабочие промывочного прибора, механизаторы двух бульдозерных бригад и энтузиасты маленькой передвижной электростанции ППС.

Трудно было назвать Медведь-базу даже поселком. Безлюдно: все на работе. Поодаль горел костер, и сидели возле него двое — дедушка Семеныч и с ним малый лет двенадцати, рыжий Колька. Я спросил их, почему поселок так называется и много ли медведей водится в здешних местах.

— Медведи тут ни при чем, — с достоверностью пробасил Колька.

— В человеке дело, — добавил Семеныч, — и, коли хочешь его увидеть, повремени: сказывал Медведь, в субботу прибудет.

— Так уж точно, в субботу? — усомнился я.

Была среда, материала у меня накопилось достаточно, и я решил бросить якорь на Медведь-базе, поработать над стихами и очерками, а заодно дождаться зага-

дочного Медведя, именем которого, по утверждению местных жителей, назван поселочек над рекой Арга-Юрях.

В дальнейшем не много узнал я об интересовавшей меня личности, но мог сразу почувствовать, что Медведя здесь любят и его имя окружено каким-то романтическим ореолом.

Ничем, казалось бы, не связывались изыскания Медведя в тайге и труд арга-юряхских механизаторов, но была какая-то тайна в том, что именно о нем говорили, как о своем справедливом начальнике, к которому можно обратиться по всякому вопросу, и он обязательно поможет. Ведь так не раз бывало!

— Путешественника Арсеньева читали? — рассуждал дизелист Матвей Черняков. — А теперь мой брательник живет в том городе, однако он не видал Арсеньева, а мы Медведя сколько угодно...

Другой рабочий на мой вопрос, как тут обстоит дело с общественно-политической пропагандой и кто здесь парторг, ответил так:

— Парторг у нас на Расковой, а здесь наш пропагандист и парторг товарищ Медведь. Вот придет он из тайги, и узнаем мы, как там насчет международной обстановки, а пока айда на промприбор...

Признаться, я удивился, как это можно вернуться из тайги и проводить беседу о текущей политике, но мне тут же разъяснили, что Медведь имеет при себе портативный радиоприемник, чуть ли не с ладонь величиной, и такой штуки не сыщешь на Колыме ни у кого.

И точно, как говорил дедушка Семеныч, в субботу в тайге затрещал валежник и вездесущий рыжий Колька закричал: «Он!..»

Из тайги выходил Медведь.

Шел он чуть нагнувшись под тяжелым рюкзаком, стройный и широкоплечий, бородатый богатырь лет тридцати пяти. И рядом с ним шагал невысокий паренек, по-видимому, рабочий-промывальщик. Приход этих двух людей, усталых, но не потерявших своей энергичной выправки, напоминал какое-то празднество: до того живописны они были в своих геологических доспехах.

Рыжий Колька, чье пылкое воображение могло бы соперничать только с костром, мигом слетал за ведром и вскоре притащил воду — умываться.

Под вечер у костра собралось человек двенадцать и сама собой родилась беседа, какие обычно возникают, когда знакомый человек приходит издалека. А тут все же пришел не кто-нибудь, а сам Медведь. И действительно, ответив на вопросы механизаторов относительно судьбы Манолиса Глезоса, поговорив об американской выставке и о встрече Хрущева и Эйзенхауэра, геолог в свою очередь стал слушать местные новости. Дизелист Матвей Черняков доложил, что промприбор с планом управляется, что Марья Убийбатько родила сына, а к Лозняку приехала сестра и уже ее посватали за Семена Лозового, помните, он еще в отвалах промприбора нашел крупный самородок? А в остальном, живем помаленьку, не жалуемся, сами бы рассказали, как ходили...

— Ходили километров восемьдесят, — сообщал Медведь. — В долине Капитанских озер могут быть поставлены разведочные работы. Возможно, в дальнейшем участок Расковой будет двигаться в этом направлении...

Освещенный костром, этот бородатый человек походил на удельного князя, явившегося в свою фамильную вотчину на Медведь-базу. Он и восседал на колоде, как хозяин, и во всем его облике было что-то плотное, уверенное, незыблемое. Но стоило лишь обратить внимание на гимнастерку с орденскими планками и фронтовых лет полевую сумку — и он уже был похож на партизанского батю, при котором шустрый и рыжий Колька мог бы сойти за ординарца.

Уже много лет после войны Медведь ходит по тайге и учится. Заочно кончил десятилетку, потом Магаданский горный техникум, потом политехнический институт в Москве. Слышал я, как однажды на базе двое меж собой говорили:

— Странный этот Медведь, человек крепко ученый, а нянчится с нами, вроде его прикрепили...

— Дура ты, он ведь партийный, он везде свой. И везде хозяин.

А Медведь тем временем снова собирался в тайгу. И рыжий Колька, открытая душа, подошел к нему и, смущаясь, сказал:

— Давно я хотел у вас спросить, кто нашу базу вашим именем назвал? Так товарищи решили или начальство?

Этот вопрос глубоко поразил Медведя. Неужели и взрослые название этого места связывают с его именем? Надо немедленно разъяснить людям, что к открытию месторождения на реке Арга-Юрях и названию поселка он не имеет никакого отношения... «Юрях» по-якутски — медведь, вспомнил геолог. Разговор на эту тему прежде никогда не заходил, и он не думал, что у горняков может возникнуть своя догадка. Что же делать? Сказать? Но люди привыкли к этой мысли, их согревает чувство личного знакомства с человеком, именем которого назван поселок. Медведь знал, как к нему относится народ, и понимал, какое разочарование он принесет рабочим, если развенчает эту сказку, эту горькую для себя быль...

Полный самых противоречивых, тяжелых раздумий Медведь уходил в тайгу. И, казалось, давал он себе слово: не приду на Медведь-базу до тех пор, пока не совершу свой подвиг...

ЗОЛОТАЯ РОССЫПЬ

Уже продуты утром
Распадки синих гор.
И площадь репродуктором
Гремит во весь простор.

— Товарищи, внимание!
День песни начался,
И пляски состязания
Откроют в три часа.

...И вот щедреет золото
Осеннего денька,
И выступает молодо
Поющая Тенька.

Вокруг парчою сотканы
Таежные леса,
И взятыми высотками
Ликуют голоса.

На руднике Матросова,
В долине золотой,

Проверьте климат россыпи, —
Он щедрый ли, скупой?

Беловцы и гастелловцы,
Решите-ка опять,
Кому помягче стелется,
Кому пожестче спать.

На празднике Усть-Омчуга
Во весь колымский край —
А ну, дружнее, громче-ка
Со сцены подпевай!

Ведь сцена та районная
Сегодня с трех часов —
Долина многозвонная
Намытых голосов.

Аплодисменты — всплесками,
Как волны возле скал.
Один бурильщик плясками
Себе почет снискал.

Отныне, всеми признанный,
Стоит он, изморясь,
И кажется, что изморозь
Покрыла лоб, искрясь.

С частушками короткими
Выходят горняки
И блещут самородками
Талантливой Теньки.

В ночь на 14 сентября 1959 года, когда влюбленные всего мира смотрели на луну (с маленькой буквы), а советские ученые направляли свои телескопы в небо, чтобы проследить, как соприкоснется с Луной (с большой буквы) наша вторая космическая ракета, — в Тенькинском районе, в распадке сопок рудника имени Матросова, ночное светило покоилось, как огромный золотой самородок.

На этой золотоизвлекательной фабрике, где, кстати, недавно (новинка!) автоматизирован дробильный цех, был я свидетелем захватывающей картины. В тигли засыпали шлиховое золото, затем оно кипело в плавильной печи. И вот уже льется в изложницы истинно золотой ручеек. И, когда металл остыл и рабочий Архипов отбил шлак, мы увидели настоящий золотой кирпич весом в двенадцать килограммов. С чувством огромного волнения смотрел я, как один за другим появлялось несколько кирпичей...

И думал я: не эти ли золотые кирпичи и есть тот великолепный, бесценный материал, который закладываем мы в фундамент всех наших успехов? Человек Магаданской области! Ты мысленно машешь уходящему вдаль атомному ледоколу и знаешь, что это твои золотые кирпичи лежали на стапелях его строительства. Ты смотришь на луну и знаешь, что это твои золотые кирпичи заложены в наши ракетодромы. И ты знаешь, что это от твоего имени полпред советского народа высказывал в Америке самые сокровенные твои чаяния и надежды.

С каким волнением и интересом слушали мы репортаж из Вашингтона, где Никита Сергеевич сказал, что наш советский вымпел как старожил будет приветствовать американский вымпел и они будут жить в мире и дружбе, как должны жить люди на земле...

Человечество обязано избавиться от шлака. И пусть щедрее в изложницы советской жизни течет песенное золото наших дел!

Каждый переживает по-своему.

Но есть события, которые всех людей, даже равнодушных, приводят в самый искренний восторг. И даже наши недоброжелатели за границей вынуждены воскликнуть: «Потрясающе!»

Таким событием — деяние за деянием — стал 1959 космический год, год штурма космоса Советским Союзом. Когда в конце октября мы узнали, что гениальная аппаратура сфотографировала обратную сторону Луны, проявила пленки и передала изображения новых лунных континентов на землю, мы, счастливые современники столь грандиозных свершений, буквально были ошеломлены величайшим подвигом социалистической науки.

Как известно, Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар». Советский народ нашел в космосе точку опоры. Это Луна. И поистине мы переворачиваем земной шар в сторону безусловных симпатий к социализму подавляющего большинства людей нашей крохотной, но великой планеты.

И когда на обратной стороне лунной медали чеканятся новые русские названия, мысленно по овалу Луны мы как бы читаем: «За победу над космосом! За мир! Слава советскому народу!»

Каждый переживает по-своему... И нетрудно понять, как эти события волнуют всякого путешественника... И кто его упрекнет, если он в мечтах уже уносится в те далекие миры и оттуда вам на землю шлет свои позывные...

ПИСЬМО НА ТЕНЬКУ ИЗ КОСМОСА

Очень прошу вас:
Поверьте в это.
— Прощай, колымский земной рассвет!
Вчера улетела моя ракета,
И я вернусь через двадцать лет.

Нет, в самом деле.
Это не чудо,
Я просто чуточку постарел,
Из путешествий своих, оттуда,
Сигнализирую букву «Л».

Брошен на землю хребет, как ветка,
Ягодкой — прииск на ветке той.
Как там Четвертая Семилетка?
Как поживаешь, мой золотой?

В силе, в расцвете своем богатом
Вижу родную Теньку свою,
Мною придуманным аэростатом
В горах приземляется буква «Ю».

Туда, где дорога прошила скалы,
Где я оставил свои дела,

Чтоб на Луне меня приласкала
Одна обрывистая скала...

Не было! Слышишь?
Не будет смерти!
Видишь небо? — оно тебе!
Медленно на голубом конверте
Облако пишется буквой «Б».

Это оттуда мое посланье,
Моя новинка и мой привет,
Далекими звездными голосами
Теньке признается в любви поэт.

Я не погиб, я борюсь по сути,
Если время преодолел
И на двустворчатом парашюте
Любимой выбросил букву «Л».

И мне ни к чему устаревший Морзе:
Свои сигналы я изобрел!
В млечной метели, в пурге, в морозе
Живу, напрягаюсь, тружусь как вол.

В своем рабочем
межзвездном мире
Живой, не забывший Теньку свою,
С площадки далекой
«Луна-4»
Шлю на прощание букву «Ю».

Очень прошу вас:
Поверьте в это.
— Здравствуй, колымский земной рассвет!
Вчера приземлилась моя ракета,
И стал я моложе на много лет.

◆

Сусуманские самородки

Колымский патриотизм. — Спартакиада. — Хозяйство Хоперского. — Многое в одной. — Девятая балалайка. — Преодоление. — Нормировщик и поэт. — Нексикан. — Сергей Дмитриевич Раковский. — Чай-Урья. — Мастер зимнего мрамора. — Мяунджа. — Что важнее для государства? — АрГРЭС. — Колымбасс. — Кадыкчанский костер.

После Ягодного я был неоднократным и абсолютным патриотом тех мест, где люди обладают только им присущей «ягоднинкой».

Но стоило познакомиться с жителями Сусумана, как буквально на глазах у честного народа мои ягоднинские симпатии побеждались новыми, сусуманскими.

С первых шагов нас окружила энергичная натура истинного сусуманца, который всякого нового человека встречает с воодушевленной ревностью. Что вы из себя представляете? На чьей стороне ваши симпатии и привязанности? И если вы скажете, что Ягодное более озелененный поселок, чем Сусуман, то есть искренне выскажете свое первое впечатление, то на вас посмотрят, как на злейшего врага, притом необъективного и завистливого.

— Даже странно слушать! У них есть такой парк?

— Но позвольте, там улицы озеленены, а у вас...

— Нет, вы просто слепые, раз так!

И отныне не рассчитывайте на какое бы то ни было участие в вашей судьбе. Поэтому, если хотите, чтобы вас

посчитали «своим», — хвалите Сусуман, сколько можете, и его обитатели это оценят. В благодарность они раскроют вам самые заветные мысли, все, чем они законно гордятся. Ну, в самом деле, на всем белом свете никто не проявил столько инициативы, как это сделали люди Сусумана. Сусуманцы обожают проявлять инициативу! Их хлебом не корми, дай только бросить клич — и можете не сомневаться: они будут впереди. Кто вызвал на соцсоревнование сразу два района — своих соседей на востоке (ягоднинцев) и на западе (оймяконцев)? Сусуман! По чьему примеру предприятия области взяли обязательства досрочно подготовить школы к учебному году? По сусуманскому примеру. Кто первый обратился ко всем горнякам Магаданской области с призывом досрочно выполнить и перевыполнить государственный план золотодобычи? Сусуманский прииск имени Фрунзе — это вам скажет каждый, даже если он из Ягодного.

Секретарь Сусуманского райкома партии товарищ Власенко, коренастый и чернобровый, сравнительно молодой человек, говорил:

— У нас шестьсот пятьдесят километров (от Сусумана до Магадана) не расстояние. Люди здесь познаются так же, как в бою. Если нужно, раз — и собрался. Быстрее, чем в баню. В Москве, бывает, человек человека не знает, даже если они живут в одном доме. А здесь знают всех и далеко. Ближе человек к человеку. Колымское братство.

Я с интересом слушал Власенко и думал: «Какие они патриоты, колымчане!» Сусуманцы непременно скажут: «Мы, северяне, побьем юго-восток!» (то есть Ягодное). А ягоднинцы возмутятся, если услышат это: «Даже странно слушать, сусуманцы в прорыве...»

Что такое сусуманский патриот?

Если он живет, скажем, в Аркагале, то по его твердому убеждению лучше Сусуманского района ничего на свете быть не может. Он приведет десятки доводов: золото, уголь, энергетика, автопарки, овощи — целый комплекс. «Нашли чем хвастаться, — скажут ягоднинцы, — а плана по золоту не выполняете». На это последует ответ: «У нас в несколько раз больше план, чем у вас, вам легко выполнять...»

Несведущий человек скажет:

— Все же река Колыма обошла стороной Сусуманский район...

Но в ответ будет раздобыта карта и доказано, к вашему удивлению, что и в Сусуманском районе, вот она — Колыма. Пусть кусочек, но есть! Течет на юге, около Оротука.

Так они будут спорить и хвастаться.

Но стоит им встретиться на «материке», где-нибудь в Москве или в Сочи, и они — незнакомые люди — бросятся друг к другу в объятия и сразу станут самыми лучшими друзьями.

Все хорошее, что приходит на Колыму с «материка», быстро усваивается, а плохое изгоняется. Хорошее — это идея сознательной борьбы за план и соревнование бригад коммунистического труда. Как нигде, наверное, эта борьба близка колымчанам, потому что за последние годы этот далекий край стремится стать подлинной кузницей высокого отношения к своей работе.

Но вернемся к сусуманцам. Должен сказать, что я лично убедился, какие они настойчивые люди.

Уж если что-нибудь они от вас хотят — будьте уверены, своего добьются.

После длительной остановки на прииске «Бурхала» с его промприборами и драгой мы долго не задерживались на ключе Лукич и вовремя прибыли в вечерний Сусуман.

Двухэтажный деревянный дом (гостиница недалеко от поселка) прямо-таки расписан в древнерусском стиле на синем полотне осеннего колымского неба. Я бы назвал его теремком. Балконы, крылечки с колоннами, узкие высокие окна — рамы крестиком, — все оттенено красной и зеленой краской; а фундамент, обшитый тесом, сделан так, что кажется — это из кирпича: по красному белыми полосками выписаны кирпичики.

Утром, перед тем как отправиться на спартакиаду рудников и приисков, я смотрю из своего берелехского терема и вижу золотое чудо: растет на холодной, мокрой от осеннего дождя земле живой куст... мимозы! Желтые круглые шарики качаются под ветром тяжелой густой кистью. И так это ярко среди серого, пробуждающегося туманного дня, что в комнате запахло мимозой. Конечно, я не вытерпел и пошел посмотреть и сорвать.

И, конечно, это была не мимоза, а крохотные круглые листики северной карликовой березки. Листики пожелтели осенней золотой желтизной, и они, эти золотые круглые «капли», так густо облепили гибкую березовую веточку, что не только издали, но и вблизи кажется — это мимоза.

Да, яркое было среди серого...

И подумалось мне: как богата Колыма яркими людьми, яркими красками в архитектуре и в природе, яркими чувствами!

Мы попытались проникнуть в сусуманскую столовую — ничего не получается. Народу видимо-невидимо: приехали сюда спортсмены чуть ли не со всей области, и в двух огромных обеденных залах столики обрамляют синие, красные, белые, желтые майки и футболки, словно это живая, разноцветная квадратная мозаика.

Через два часа начнется первая спартакиада физкультурных коллективов рудников и приисков Магаданского совнархоза. Почему решили провести ее именно в Сусумане? Ведь можно было это сделать в Ягодном, на Теньке или в Сеймчане? Нет! Сусуманцы уверены, что из всех тридцати шести футбольных полей, тридцати двух баскетбольных, ста пятидесяти пяти волейбольных и сорока трех городошных площадок, семи теннисных кортов и пяти спортивных залов, которыми располагают спортсмены Магаданской области, целесообразнее всего выбрать футбольное поле, теннисный корт, волейбольные, городошные и баскетбольные площадки Сусумана.

Где еще лучше можно провести соревнования, как не здесь, неподалеку от самой высокой сусуманской сопки Морджот, куда молодежь часто ходит в походы и где снег не тает даже летом! А взять парк, окружающий стадион? Это не какие-нибудь там ягоднинские посадки, а настоящая тайга, которую сохранили около своего поселка рачительные сусуманцы. Гибкие, тонкие ветки ветлы кому хочешь напомнят в этом парке берега родных среднерусских рек, а это тоже, наверно, учитывается, когда решают, где провести соревнование.

И вот открывается парад. Проносятся мотоциклисты с быстрыми флагами. Вслед за ними колонна за колонной идут спортивные коллективы, и на фанерных табличках можно прочитать имена рудников и приисков. И уже

по этим названиям вы можете судить о больших этапах завоевания Колымы. Вот довоенные времена: «Пятилетка», имени Чкалова, «Ударник». Вот прииски, возникшие в годы Отечественной войны: «Гвардеец», имени Матросова, имени Гастелло. А вот и «Мирный», «Совнархозный», «Семилетка» — самые молодые, сегодняшние. Спортсмены проходят мимо застеленных зеленым сукном столов, на которых, как на лужайке, волнующе играют в прятки большие и малые кубки. Кто их сегодня завоюет? Равняясь на знаменосцев, колонны выстраиваются лицом к трибуне. И вот уже рапортуют, поднимают флаг соревнований, и десятки голубей взвиваются в умытое после дождя сквозное колымское небо... Праздник открыт...

— Вам нравится? Вы заметили, что в колоннах больше всего сусуманцев? Нет, это не только потому, что им проще было приехать. Просто физкультурная работа в районе поставлена на должную высоту, и, вот увидите, наши «сарзовцы» побьют сегодня ягоднинский прииск «Штурмовой».

Моим комментатором на сегодняшнем празднике стал сам директор стадиона, и, когда он упомянул «сарзовцев» (Сусуманский ремонтный завод), ему необходимо было при этом подчеркнуть:

— И хотя ягоднинцы пока обогнали нас по золоту, зато наш ремонтный завод уже перекрыл их ремонтный завод...

— Нашел чем хвастаться, — буркнул сосед, тоже сусуманец.

Пока идут соревнования — бег, прыжки, метание диска, эстафета — директор стадиона сообщает мне немало любопытных подробностей. Июль и август купаются в сусуманской реке Берелех, а май через нее ходит на демонстрацию — по льду. Ноябрь смотрит, сколько градусов мороза, и, если сорок, — можно не выяснять: демонстрации не будет. А каток открывается в марте.

— При пятидесяти градусах кто же будет кататься? А как мартовское солнышко пригреет, так и начинаются коньки.

— Вода у вас вкусная, — говорю, — бодрящая...

Директор стадиона с достоинством улыбнулся, словно он лично изготавливает эту воду:

— Понравилась? За каруселью (можете убедиться) родник, так там все пьют. Никакой газировки. Как боржом. И вообще Колыма стала неузнаваемой.

Директор стадиона сокрушенно вздыхает:

— Все же обидно... К нам на областную олимпиаду летели спортсмены с Чукотки. Но погода не пустила, и они вернулись обратно.

На стадионе продолжается большой спортивный праздник. Эстафета «4 × 4», прыжки и ядро и одновременно гвоздь программы — футбол.

Болельщики, не сусуманцы:

— Сарзовцы, зря вам форму выдали!

Сусуманец, затесавшийся в стайке «чужих»:

— Как же без формы? Это ведь завод, а не какое-нибудь подсобное хозяйство...

Третий раз радио повторяет: «Товарищи, стоящие у ворот команды прииска «Штурмовой», просьба покинуть поле».

Но товарищи — ни с места.

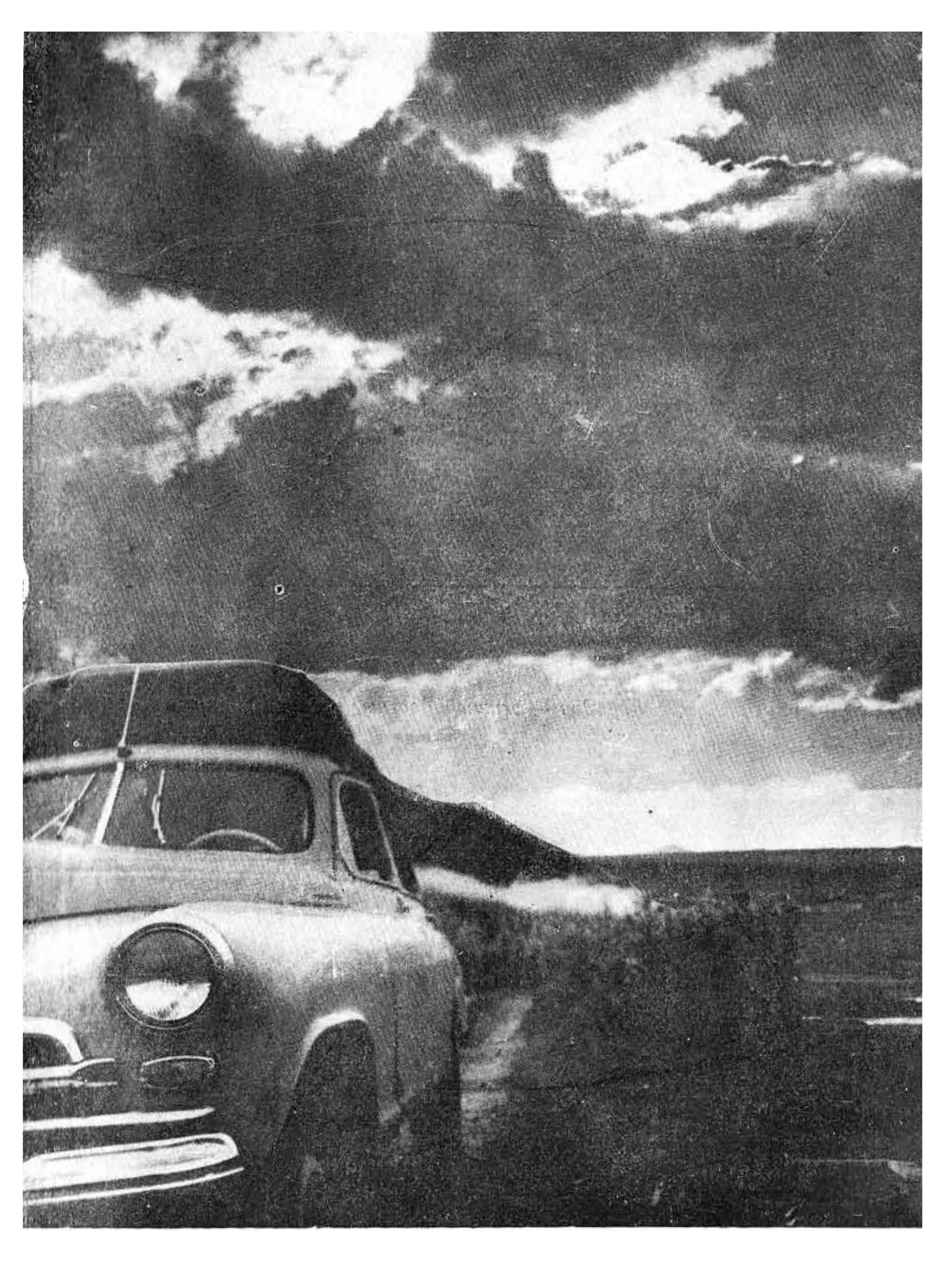
Участники соревнований — молодые горняки и автоводители, строители новых горняцких поселков и механизаторы — в подавляющем большинстве приехали на Колыму по путевкам комсомола в 1956 году. Многие смутно представляли себе эти края, ехали не без тревоги, везли даже соль. Но вскоре каждый убедился: ни к чему эти запасы. Разве что посолить колымские огурчики или тепличные помидоры? Стоят они, правда, еще дорого, и не все могут покупать, но ведь каждый молодой колымчанин знает, что из года в год его заработок будет расти, а цена на овощи падать.

Молодые колымчане полагали, что будут жить в палатках. Но с этой брезентовой романтикой никому сталкиваться не приходилось.

Юноши и девушки Колымы полюбили этот суровый и прекрасный край, и попробуйте предложите вернуться в центральные районы страны, — многие вам ответят:

— Нет, мне здесь хорошо! И потом: я женился (или вышла замуж), мы получили комнату, у нас растет сын, мы полюбили Колыму...

Дети молодых колымчан!.. Подобно тому, как в московских Лужниках перед стадионом выстраиваются пер-

Как быстро меняется колымское небо! Как оно контрастно! Не так ли и сама жизнь в этом краю становится все светлее и чище, преодолевая всяческие тучи?..

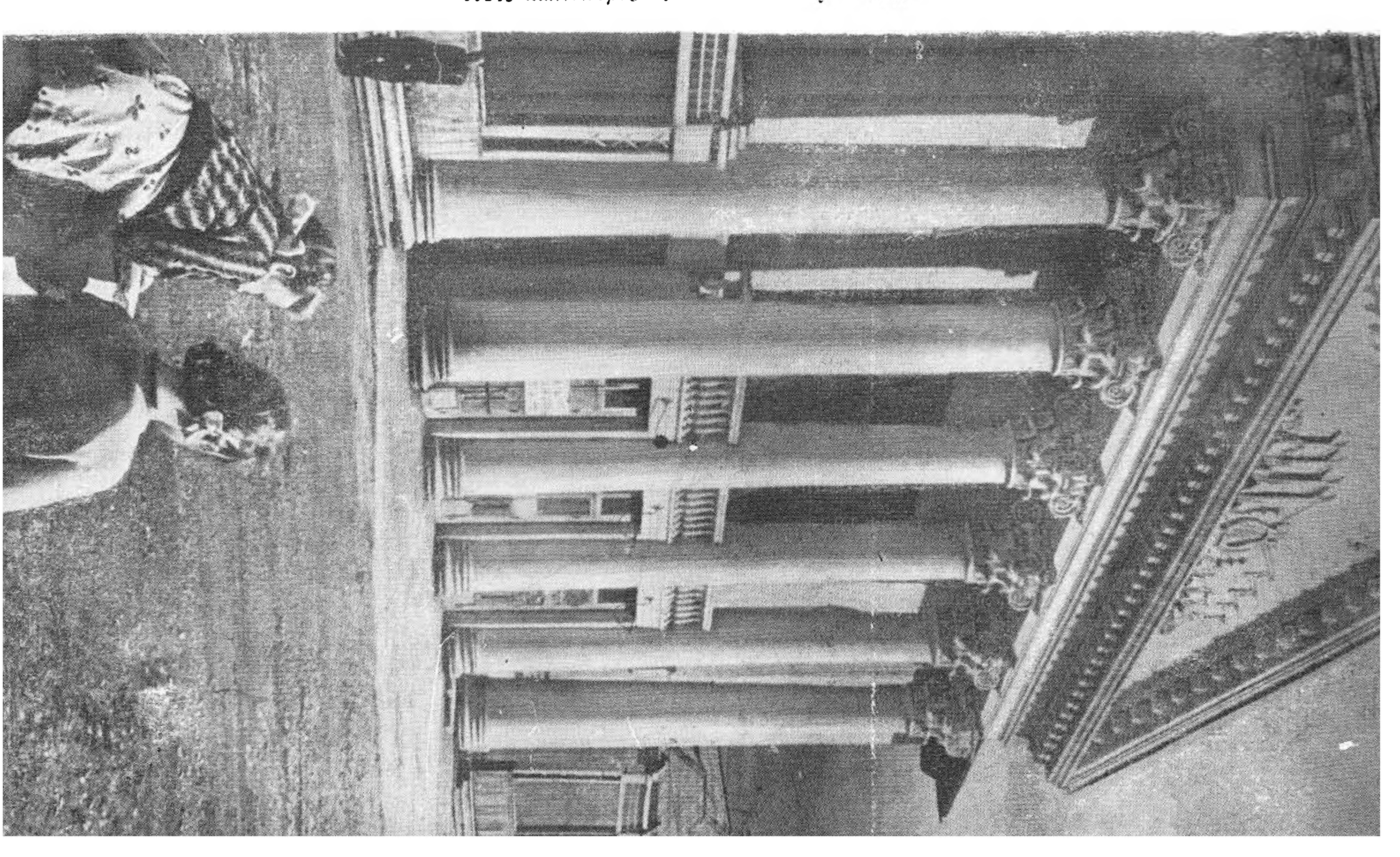
Песни и танцы северных народов — жизнерадостные отзвуки полярно-сияния...

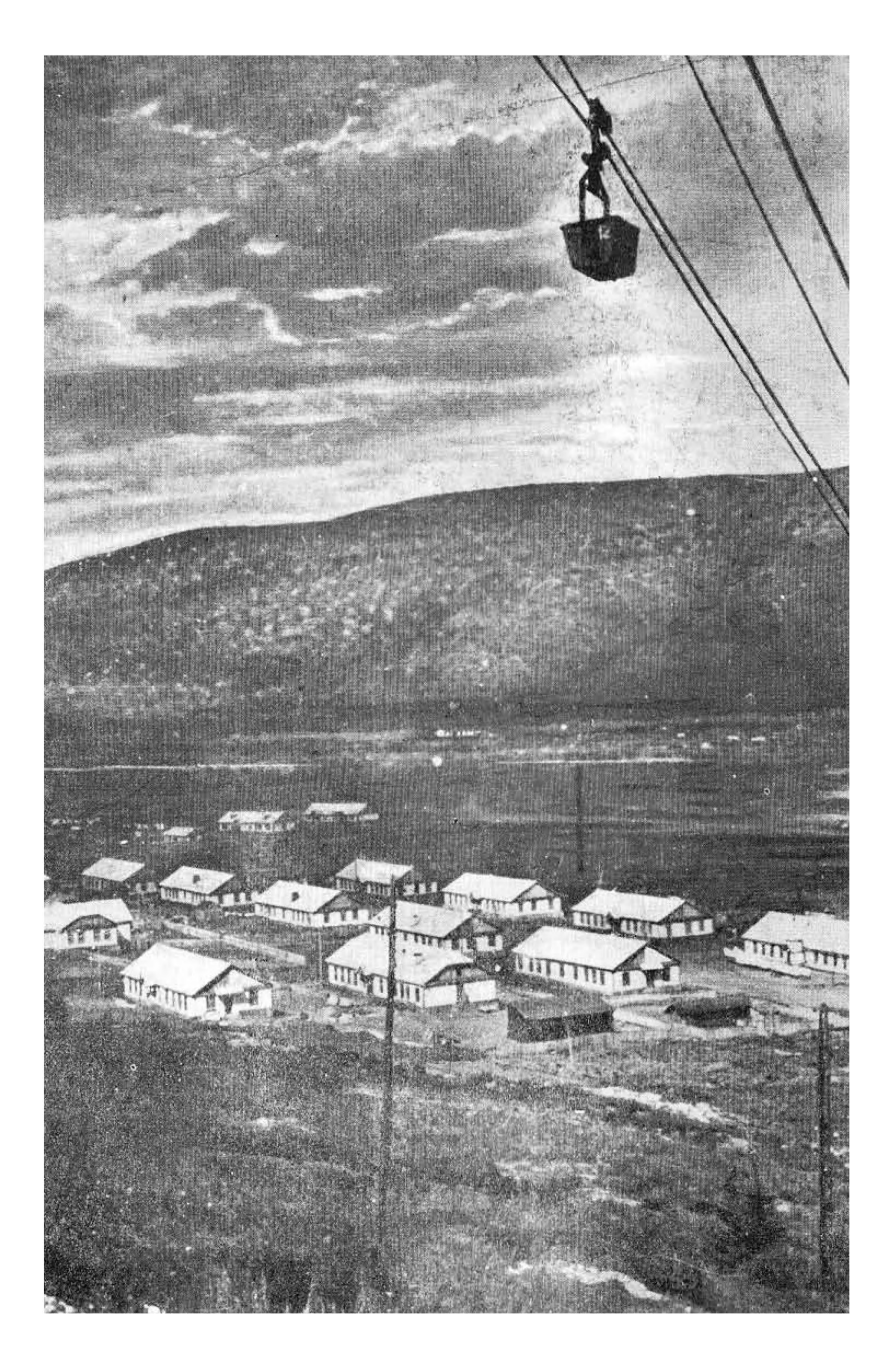

...И вчерашний день с удивлением смотрит на преображенное сегодня.

...и там, где недавно вели хороводы рыбацкие юрты и таежные «командировки», возникают большие поселки с многоколонными дворцами...

10240 километров от Москвы. Мяунджа.

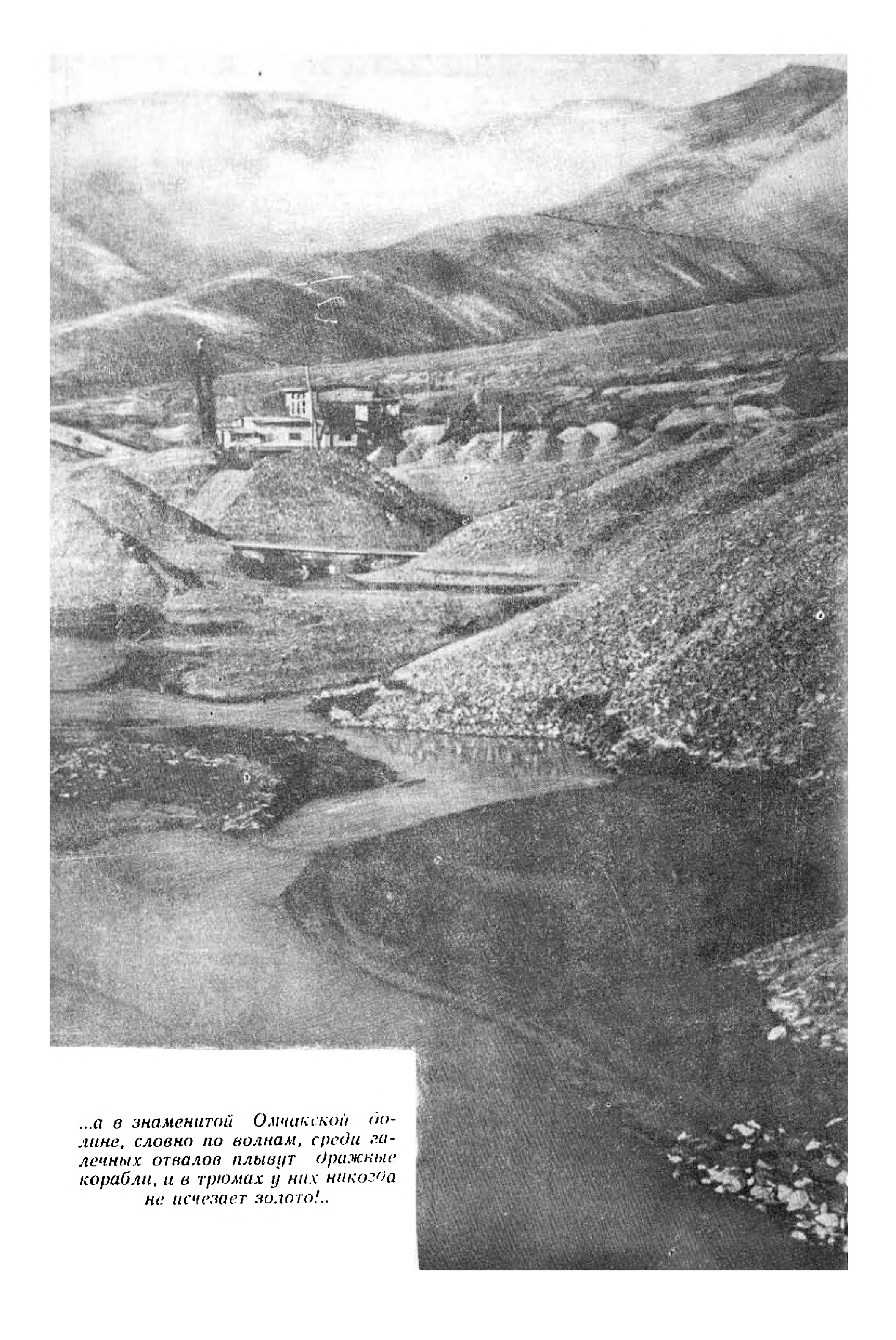

12

...Как же не удивляться, если меняются земля и небо...

← Поселок имени Матросова.

...а в знаменитой Омчакской долине, словно по волнам, среди галечных отвалов плывут дражные корабли, и в трюмах у них никогда не исчезает золото!..

сональные машины, так и тут на каждом колымском районном стадионе вы непременно увидите персональный транспорт самых юных «болельщиков». Целый дивизион, как говорят здесь, «детских тачанок» с накомарничками и без...

Пока папы и мамы переживают футбольную эпопею, их питомцы закусывают, спят или помогают «болеть», работая погремушкой.

У Андрюши Мельникова сегодня день рождения — ему ровно год. В такой день и выпить не грех... Вот он держит в руке бутылочку с соской кирпичного цвета. На выпяченной нижней губе у малыша дрожит крупная молочная капля.

— Го-о-л! — восторженно ревет стадион, и молочная капля падает Андрюше на подбородок.

Мог ли думать Роман Павлюк, электрослесарь с промприбора, что будет бежать по золоту?

Ведь эти дорожки на стадионе засыпаны шлихами, специально привезенными сюда с дражного полигона. В них, поясняют мне, содержится золотая пыль. На обогатительной фабрике или на шлихообогатительных установках шлихи промывают, очищают кислотой и улавливают золото.

Великие поэты и мыслители прошлых веков высказывались о золоте, как о солнце металлов, говорили, что золото — это солнечный луч, упавший на землю. А сегодня это солнце у спортсменов под ногами.

Никогда не забудется сусуманский стадион, где состязались добытчики самого совершенного и ценного металла, истинно золотая молодежь социалистической Колымы. Большой кубок спартакиады завоевал коллектив рудника «Галимый», занявший первое место. Сусуманцы аплодировали победителям и грустно улыбались.

Мы были в поселке, где очень много мотоциклов, фотоаппаратов, детских колясок и спортсменов.

Участник этой спартакиады, один из лучших машинистов бульдозера, бурхалинец Василий Шумков вместе с двумя товарищами за сезон на дражном полигоне передвинул сто тысяч кубометров земли. Это очень высокий показатель! Но если говорить о показателях его интеллекта, его художественного мироощущения, то лучше всего он это сделает сам. Прочти свои стихи, товарищ Шумков!

Видишь? Скована каждая пядь,
Панцирем — лед земли.

Только это сумей понять —
И сам будешь солнце лить.

Человек, льющий солнце делом своим и душой, — вот она гармоническая личность новой, реальной коммунистической жизни. И недаром самое популярное слово на Колыме — клуб. Не говоря уже о районных центрах и крупных поселках, где выстроены многоколонные Дворцы культуры, как например в Сусумане, Ягодном, Сеймчане, Усть-Омчуге, каждый прииск и даже участок возводит свои клубы с многочисленными кружками художественной самодеятельности, спортизными секциями и лекториями. В этом смысле Колыма ничем не отличается от любой советской области. Но она все же отличается активным характером и методами клубной работы. Некоторые агитбригады не только выступают на участках, но и вмешиваются в производство, выпускают небольшие стенные газеты-«молнии», практически поддерживают или осуждают своих товарищей по работе. А так называемые рейды «легкой кавалерии» сокрушительными атаками громят бюрократов и волокитчиков.

Вчера ночью все небо было в ярких, как бисер на черном бархате, звездах. Звезды в середине августа падают, но здесь я не видел ни одной падающей звезды. Видно, крепко приморозили их к небу первые колымские заморозки.

А утром встали — и такой туман, что просто непонятно, куда девалось вчерашнее ясное небо и чистые ночные звезды — сплошная серая муть, не видно верхушек лиственниц возле гостиницы. А трава — мокрая от росы, и росяная тяжесть пригнула к земле темно-бордовые хвостики колымского ковыля. Умывался в речке, зубы чистил — так и заныли десны от ледяной воды.

Начиная с Ягодного, мой Володя ходит грустный. У него заканчивается отпущенный демобилизованному для устройства на работу срок. Если до 24 августа он не устроится — пропадают семь лет стажа. Вот и ходит Володя, повесив нос. А тут еще Рая прислала письмо, сообщает, что на «Феликсе» берет расчет (все равно навигация скоро кончится), и просит она Володю далеко не

уезжать, остаться на Колыме. «Ты же знаешь, что я люблю тебя, вот увидишь, мы будем жить хорошо».

— Ну, что же делать? — вздыхает Володя. Да и громадные «Татры» его тоже покорили. Говорит:

— Сидишь и чувствуешь, что под тобой машина!

И я сказал, что ему делать.

Как ни тяжело мне расставаться с Володей — решил идти к начальнику пятой автобазы Хоперскому, просить его, чтобы принял демобилизованного моряка на работу.

Секретарша сказала, что начальник просит нас подойти к двум часам. И вот сейчас, пока мы дожидаемся Хоперского, туман незаметно ушел, словно увезла его на прицепе громадная «Татра». И сразу — солнце, тепло, и Володя летит в аптеку за черными очками. Чувствует он себя почти местным жителем. И почти в штате «хозяйства Хоперского». Вооружившись солнцезащитными очками, Володя подходит к некой «Татре» с открытым капотом. «Ах, какая машина!».

Шофер поднял голову, внимательно глянул на моего — увы! — бывшего спутника. На смуглом от пыли лице хозяина машины негритянской белизной сверкнули зубы:

— Интересуешься? Она у меня верная подруга. Во всем со мной согласна и никогда еще не подводила.

Шофер внимательно осмотрел мотор и более по привычке, нежели по необходимости, проверил скаты. Просто пнул ногой по каждому.

— А, правда, что «Татра» особого ухода требует? — робко спросил Володя.

— Да нет, как и любая другая. Не зря говорится: «Машина любит ласку — ремонт и смазку». А ты сам-то кто? Не из наших будешь?

— Собираюсь.

— А... Ну, так ты поначалу иди к «пенсионерам» на четвертую. Там легче. А мы не зря «ассы на трассе» прозываемся. У нас работа адова. Зимник. Слыхал про такое? Гоняем на Яну по бездорожью...

— А что это за «пенсионеры»? — вмешался я.

— Да это ради шутки клички такие всем автобазам придумали. Чтобы веселее было. Номер — штука скучная... А так — сразу видно: там «пенсионер» едет, а тут речь идет об «ассе на трассе».

— Мне бы все-таки к вам хотелось поступить, — снова заговорил Володя. — Я в армии машину водил. Думаю справлюсь...

— Дело твое, пробуй, — согласился шофер, — да ведь и то сказать, как кому повезет. Вон в пятьдесят шестом году, не думал не гадал, а на «стополсотни» застрял...

Это надо было понимать так: застрял в ста пятидесяти километрах от Магадана.

— Так вот на «стополсотни» две недели сидел. Место высокое. Перевал. Трассу с обоих концов занесло. Ну и ждали. Машин тридцать собралось. Поселок маленький, запасов продовольствия — почти никаких. Ладно, что один парень вез окорока и колбасы. С голоду не померли. Однако по хлебу так стосковался — сказать нельзя. Во сне его видел. А колбасу до сих пор есть не могу...

— А что, на зимнике каждый год так случается?..

— Каждый не каждый, а бывает... Ну, всего доброго, браток, авось еще встретимся!

Тяжелая «Татра» вздрогнула, оглушительно взвыл мотор. И вот уже пыль никак не может улечься. Машина ушла. И ушел с нашего пути интересный человек, чье имя мы так и не успели узнать.

Хоперского все еще нет, и в ожидании его возле Дома культуры Берелеха мы сражаемся в волейбол с кучей мальчишек. Путешественники прыгают, «мажут», ворчат друг на друга. «Ха, рассмешили сетку!» — издеваются мальчишки над нами, когда у нас что-то «не получа...»

К трем часам мы с Володей снова пришли к Хоперскому. Он приветливо встретил нас и пригласил сесть. В его кабинете много воздуха, к широкому столу приставлен еще один — длинный, куда Володя положил свои шоферские демобилизованные руки, а я свою мобилизованную записную книжку.

И вот что мы узнали из рассказов Хоперского.

Начальник пятой автобазы Анатолий Иванович Хоперский приехал в Магадан в 1938 году. Там, где сейчас рынок, была «Свиная площадка» — «Ситцевый городок». Один бок повернешь к печке — подгорает, а другой в это время примерзает к материи. Иногда спал в отделе на столе, положив счеты под голову, или в библиотеке, сидя с газетой. Как сказал Хоперский, он знает спорнинского парторга Лушникова «всего-навсего девятнадцать лет...».

— Наша пятая база, — говорил Хоперский, — имеет филиал на Ягодном, а также ремпункт и колонну машин на Аркагале. Возим уголь — тысяча сто тонн угля в сутки. В этом году получаем сто «Татр», в будущем — еще десять. Сравнить километраж нашей базы с годовыми пробегами иной союзной республики — и республика проиграет... Более того, в прошлом году два экипажа в честь сорокалетия Октября взяли обязательство пройти по одному миллиону тонна-километров. И они выполнили свое слово. Каждый член экипажа — Иванов, Гольдшмидт, Тукаев и сменный инженер Аксионайтис — получил золотые карманные часы. Это — шоферы-миллионеры. Такой производительности нет нигде во всей стране. И еще один штрих: целый ряд автобаз страны дает в год миллион тонна-километров, а у нас такую работу проделывает один экипаж!..

Но вот позвонил телефон на столе у Хоперского, и Анатолий Иванович проговорил в трубку:

— Не волнуйтесь, мы сейчас вас углем задавим! К вам пошла площадка сорок два двадцать шесть, что касается Мяунджи...

И Хоперский продиктовал, какие машины и куда должны немедленно выйти.

— Основные перевозки наши — уголь, — пояснил Анатолий Иванович, — ежемесячно около пятидесяти тысяч тонн угля. Кроме того, три с половиной тысячи тонн наливных грузов. Перевозим также технику — бульдозеры, промприборы, экскаваторные узлы. Десять—пятнадцать тяжеловозов у нас постоянно на этом деле. Автомашины идут с двумя прицепами. Это увеличивает грузоподъемность до тридцати тонн. За счет списанных машин поставили на прицепах добавочные мосты.

— Мне понравились «Татры», — сказал Володя, — особенно здорово выглядят они с прицепами. Три-четыре, и вперед.

— Эксплуатация «Татр» с двумя прицепами — это новое, — сообщил Хоперский. — На «материке» даже с одним не ходят. Вот наша соседка, автобаза «Артык», недавно направила к нам своих специалистов — перенимать опыт...

Володя спросил, не слишком ли сложно профессиональному водителю овладеть «Татрой».

— Раньше, лет десять назад, когда мы получили эти машины — хватили с ними горя, просто не знали... Но в дальнейшем шоферы хорошо освоили эту марку автомобиля, — продолжал Хоперский. — В этом году у нас работало двадцать шесть поездов с прицепами. Эти прицепы на двенадцать тонн делают по нашему заказу в Магадане. Вот видите, всячески стремимся увеличить грузоподъемность. Даже тот, у кого один прицеп, будет возить не восемь, а двенадцать тонн.

Словом, если вы видите на трассе машину с двумя прицепами — это наша. «Татры» на Колыме — только у нас, на Берелехской автобазе. Правда, два маленьких прицепа бывают и у МАЗа... Короче, у нас есть где размахнуться: водители порой ходят и на две тысячи километров. Сейчас мы вертимся на коротком плече — возим уголь на сто километров. И это, конечно, отражается на плане, и все-таки водители своего добиваются...

Я попросил назвать лучших шоферов, и Анатолий Иванович сказал:

— У нас был объявлен конкурс с премиями. Первое место получили Иванчук и Вдовиченко: сделали шестьсот двадцать тысяч тонна-километров; второе — Иванов и Тукаев: пятьсот восемьдесят одну тысячу тонна-километров; наградили их мотоциклом М-72. Шофер Иванчук, премированный золотыми часами с браслетом, выполнил шестьсот двадцать тысяч тонна-километров...

В кабинет вошел секретарь парторганизации пятой автобазы Цезарь Иванович Репницкий.

— Вот как раз мы о людях говорим, — сообщил Хоперский. — Товарищи интересуются нашим житьем-бытьем...

— Нас удивило, что на трассе водители пользуются гостиницами бесплатно, — сказал Володя.

— Да, это идет за счет предприятий. Особенность автодорожной Колымы...

— А молодых водителей много у вас? Как они живут?

— У нас многие юнцами приехали по комсомольским путевкам. Есть народ с тридцать восьмого года рождения. Одинокие получают общежитие, а молодоженам мы даем комнаты, — говорил Хоперский. — Были у нас отпразднованы комсомольские свадьбы.

— А в 1955 году приехало к нам пятьдесят комсомо-

лок, — вспомнил Репницкий, — многие из них остались у нас, вышли замуж. Хорошо живут эти молодые семьи.

— Я бы хотел работать на «Татре», — сказал Володя.

— На «Татры» мы берем шоферов со стажем не менее пяти лет, — сообщил Хоперский. — Вы заметили, что «Татра» одна, без прицепов развивает скорость такую, что ее и «Победа» не догонит. Молодого на нее не посадишь — разве можно доверить?

Я попросил рассказать какой-нибудь выдающийся случай.

— У нас повседневный героизм. К выдающимся случаям мы привыкли, — сказал Репницкий. «Зачем это так громко он говорит?» — подумал я, но вскоре понял, что в отношении шоферов это в самый раз сказано.

— В условиях «зимника», — рассказывал Хоперский, — шоферы жили по три—четыре месяца в тяжелых условиях, не выходили из кабины... Это такой труд, будь на то моя воля, всем бы ордена выдал... Но, прямо скажем, выдержать может только очень опытный, закаленный колымский шофер... Вот, Цезарь Иванович бывал в тех краях.

— Как же, четыре «зимника» отгрохал... — вздохнул Репницкий, — и Анатолий Иванович тоже кое-что повидал, поездил...

— Бывало на триста километров — ни жилья тебе, ни халупки, чтобы заварить чай. Вот с мукой на Индигирку ходили в сорок седьмом году. Сто граммов спирта, как на фронте, через каждые сто километров. Это был приказ. Спирт пьет — и едет. Это была необходимость...

Цезарь Иванович:

— Представьте себе: бульдозер сидит на «Татре», а в нем, в бульдозере, пятнадцать тонн веса. Бывает, провалится машина под лед, только макушка бульдозера торчит. И люди в шестьдесят градусов мороза ковыряются в воде. Доставляют груз. А от Яны до прииска «Депутатского» перегон в триста километров. Ветры там называются «свистунами». Дуют они день и ночь. Эти триста километров — одни кочки, машина идет как пьяная.

Хоперский:

— Вам бы зимой у нас побывать: вот тогда бы вы поняли, что такое «шоферская Колыма». Наши берелех-

ские машины ползают по всей Колыме, так как много тяжеловесных перевозок по всему Северо-Востоку. Ползают и на Теньку, и на Яну, и на Индигирку, в Усть-Неру...

— В этом году у нас появился такой лозунг: «Войти в миллион», — сказал Цезарь Иванович.

— То есть, каждый шофер должен стремиться за год сделать один миллион тонна-километров, — разъяснил Анатолий Иванович.

Войти в миллион! Как интересно сказано, словно перед тобой открыты двери, и, если ты мастер своего дела, ты взойдешь на какую-то вершину под названием «Миллион».

Миллион тонна-километров! Какое должно быть счастье — войти в миллион... Два Ивановича — Хоперский и Репницкий — говорили об этом с гордостью.

Да, трасса... После всего, что мне о ней сказали, невольно подумалось: как должно быть, устала она. Это и подметил магаданский поэт, когда написал:

Молчит поселок, и дорога
Безмолвна в этот ранний час.
Пусть отдохнет еще немного —
Она работница у нас.

«Дорога — это ключ, который отмыкает все богатства Колымы». Эти слова знаменитого первооткрывателя Ю. А. Билибина как нельзя лучше характеризуют и водителей. У каждого из них свой ключик — вверенная автомашина.

Хоперского снова вызывает телефон, и он продолжает «давить» прииски и Аркагалинскую ГРЭС углем. Секретарь парторганизации Репницкий уводит Володю в отдел кадров оформляться на работу, а я уношу солидную мозоль на среднем пальце и свои разбухшие блокноты в автомашину. Уношу и чувствую, что у меня записано слишком мало для того, чтобы понять душу колымского автоводителя...

Зимой! Только зимой...

Но что же делать путешественнику, если именно до зимы он должен вывести свою машину из зоны вечной мерзлоты, так как намерен продолжать автотуристский поход по Средней Азии, по Кавказу и по республикам Советской Европы...

Уже на пороге кабинета Анатолий Иванович Хоперский говорил:

— Лет пять—шесть назад от нас уехало несколько шоферов — насовсем. Мы им написали письма. Сообщили, что получили новые машины, а люди они опытные. Некоторые водители возвращаются. Один старый колымчанин пишет: «Приеду, буду снова ветеранить». Другой написал, что его «тянет в Берелех как магнитом». Потеряв все свои надбавки, они все же едут на Колыму. Едут потому, что любят ее. Это ли не показательно? Вот о чем, прошу вас, особо напишите. Тут прозой нельзя. Только стихами!.. Ну, прощайте...

ЗДРАВСТВУЙ, КРОВИНКА!

Как красавица гордая, величава она и сурова
и всегда притягательна...
                                        Вот почему
ты ее не забудешь, ты с волненьем приедешь и снова
ты обнимешь свою возлюбленную Колыму.
Хороша она в августе,
                                        в новолунье,
когда преисполненные любви
сопки, как ветровые плясуньи,
в хороводе рассыпят брусничные юбки свои
и внезапно застынут
                                        в рисунке ритмичном и четком.
И вдруг встрепенется, обнажится сопка одна,
потому что на грудь ее золотым самородком
упадет и покатится молодая луна.
Облака, точно шали, проплывут низковато,
и вдали, за отвалами, как Большая Медведица
(на кабине — четыре и три — на стреле экскаватора),
        семеро
                лампочек
                        ковшиком —
                                звездным, мерцающим, —
                                ярко засветятся.
Эти звезды колымские так понятны тебе, так близки,
эти звезды, как соль.
                        Все в тебе,
                                все замешено густо,

словно в собственном сердце ты моешь золотые пески,
по крупицам накапливая драгоценные чувства.
Не поэтому ль тянет на Колыму как магнитом,
как к единственной женщине,
в эти ночные возлюбленные края?
И бодрящий рассвет выбегает ребенком умытым,
и ты говоришь ему: «Здравствуй, кровинка моя!».

Володя зачислен на работу. Дали ему койку в общежитии, посадили стажироваться к водителю «Татры» № 92-97 Морозову, и сегодня утром они уехали в Аркагалу, откуда будут возить уголь на прииск «Большевик».

Я зашел в райком партии поблагодарить Власенко. Он собирался ехать на отдаленный от основной трассы прииск «Ударник», и я попросил взять меня с собой. Вскоре мы выехали. По дороге мелькали ячменные посевы совхоза «Сусуман». Поле было зеленым. Тут заготавливали силос для совхозных коров. У овса только-только лезли усики из трубок. Потом справа увидели мы стадо бурых с белыми пятнами упитанных коров, и я задал Власенко самый заурядный вопрос, на что он ответил:

— ...Смотря кто... Есть и такие доярки, которые от каждой коровы надоили по четыре тысячи пятьсот килограммов молока, например Наталья Леонтьевна Дручанина. Вы бы с ней побеседовали... Да, население не вернешь к сухому молоку. Говорят, в Англии придумали от какой-то механической коровы получать те же концентраты. Дескать, не перенять ли и нам их опыт? Покорно благодарим! Мы хотим получать цельное молоко и в достаточном количестве круглый год.

— У меня сложилось впечатление, что как раз с молоком на трассе дело обстоит благополучно, но, быть может, зимой картина изменится? Тогда что? — И тут я не без умысла, добавил: — Почему бы не заинтересоваться механической коровой?

— Да потому, что англичанин колымчанину не пример. В Магаданской области, представьте себе, удойность в два раза выше, чем в Англии. Опять же в краю вечной мерзлоты. Это одна из загадок, которые возникают перед иностранцами, когда они пытаются выяснить, что собой представляет советский человек, откуда у него берутся такие силы и такая смекалка...

Власенко стал приводить любопытные факты по совхозу «Сусуман». Он оперировал цифрами, называл фамилии людей, и я не удивлялся его скрупулезной осведомленности: ведь он секретарь райкома.

— Знаете, капусты, например, сейчас на Колыме столько, что ягоднинцы говорят Сусуману: «Возьмите у нас, отдадим недорого!» А мы в свою очередь: «Не хотите ли нашей?» А ведь еще два года назад капусту завозили с «материка»... Не свернуть ли нам на «Мальдяк»? — заметил Власенко, когда справа показалась развилка.

Прииск «Мальдяк» считается передовым. Но здесь из-за недостатка воды и перегрузки промывочных приборов песками был обнаружен снос золота. На прииске значительно перевыполняют план по добыче подземных песков (рабочие говорят: «Были бы «кубики»), но при этом не выполняют план по золоту. А это ведет к удорожанию выпускаемой продукции, так как подземные пески не имеют высокого содержания металла.

Об этом и говорил Власенко с главным инженером прииска Мозалевым.

После «Мальдяка» мы отправились на прииск «Ударник», расположенный у подножия юго-восточных отрогов хребта Черского. И настала минута, когда автомашина остановилась перед этой величавой горной системой с ее дикими ущельями, бурными потоками, снежными вершинами и лиственничной тайгой. Эти горы превышают по площади Кавказ и поднимаются над уровнем моря более чем на три тысячи метров. И я мысленно видел перед собой тех отважных исследователей, которые здесь мерзли, ликовали или гибли, оставляя науке кропотливые плоды своей самоотверженной энергии.

Не думал Иван Черский, скромный и отважный человек, сосланный в Сибирь за участие в польском восстании, что когда-нибудь уже Советская Россия назовет его именем эту обширную высокогорную цепь. Возглавив в 1891 году экспедицию Академии наук, Иван Дементьевич прошел по колымскому краю сотни километров, а, когда после тяжелой болезни скончался и был похоронен в устье реки Омолон, его экспедиция продолжала путь под

руководством первой русской женщины-путешественницы Мавры Павловны Черской. Она была зоологом и ботаником, собрала большую геологическую коллекцию, и, если бы Географическое общество вынесло новое решение: именовать горную цепь хребтом Черских, — это было бы и справедливее и правильнее.

Хребет Черского до последнего времени оставался «белым пятном» на фаунистической карте нашей Родины. И мне радостно было узнать, что как раз в эти дни одна из экспедиций Якутского филиала Академии наук СССР под руководством доктора биологических наук К. А. Воробьева исследовала альпийскую фауну хребта Черского. Ни один зоолог не проникал в эти районы, лишенные троп и богатые наледью толщиной в два метра. Исследователи нашли здесь более восьмидесяти видов птиц, гнездовья разных высокогорных куликов — большого песочника, хрустана и пепельных улитов, птенцы которых впервые добыты для науки.

Коллекция птиц, гнезд, яиц, фотографии и дневники — какой богатый материал собрала экспедиция для новой монографии о птицах Северо-Востока нашей большой страны!

Меня заинтересовали подробности. Научные работники рассказали, что из двадцати пяти отрядов птиц, обитающих в СССР, на территории Магаданской области встречаются представители семнадцати отрядов: тут и более сорока видов различных воробьев, и всевозможные дятлы, стрижи, кукушки, совы, и многочисленные дневные хищники... Есть даже цапля! Что касается гагар, чистиков, чайковых, куликов, журавлей, то на территории области они представлены от двух до пятнадцати видов. Какое богатство! Помню, в Магаданском музее я долго любовался чучелами синехвостки, соловья-красношейки, дрозда Науманна, щура, пятнистого конька, чечетки, оляпки (водяного дрозда), плавунчика круглоносого, улита большого, кулика дон-ори, кулика песочного, выпи...

Как, должно быть, интересно работать зоологу в этих северных краях! А охотнику или туристу и мечтать о другом не стоит. И снова я думаю о приглашениях того ягоднинского шофера, московский братишка которого не хочет (пока!) проводить свой отпуск на Колыме.

Туристы отлетают понемногу
По трассам европейской старины,
А нет, чтобы отправиться в дорогу
На Северо-Восток своей страны...

Что значит для туриста заграница?
Она порой не может не увлечь.
Во многих странах лишь одно случится —
Увозишь яркость проходящих встреч.

Но сила чувств — отобранных и строгих —
К своей земле, как к женщине родной.
Нетрудно позабыть одно во многих,
Когда находишь многое в одной.

Я верю, с интересом повторяя:
— Мой Сусуман, Тенька или Певек, —
Сюда, к легендам о колымском крае,
Приедет восторгаться человек!

Что за парадоксы в Сусуманском районе!

Возвращаюсь в райцентр и узнаю, что Сусуман стоит на реке Берелех, а поселок Берелех на реке Сусуман.

Как видно, в Сусуман невозможно приехать просто так, чтобы у тебя был свободный вечер. Ни в коем случае! Сусуман не может без мероприятий! И пообедав возле уличного ларька, я прямехонько попадаю в клуб, на районный смотр художественной самодеятельности.

Фасад клуба украшен плакатами: «Искусство принадлежит народу!», «Привет участникам самодеятельности!», «Дорогу народным талантам!».

Мы приехали в самый разгар смотра. В зрительном зале, что называется, яблоку негде упасть, публика воодушевленно аплодировала каким-то двум парням, отплясавшим только что матросский танец. «Работали пятеро как один!» — восхищался мой сосед.

Потом кто-то читал стихи, далее прошел хореографический номер, и вот уже ведущий объявляет:

— Василий Васильевич Булатов, контролер вентиляторов шахты № 10 (Кадыкчан). Чайковский. «Осенний вальс».

На сцену вышел длинный, худощавый и, как все вы-

сокие люди, чуть сутулый пожилой человек. Бережно положив на колено балалайку, он взял первые аккорды и мелодия полилась.

И вдруг, не закончив пьесы, он поднялся и сказал:

— Теперь вы, товарищи, убедились, какой богатый инструмент балалайка. И я очень сожалею, что наша молодежь всерьез почти не интересуется этим изумительным инструментом. А ведь у каждого народа есть свои дорогие музыкальные инструменты, так почему же вы, молодежь, не попытаетесь сделать балалайку своей повседневной радостью?..

Поднялся кто-то из членов жюри:

— Товарищ Булатов, все это правильно, но у нас смотр, и время рассчитано. Вы должны показать свое исполнительское искусство.

— Нет, позвольте, для меня совершенно не важно, как вы отнесетесь к моему исполнительскому искусству. Дело не в этом. Я хочу, чтобы наша молодежь полюбила балалайку, и считаю нужным сообщить, что в конце прошлого века, когда в Петербурге Осипов организовал первый оркестр из струнных инструментов, он пригласил на концерт Льва Толстого...

В зале засмеялись, но кто-то уже кричал:

— Не мешайте, пусть говорит!

— Нет, так дальше продолжаться не может. Товарищ Булатов, неужели вы не понимаете, что у нас смотр...

— Пусть говорит, — неслось из зала.

— Я, конечно, могу уйти со сцены, но, по-моему, все заметили, что я «Осенний вальс» не закончил и сделал это сознательно, чтобы иметь возможность за отпущенное мне в программе время сказать то, что считаю необходимым.

— Мы устроим отдельный вечер на эту тему...

— Пусть говорит, — снова неслось из зала.

— Так вот, Лев Толстой ушел потрясенный и на следующий день прислал Осипову письмо, в котором, между прочим, писал, что балалайке принадлежит блестящее будущее, так как этот народный инструмент таит в себе неисчерпаемые возможности концертного исполнения. Эти струны, как говорится, могут «поднять» даже самые сложные музыкальные произведения. Вот сейчас я вам продемонстрирую на этой балалайке фрагменты из

«Чардаша» Монти, и вы увидите, как техника в сочетании...

— Товарищ Булатов, говорим вам самым настоятельным образом, — снова сказал кто-то из членов жюри, — или исполняйте полностью «Чардаш» или прекратите этот неуместный разговор. У нас смотр! Впереди еще много номеров...

Это несколько грубоватое высказывание, где прозвучало «настоятельным образом» и «прекратите», не разоружило Булатова, и он, сохраняя спокойствие, решительно заявил:

— Но почему я должен непременно исполнять? Хорошо, считайте мою игру фрагментов на балалайке и комментарии к ним как отдельный номер. Так сказать, номер оригинального жанра. Насколько я могу судить, публика меня поддерживает. Так что убедительно прошу членов жюри, учитывая, что я придаю особое значение этому своему выступлению, не прерывать меня, дабы я мог высказаться до конца.

— Ну, хорошо, сколько вам еще нужно времени?

— Я, полагаю, если вы не будете меня прерывать, минут через десять я мог бы закончить...

— Десять минут — это очень много!

— Дать десять минут!

— Пять минут!

— Объявляйте другой номер!

В зале поднялся невероятный шум, и чувствовалось, что публика разделилась на две партии, каждая из которых приводила веские доводы «за» и «против» контролера вентиляторов...

Так как народ успел нахохотаться и насладиться этим событием, то всем уже хотелось чего-нибудь другого. Видимо, Василий Васильевич почувствовал, что сторонников у него становится все меньше. Перекрывая шум, он прокричал:

— Буквально несколько заключительных слов. Я, конечно, и сотой доли не сказал, что хотел, но, поймите, мне важно, чтобы наша молодежь прониклась чувством прекрасного и, в частности, овладела таким изумительным инструментом, как балалайка.

Дружные аплодисменты, провожавшие Василия Васильевича, все же доказывали, что неожиданный номер

«прозвучал» именно так, как добивался этот своеобразный исполнитель.

Еще много было интересных номеров, но, откровенно говоря, выступление Василия Васильевича меня так захватило и до такой степени заинтересовало, что до конца вечера я думал об этом человеке.

— Мне бы очень хотелось побеседовать с вами, — сказал я Василию Васильевичу, когда концерт окончился. — Уже поздно, но, может быть, мы встретимся завтра?

— Сейчас подадут автобус, и мы уедем в Кадыкчан. Если вы последуете за нами, — пожалуйста, побеседуем, но я не рекомендую вам торопиться. Ведь впереди знаменитая Чай-Урьинская долина.

— Да, я слышал.

— Я бы сказал, — пояснил Василий Васильевич, — в этой долине вы найдете настоящие самородки редких человеческих судеб...

— Может быть, вы подскажете, кого имеете в виду?

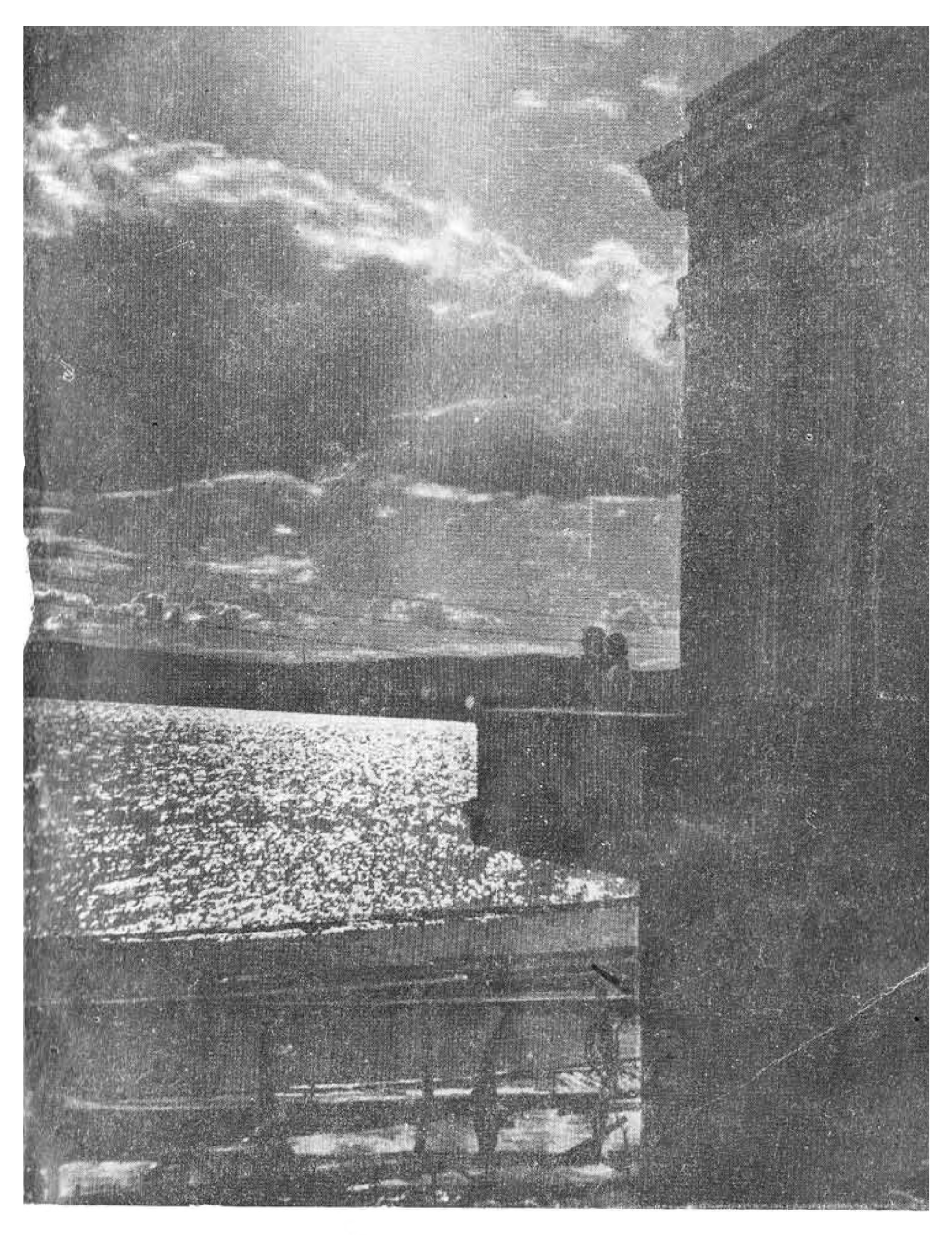
— Во-первых, Сергей Дмитриевич Раковский, первооткрыватель Колымы, наверно вы уже слышали о нем. Во-вторых, на «Октябрьском» надо повидаться с Матвеем Горюновым, шурфовщиком, мастером «зимнего мрамора». В-третьих и в-десятых, ищите сами и, если будете прилежны, — найдете...

Мы с Василием Васильевичем договорились встретиться в Кадыкчане дней через десять и попрощались.

Итак, Володя работает в хозяйстве Хоперского. Он стажируется на «Татре», и сегодня наступил день нашей разлуки. Мы последний раз переночевали в берелехской гостинице, в этом узорчатом теремке, и утром сегодня начал я Володю «отделять», то есть вынимать из общих чемоданов его вещи.

Грустно было, конечно. Мы прощались так, словно больше не увидимся. Подарил я ему свои часы, кое-что из вещей, дал, сколько мог, денег, а Володя все время отказывался и говорил, что ведь мы расстаемся не на веки. Но я сказал: «Мало ли что, а вдруг...»

Володя взял список поселков с расписанием моего дальнейшего движения, и у меня оторвалось от сердца что-то родное.

«Ласточкино гнездо» Крайнего Севера. Сюда под вечер приходят влюбленные. Они любуются искусственным озером, по которому закат разбросал свои золотые россыпи...

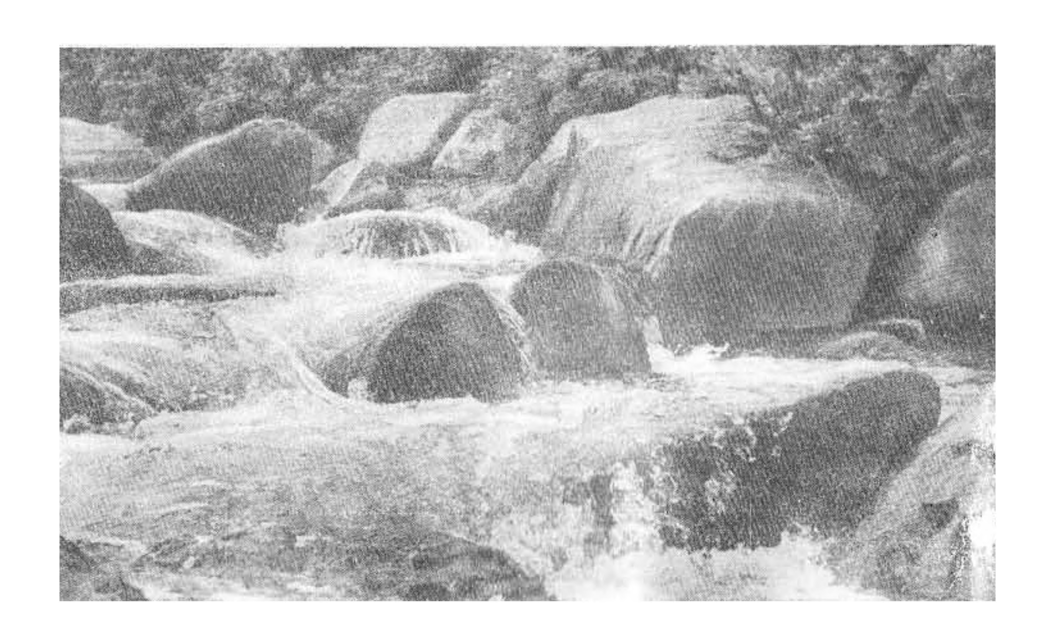
Это что, Сочи? Нет, коренные жители вам разъяснят, что в основном тут всегда зима и бывает, вьюги бегут быстрее оленя. Но олень мудрее вьюги. Он привел сюда своего больного олененка, чтобы испить живительной целебной воды и набраться силы. Олень показал человеку, где следует построить красивый курорт. И теперь на Талой вы можете проводить свой отпуск и загорать на 62-м градусе широты...

...У Колымы много детей, внуков и правнуков. Одни смирные, другие беспокойные, как всякие дети, — ничего удивительного. Удивительно только то, что скоро огромное потомство Колымы, до последнего самого маленького ручейка, или подпояшется мостиком, или отразит в своих кудрях новый таежный поселок...

Рекам снятся моря,
Птицы пробуют высь,
Рисковать — так не зря,
А решился — держись!

Добывать по горам
Золотую руду
И, как реки — морям,
Отдаваться труду!

...И у этих детей Колымы тоже что ни год, то новинки. Какое разнообразие детских мод летнего колымского сезона! Тут и нарядный накомарник, и легкое летнее платье для самостоятельных прогулок, и оригинальная шляпа из живых цветов...

Интервью.

— Записывайте: наша трасса — это коридор великого колымского общежития...

У мостика на окраине Сусумана Володя вышел из машины. Наговорив друг другу хороших прощальных слов, мы с ним облобызались и договорились, что увидимся в Кадыкчане.

Я попытался помахать ему из машины. Потом остановился, оглянулся с дальнего поворота — Володя все стоял. «Хороший парень, очень хороший! Ему, конечно, грустно будет первые дни, ведь он, как и я, привык жить в машине, привык путешествовать».

Так я распрощался с Володей, и, может быть, навсегда. Начиная с Палатки, он все время стремился устроиться тут на работу и если, наконец, это произошло, то вряд ли он ко мне вернется... Вот и вещи свои забрал, и стало как-то одиноко в опустевшей машине.

Да, хорошо мы дружили с Володей. А ведь бывает и так: два—три человека живут на зимовке, или идут по тайге, или отправились в путешествие — и очень плохо им, неуютно, тяжело. Как важно сохранить, если не дружбу, то хотя бы сносные отношения во имя поставленной задачи, своего призвания, общей победы!

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Я встретил его. Толковали полночи.
И автотуристский задор
Все жарче и строже, тесней и короче
Завязывал наш разговор.

Мне нравится он. По натуре бродяга,
Хоть завтра готов был в тайгу...
В последние дни без меня он ни шагу,
И я без него не могу.

И вот мы в дороге. Скажу вам по чести,
Не знаю с чего началось,
Но так уж пошло: мы как спутники вместе,
А по-человечески — врозь.

За мелкие стычки — расплатой усталость.
За все мы держали ответ.
И «нет», означавшее «да», натыкалось
На «да», означавшее «нет».

Мы вместе стараемся, вместе потеем,
Ведь жизнь на колесах — одна.
И всем нашим планам, мечтам и затеям
Указчица — только она.

И пусть мы не в ссоре, однако на грани...
Но все же при людях — ни-ни.
О, как хорошо мы и трудно играли
В друзей и в счастливые дни!

Пусть душит обида, застрявшая в горле, —
Никто отступиться не мог.
Мы связаны были, нас до крови терли
Веревки шоссейных дорог.

Но как бы отчаянно ни враждовали, —
Боролись за дело одно,
И к радости общей от общей печали
Упрямо вело нас оно.

По дороге в Нексикан я заехал на прииск имени Фрунзе к Петру Дьякову. Работая техником-нормировщиком на участке «Челбанья», Дьяков в свободное время любит вскинуть на плечо двустволку и уйти по распадкам близлежащих сопок к быстрым потокам, где можно подследить уток или просто полюбоваться колымской природой.

— Я родился на Дону, — говорил Дьяков. — Очень люблю шолоховские берега своего детства, но, поверите ли, в прошлом году приехал в отпуск, так не дотянул и месяца — заскучал по Колыме. А там мне просто зацепиться не за что — голая равнина, не то... А тут... Вот послушайте...

И он прочитал стихотворение, поразившее меня тонкой поэтической наблюдательностью:

Тьмы ночной раздвинув покрывало,
По распадку пламя разлилось.
На хребет лесного перевала
Вышел и... остановился лось.

Дрогнул он, поджав живот поджарый,
И, отпрянув, замер вновь в тени:

Вероятно, принял за пожар он
Новостройки яркие огни.
Сеть узлов собрав под гладкой кожей,
Он ноздрями чуткими всхрапнул,
И бесшумно тем же бездорожьем
В тьму ночную снова повернул.

— И вообще у нас тут много всяких зверей, — говорил Дьяков: — Конечно, оживленная трасса распугала их, но за сопками можно повстречать кабаргу с острыми черно-желтыми клыками, между прочим, напоминает она нашего приволжского сайгака. Есть черношапочный сурок, суслик, мохнатый конюк, маленький хищник чеглок, бородатая неясыть и неясыть серая длиннохвостая. Бывает, встретится рысь, росомаха, красная лиса и даже снежный баран, или, как говорят здесь, чубук-толсторог... Конечно, есть и бурый медведь, и выдра...

— А белка?

— Есть черно-бурые с красным волоском и с темной голубизной, светло-серые, как шуба, и темно-серые с чуть красноватой полоской вдоль спины, есть с рыжими хвостами и черными, красноватые и серо-черные.

Я не успевал удивляться. Дьяков буквально засыпал меня новыми и новыми подробностями, историями и любопытными наблюдениями, которые он почерпнул в своих охотничьих скитаниях.

— Послушайте, какой со мной был случай, — продолжал Дьяков. — Я вам уже говорил, что нашу белую куропатку русловку нелегко застать врасплох и подойти к ней на выстрел. Так вот, однажды мы с одним геологом, приятелем моим, возвращались домой по старому высохшему руслу. Стоял погожий июнь, время цветения мхов, трав и первых выводков. Мы уже прошли километров десять и не встретили ни одной души. Только ветерок шумел в тальниках да кустиковых березках. Это была пора лесного материнства, все таилось, пряталось... И вдруг перед нами из низкорослых кустов тальника и густого багульника на тропу выскочила куропатка. Распустив, словно подбитое, крыло, с характерным подкудахтыванием и подталкиванием она бежала к нам навстречу. Когда геолог без труда поймал ее у своих ног, она даже не сделала попытки вырваться, а только крутила точеной

головкой и смотрела туда, где в траве мелькали желтые живые комочки-птенцы. Вот, оказывается, где мы очутились. Отважная куропатка! Она готова была погибнуть лишь бы спасти птенцов. Я попросил своего приятеля отпустить ее, и, помню, он с теплотой в голосе сказал: «Иди глупая, иди к своим!» и тут же, о чем-то подумав, сам себя поправил: «Нет», — сказал, — «не глупая... Она — мать...»

— Какая трогательная история. А мне говорили, что куропатки русловки боятся человека...

— Вы спутали, это куропатки горняшки, дикари хребтов, не подпускают к себе близко, а русловка, как видите, сама подбегает.

— А кроме куропаток, какая птица тут водится?

— Много уток. Тут и кряковые и гоголь, каменный глухарь и рябчик, всякие чирки, трескунки, да мало ли...

Нормировщик с «Челбаньи» Петр Дьяков, если только вы пойдете с ним в сопки, будет с трогательной нежностью обращать ваше внимание на то, как кипит зелень, омытая недавним дождем, он скажет, что воздух настоен на аромате хвои и трав и дышать им надо умеючи, с наслаждением и непременно с улыбкой.

Я слушал Дьякова и казалось мне, что только теперь по-настоящему начинаю понимать характер истинного колымчанина. Я спросил его, не тоскует ли он по тихому Дону? И в ответ он прочитал стихи, посвященные своему самому родному... горе Морджот — знаменитой сусуманской сопке.

Когда навещаю порой Сусуман,
Люблю я смотреть на Морджот.
Он летом с вершины окутан в туман,
А понизу зелен и желт.

Зимой он от яростной стужи продрог,
А осенью — взят ветерком,
Однако на трассе воздушных дорог
Он вроде бы стал маяком.

С дороги виднеются шапки вершин
И, вспыхнув весенним огнем,

Покажутся глазу следами морщин
Хребтистые складки на нем.

Я верю, я знаю, что скоро и здесь
По рельсам пойдут поезда.
Морджот! Я хотел бы назвать в его честь
Хотя б полустанок тогда.

Я попрощался с Петром Дьяковым, с этим рядовым нормировщиком и незаурядным поэтом, с охотником и натуралистом, встреча с которым доставила мне редкое наслаждение.

...Ночью вдруг такой туман... Я вел машину в Нексикан и совершенно не видел сопок, которые подходят к самой трассе — до того густо залило их белым и плотным холодом. Иногда создавалось полное впечатление моря, среди которого возвышался красивый остров: это выступала из тумана вершина сопки. И казалось, по морю вслепую шел бежевый катер М-72. Но туман все же не сплошной. В разрывах горят встречные фары. Освещают они трассу и придорожные, покрытые влагой кусты. И вдруг — машина резко, слету, врезается в густое, тягучее, как сгущенное молоко, туманное облако! Исчезают за окном кусты и блестящие росинки, не видно галечных отвалов, и подслеповатые фары с их матовым отблеском неуверенно, слегка прощупывают дорогу. Иду почти вслепую. И снова, точно рваный дым, обрывается туманное облако. Опять холодная ясная ночь: сверкающие под фарами капли влаги на ветлах и лиственницах, и навстречу, не включая большой свет, несется огромный ЗИС с двумя прицепами. Такое чувство, словно разрезая свистящий воздух, только что промелькнула за окном подмосковная «электричка». И после этой зловещей, опасной ночи — ясное утро и белые, почти ватные облака в голубом небе. Какая контрастность! Какая причудливая смена настроений... И опять, как остров в море, плывет среди спокойного тумана вершина сопки.

Примерно в тридцати километрах от Сусумана, неподалеку от реки Берелех, у подножия многоглавых гор раскинулся аккуратный поселок геологов, форпост Чай-Урьинской долины — знаменитый Нексикан. Знаменит он прежде всего своей разносторонней изыскательской

деятельностью. Подобно магниту, Нексикан притягивает и обобщает результаты работ многих экспедиций и полевых партий.

Прямо с трассы, которая несколько возвышается над поселком, сворачиваю влево и вот уже еду мимо автовокзала, двухэтажных деревянных домов и столовой, мимо почты, магазина, мимо детского садика, который с виду ничем не отличается от московского, мимо центральной районной больницы и нового здания школы-интерната. И, конечно, как же не заметить Дом культуры с его небольшим сквером и напротив — обширное здание геологоразведочного управления.

Долгие годы начальником Берелехского геологоразведочного управления был один из первооткрывателей Колымы Сергей Дмитриевич Раковский. Совсем недавно Раковский ушел на пенсию, уехал на «материк», но в одну из последних недель его работы мне все же посчастливилось повидаться с «геологическим патриархом» именно в Нексикане, в его долголетней, бессменной резиденции. Однако встретились мы не сразу. Я спрашивал нексиканцев: «Где Раковский?» И мне отвечали: «Нет и будет не скоро: он на совещании в Магадане. Потом поедет в Адыгалах, потом...»

И если нет возможности немедленно встретиться с ним, можно просто бродить по четким улицам пытливого Нексикана. В седьмом часу нексиканцы идут в свой Дом культуры на концерт или в кино. Идут они под мягким светом электрических лампочек, которые, как бубенцы, висят в плафонах на солидных металлических мачтах. А давно ли здесь были выстроены всего два первых дома?

В памятный вечер нашего приезда геологический Нексикан подходил к телефонным аппаратам. Согласитесь, что особенно приятно лишний раз снять телефонную трубку именно в эти дни, когда только что во многих квартирах установлены телефоны. Сто семнадцать телефонных аппаратов, появившихся в личном пользовании у нексиканцев, работают с полной нагрузкой именно вечером, когда можно пригласить друг друга в гости, или сказать кому-то счастливым голосом: «Я тебя люблю». И это будет страшно оригинально, потому что прозвучит впервые! Впервые по нексиканскому телефону...

Этот телефон вскоре сослужит мне добрую службу. Пока дожидаться Раковского было бесполезно. Я двинулся дальше. Но мое желание увидеть его было настолько велико, так много слышал я о нем на трассе, что недели через три из Мяунджи я позвонил в Нексикан и, убедившись, что Раковский, наконец, дома, как угорелый помчался на свидание с ветераном геологоразведочной Колымы.

Наше первое знакомство с Раковским состоялось еще в Сусумане. Тогда он мне показался слишком официальным и чопорным. Теперь я понимаю, что там он просто был скован. Но здесь, в Нексикане, на втором этаже управления, в своем обширном рабочем кабинете мне протянул сухощавую руку не начальник этого учреждения, а бывалый путешественник, который, казалось, только что вернулся из какой-то интересной экспедиции. Вся его фигура неутомимого ходока, волевое лицо, иссеченное размашистыми морщинами, орден Ленина на строгом сером кителе, наконец, орлиный с горбинкой нос и выразительные, как бы удивленные глаза следопыта — все это решительно не гармонировало с чиновничьей обстановкой заурядного служебного кабинета, в котором висела огромная геологическая карта, но не было ни одного стеллажа с образцами местных пород.

— Наше Берелехское геологоразведочное управление не раз давало оценку своей территории, — говорил Раковский, — но переоценивая собственные прогнозы, переоценивая выводы своих предшественников, мы убеждались, что возможности наши значительнее, чем думали мы еще вчера. Надо только тщательнее поискать, выявить новое. Ведь было установлено по всей области, что более половины найденного разведчиками золота уже добыто и что процентов сорок еще нужно разведать. Это — большая задача! И мы, геологи, верим, что еще сотни лет будет жить наша золотая Колыма.

Я сказал:

— Как видно, все геологи пожизненные мечтатели...

— Ну, что ж! С этим можно согласиться, — продолжал Раковский. — Человек без мечты, как птица без крыльев. Но мечта советских геологов — это не бесплодная фантазия, это реальные планы, основанные на научных данных, это новые, усовершенствованные мето-

ды геологопоисковых работ и новые механизмы в золотодобыче. Это, наконец, энтузиазм и убежденность наших людей.

О многом рассказывал этот, похожий на Амундсена, первооткрыватель, сохранивший бодрость и неутомимость в свои шестьдесят лет. Тем, кто заинтересуется его жизнью и борьбой в колымской тайге, советую прочитать книгу Иннокентия Ивановича Галченко «Геологи идут на Север». А если вам посчастливится встретиться с Раковским, будьте внимательны и терпеливы.

Раковский скажет все и даже больше того, на что вы рассчитывали. Говорит он негромко, откровенно. Если я иногда и перебивал его, вставляя свои реплики, то только для того, чтобы ускорить беседу, сделать ее более динамичной, так как Раковский способен вокруг одного вопроса наслаивать такие подробности, что главное начинает теряться... Но для него — все главное, и в этом проявляется характерная черта настоящего геолога: в каждом камушке ему мерещится открытие, в каждой подробности — скрытые резервы чего-то очень важного...

— Прошли те времена, когда старатель, выйдя в долину и подбросив повыше шапку, бил шурф там, где она упадет. Сейчас на помощь разведчикам пришла геофизика и ряд других новых современных методов исследований. Это помогает вести разведку быстро, оперативно. А с внедрением станков ударно-канатного бурения мы получили возможность за один сезон проводить весь комплекс работ, начиная с поисков и кончая детализацией.

Я вспомнил, что еще в Москве, в Дальстройснабе, мне называли имя этого человека.

Есть люди, деятельность которых — день за днем — похожа на кадры единого стройного фильма. В данном случае беседа с Раковским была похожа на фильм о преображении обширнейшей территории, способной разместить несколько европейских государств. Трудно себе представить, но это преображение — от просеки до современной автострады на сотни километров, от первого колышка до благоустроенных поселков с центральным отоплением, от привозных консервированных овощей до местных огурцов и помидоров, выращенных в парниках вечной мерзлоты, — это преображение произошло на глазах одного поколения, на глазах одного человека.

И можно не плыть по морям-океанам,
Но стать открывателем новых земель.

Эти стихи больше чем к кому-нибудь другому относятся к Сергею Дмитриевичу Раковскому. Ровно тридцать лет назад в составе геологоразведочной экспедиции Ю. А. Билибина прибыл Сергей Раковский на Олу и, как память о тех днях, он показывает мне горный компас, на котором выгравировано: «С. Р. Ола. 12.VII. 1928 г.». Потом я узнал, что этот компас передан в музей.

Когда на ладони у Раковского появились первые крупицы золота, он еще не знал, что держит начало новой судьбы огромнейшего края. Так был открыт золотой континент Колымы, именно континент, потому что богатства Колымы способны уместиться только в самые объемные определения.

Человека, принимавшего участие в первой экспедиции «в глубинку» и посвятившего тридцать лет жизни созданию золотодобывающей промышленности на Северо-Востоке нашей Родины, называют теперь одним из первооткрывателей, но никто не ошибется, если скажет о нем, что он еще и первостроитель Колымы и самый преданный и многолетний ее перволюбитель.

ГОРНОРАБОЧИЙ

В окруженье хитроумных пятен,
узких тропок
и бурьянных круч,
до чего мне дорог и понятен
день праздношатающихся туч.
В этот день тревожный
среди прочих
самых удивительных вещей
снова встретил я горнорабочих
за тарелкою колымских щей.
Подо мной дымились крутовалы,
и, роскошной дикостью маня,
неуравновешенные скалы
брали в окружение меня.
Шел я долго, засыпал устало,
шел в предгорьях лета и зимы

от старинных рудников Урала
до забоев юной Колымы.
И в геологических разведках
я пытливо спрашивал у скал:
из каких порóд
особо редких
сердце человек приобретал?
Почему,
влюбившийся в просторы,
хочет все он выхватить до дна?
Для чего ему златые горы
или реки полные вина?
Я киркой расспрашивал теснины
и, не достучавшись молотком,
похудевший,
желтый весь от глины,
слезы растирал я кулаком.
Ох и жадный был я да охочий,
но чего хотел
— не отыскал...
Помоги же мне, горнорабочий,
повелитель выдолбленных скал!..
Вышли мне помочь,
да не сумели,
лишь один сказал:
— Послушай, ты!
Четверть века я на этом деле,
все мне видно с этой высоты.
Вот пойду я по тропинке тесной,
ветер как ударит по плечу,
и, сорвавшись со скалы отвесной,
я в обнимку с камнем
полечу!
Что мне тары-бары, разговоры?
Жизнь —
я в это верю —
не бедна!
Так подайте мне златые горы,
дайте реки
полные вина...
...На коленях грубые заплаты,
шарф на горле прячет от простуд.

Вновь кирки, и ломы, и лопаты
ищут,
спотыкаются,
скребут.
Так проходят за годами годы,
так меняется за веком век.
Сердце
изумительной породы
вдруг в себе находит человек.
И все жарче, чище, откровенней
сердце бьется в ритме этих дней
где-нибудь на прииске «Осенний»
в Магаданской области своей.
Все мы перероем и отточим,
надо только крепче приналечь!
Я б хотел, друзья,
горнорабочим
всю свою державу пересечь!
Чтоб взяла меня, где узкий вылаз,
в шахту опустившаяся клеть,
чтоб в горах
(дай бог, чтоб не случилось),
обнимая камень, полететь,
рисковать
и отправляться в поиск,
пересечь все страны и пути
и однажды
Родине на пояс
взять экватор и преподнести!
И тогда всемирные просторы
будут знать, что цель у нас одна:
чтобы людям всем златые горы,
чтобы реки полные вина!

От Нексикана по трассе до устья Чай-Урьи всего четыре километра. Веду машину на север по левому берегу этой небольшой, но знаменитой реки и слышу, как Чай-Урьинская долина поет свою лебединую песню...

Когда-то маленькая Чай-Урья, впадающая в Берелех, вызвала к жизни целое ожерелье приисков, которые до сих пор дают золото. Да и сам поселок геологов Нексикан с его горнопромышленным управлением возник спе-

циально для того, чтобы быстрее осуществить эксплуатацию уникальной чай-урьинской россыпи.

Прииски имени Чкалова, «Большевик», «Комсомолец», «Октябрьский» — какие названия! Не трудно догадаться, когда именно возникли эти золотодобывающие предприятия. Не в те ли годы, когда мир восхищался чкаловскими перелетами? Итак, прошло более двадцати лет... И можно только диву дивиться: на протяжении тридцати километров все вокруг перерыто, перекопано, перекинуто... Сотни тысяч рук промелькнули в Чай-Урьинской долине. Еще гремит слава ее приисков, но уже бывший «Комсомолец» вынужден покинуть свое многолетнее пристанище, а отдельные участки «Большевика» и «Октябрьского» отныне в такой отдаленности, что проще было бы, наверно, перенести центры туда, «в глубинку».

Машина идет на север, и слева летит легендарная Чай-Урьинская долина со своими необычными круглыми насыпями, похожими на гофрированные трубки противогазов. От прииска до прииска темнеют бесконечные конусы отвалов.

Мелкие, опрятные изгибы речонки между отвалами, мохнатые сопки вдали. Над горным гребнем в чистом небе чуть заметная, как полукруг кружевного облачка, легкая луна. Небо темнеет, к желто-зеленым мшистым кочкам спускаются невесомые туманы. Синяя от туманной дымки и желтая от фар дорога вдруг становится фиолетово-малиновой. Не в силах оторваться самородок-луна прикоснулась выщербленным боком к гребню сопки. Приветливо возникают вдали огни поселков. У дороги — маленькие озерца, вода тихая, как будто застыла. И в ней четко-четко отражаются ветки, травинки, каждый листочек спящих придорожных кустов. Днем зеркало водоемов никогда не бывало таким чутким, отзывчивым! Ночь, конечно, красота — ничего не скажешь!

Этой богатой чай-урьинской ночью ехал я на Мяунджу и прислушивался к долине, которая уже вытолкнула темно-коричневые массы торфов за контуры полигона и, отдавая людям последнее золото, пела свою лебединую песню.

Иногда мне говорят: в жизни немало плохих людей, а вы все выискиваете и показываете только хороших: вы-

ходит вы смотрите на жизнь односторонне. Что ответить на это? Скажу, что делаю это сознательно. Потому что у нас много декларируют о том, каким должен быть новый, коммунистический человек, но не всегда убедительно показывают, что такие люди уже есть, уже живут среди нас, да и сами мы во многом такие. Плохих людей во всех литературах уже сто раз показывали. Так что же, опять туда же? Нет, куда труднее найти в жизни новые черты, рожденные советским мировоззрением, и художественно утвердить их в родной литературе...

По совету Василия Васильевича я заночевал в Чай-Урьинской долине, в поселке Октябрьском у шурфовщика Матвея Петровича Горюнова.

Есть люди, на которых смотришь снизу вверх, даже если они ниже тебя ростом. Вот так и я смотрел на Горюнова. Какой неожиданный человек. Тысячу раз прав был Василий Васильевич, когда говорил о золотых самородках человеческих судеб, которые можно встретить в уникальной Чай-Урьинской долине.

У Матвея Горюнова лицо кирпичного цвета, умятое ветром, прокаленное морозом. Такие лица нередко встречаешь у людей, длительное время находившихся на зимнем воздухе.

Шурфовщик Горюнов принадлежит к людям, которые, помимо основной работы, охвачены какой-то своей, только им присущей страстью. Страсть Матвея Горюнова — снег. Он делает из снега произведения искусства. У него свои методы и «секреты», которых он не скрывает. Пожалуйста, берите незамысловатый инструмент и пробуйте!

Передо мной альбом с фотографиями, и с пояснительным текстом. Какую нарядную горку построил для детишек Матвей Горюнов! Мраморные лестницы, перила, мраморные зайцы бегут по порталу, мраморные вазы возвышаются над мраморными столбами. Неужели все это из снега? На мраморе — плакат:

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ КАТАТЬСЯ С ЛЕДЯНОЙ ГОРКИ,
УЧИСЬ ТАК, ЧТОБЫ ПОЛУЧАТЬ НЕ МЕНЬШЕ ЧЕТВЕРКИ!

— Послушайте, Матвей Петрович, ведь летом все растает, а вы затрачиваете такой труд!

— Но разве человек украшает цветами сады и бульвары навечно? Важно дать людям красоту, научить их любить ее, вовлекать народ в создание красоты! Взрослый скажет: «зимние «Аркадии», детишки решат: «подарки Деда Мороза». Но и те и другие мне всегда помогут в этом деле...

Горюнов показывает новую серию фотографий. Это мраморный забор вокруг колымского домика.

Была осенняя пора,
Стоял ноябрь уж у двора...

От пролета к пролету «плывут» лебеди. Целая вереница. Над ними возвышаются мраморные белоснежные вазы с хвойными ветками.

Гусей крикливых караван
Тянулся к югу...

Далее апрельская фотография: лебеди тают, вот уж действительно поплыли, без кавычек. Забор пупырчатый, и все-таки Горюнов находит нужным сказать:

— И даже здесь на грани полного исчезновения, как бы прощаясь со своим существованием, красивое остается красивым.

Можно часами говорить с Горюновым на эту тему. Он считает, что работа со снегом обогащает ребенка трудовыми навыками. Интересны наблюдения Матвея Петровича Горюнова. С его точки зрения наши житейские представления о снеге (о том, что он лепится только в оттепель) неправильны, так как противоречат законам физики. Снег «лепится» даже в большой мороз (когда он выглядит сыпучим, как песок), стоит лишь его подвергнуть сжатию. Ведь любое сжатие сопровождается выделением тепла, которое в данном случае и служит цементирующим началом.

Снежная горка сделана при 40-градусном морозе без единой капли воды. «Скульптор» никогда не держал в своих руках резца и даже не имеет представления о характере скульптурного творчества. С помощью двух деревянных щитов, лопаты и... столового ножа человек работал всего лишь три дня. Какое наглядное доказательство тому, что снег — это идеальный материал для различных скульптурных работ! Прививать детям чувство

красоты и любовь к ваянию, — что может быть благороднее? Ведь на протяжении восьми месяцев необходимый материал имеется везде в неограниченном количестве, чего как раз нельзя сказать о пластической глине или мраморе.

Если же к этому добавить, что снежному кубу можно придавать (в зависимости от степени сжатия) пластичность, начиная от мягкости сливочного масла и кончая твердостью известняка, если напомнить, что современная техника позволяет иметь снег и летом, — то станет ясно, что у нового сырья большие виды на будущее.

И я узнал, что колымская зимняя «глина» или «мрамор» обладает абсолютной белизной и великолепной пластичностью. Горюнов уверен: этот материал благодаря своим совершенным качествам способен вызвать настоящий творческий энтузиазм даже у людей, не причастных к скульптуре.

— Между прочим, подобным «ваянием» занимаюсь не только я, — сказал на прощание Матвей Горюнов. — У Василия Васильевича Булатова тоже есть фотографии его работ из снега.

И я снова вспомнил яркую встречу в Сусуманском клубе с высоким, худощавым энтузиастом. Прижимая к груди, как ребенка, талантливую балалайку, он советовал мне внимательнее присмотреться к людям Чай-Урьинской долины...

Поэт и охотник нормировщик Павел Дьяков, первооткрыватель Колымы Сергей Раковский, изобретатель зимнего мрамора шурфовщик Матвей Горюнов и, наконец, сам Василий Васильевич, с кем еще предстоит мне встретиться — вот оно нескудеющее, незатухающее богатство, с которым не сравнится никакая Чай-Урьинская долина.

Еще в Палатке мы слышали:

— О, Мяунджа — это современная Колыма!

— Мяунджа — это город!

И вот держу путь на Мяунджу. Я люблю ездить вечером, вернее встречать закаты в дороге. Мелькают лимонно-золотые осенние лиственницы, сопки то зеленые, то желтые, и вдруг они начинают темнеть. Страшно быстро стушевывается пылкая яркость, и только по сладко-горькому запаху пожелтевшей хвои, залетающему в ка-

бину вместе с ветром, чувствуешь — на дворе осень. Небо ворочается, словно устраивается на ночь: только что было оно ярко-синим, но стоило солнцу опуститься к сопке, как оно замутилось, поблекло и по голубизне разметались желтые полосы. Солнце приникло к земле, горит из последних сил, и по оранжевому небу, словно в отсветах пожара, оглядываются, убегая, страстные облака.

Огненными ручейками полыхает в обочинах вода. Проходит еще минут пятнадцать, и солнце исчезает в распадке. И гаснет блеск в чистых придорожных ручейках. Огромное небо спит. Звезд нет. И только прииск «Большевик», бессонный работяга, гудит ночным экскаватором. И снова три огонька на стреле и четыре по углам кабины кому хочешь напомнят созвездие Большая Медведица...

Мяунджа стоит в нескольких километрах от трассы, но ее огни видны уже издалека. И столько этих огней, что сомневаться не приходится: вот она, Мяунджа, электрическое сердце Колымы!

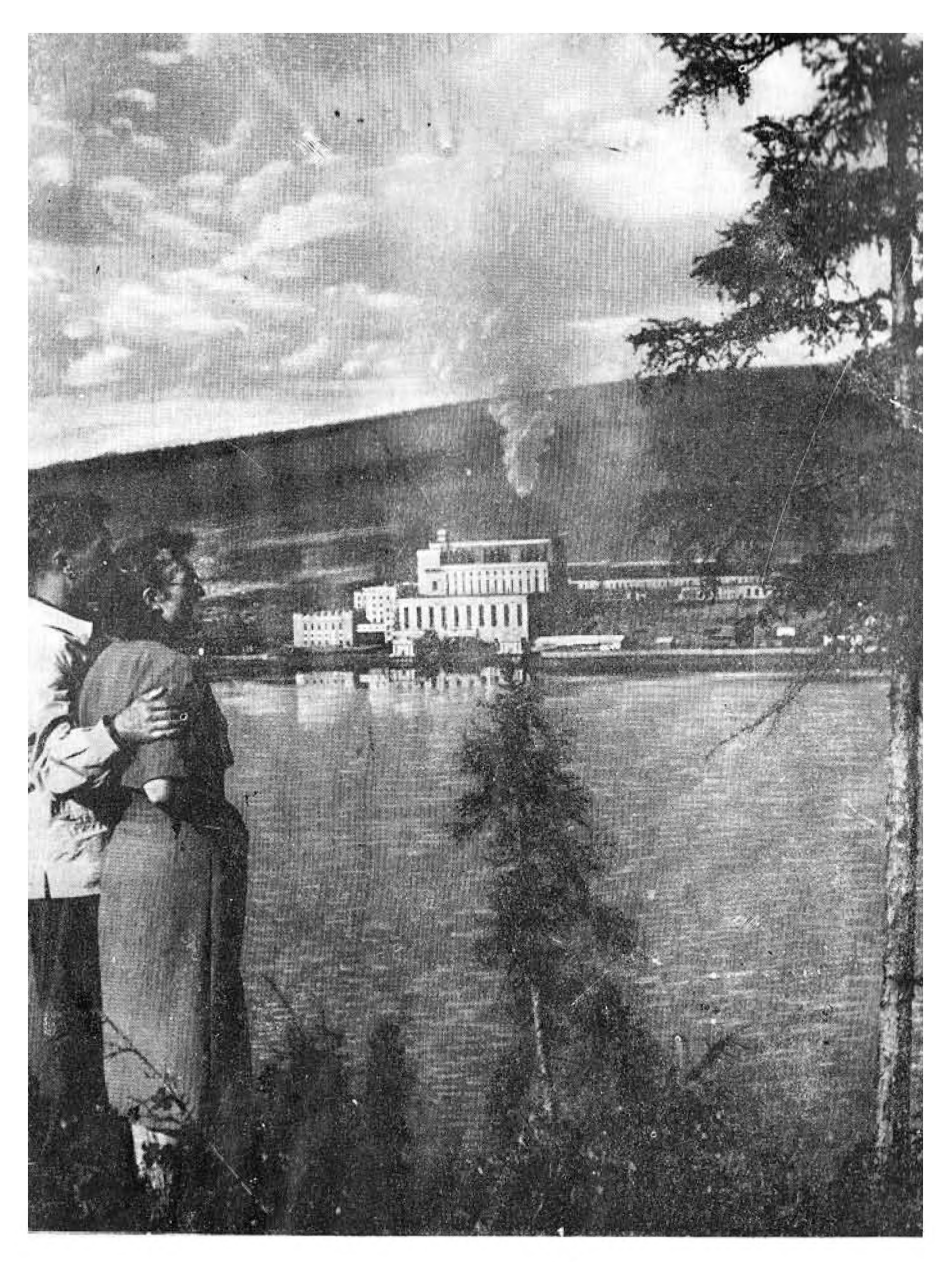
Как не сказать о Мяундже — город! Маленький, но город. И не даром же о председателе поселкового Совета Кухтинове здесь говорят: «Пусть мэр Мяунджи вам расскажет...»

Утром «мэр» Мяунджи гоняет по поселку на мотоцикле. Найти его не так-то просто. Но вот, наконец, я его догоняю, и он говорит о рождаемости. Кухтинов в ужасе. В прекрасном ужасе. Каждый месяц в городке родятся в среднем семнадцать детей.

Мой собеседник улыбается и сокрушается любовно:

— Дети нас заполонили! Сначала было у нас шестьдесят мест в детсаду, теперь триста сорок — все равно не хватает. Шестьсот детей на очереди. Надо строить детский комбинат!

И он рисует мне одну веселую картинку. В родильном лежала жена пожарника. Когда ее выписали, муж за ней приехал на пожарной машине. Смотрят люди, а в машине-то пятеро деток сидят, и все мальчишки! Муж объясняет: «Куда же я их дену? Пока мать в родильном, с собой вожу...» А мать-то еще двойню родила — опять сыновья! И доктор им сказала: «У вас не семья, а целая пожарная команда!»

АрГРЭС — энергетическая жемчужина Крайнего Севера.

На сенокосе в совхозе «Сусуман».

ВЫШЕ ПОДЫМЕМ КОРМОВУЮ БАЗУ!

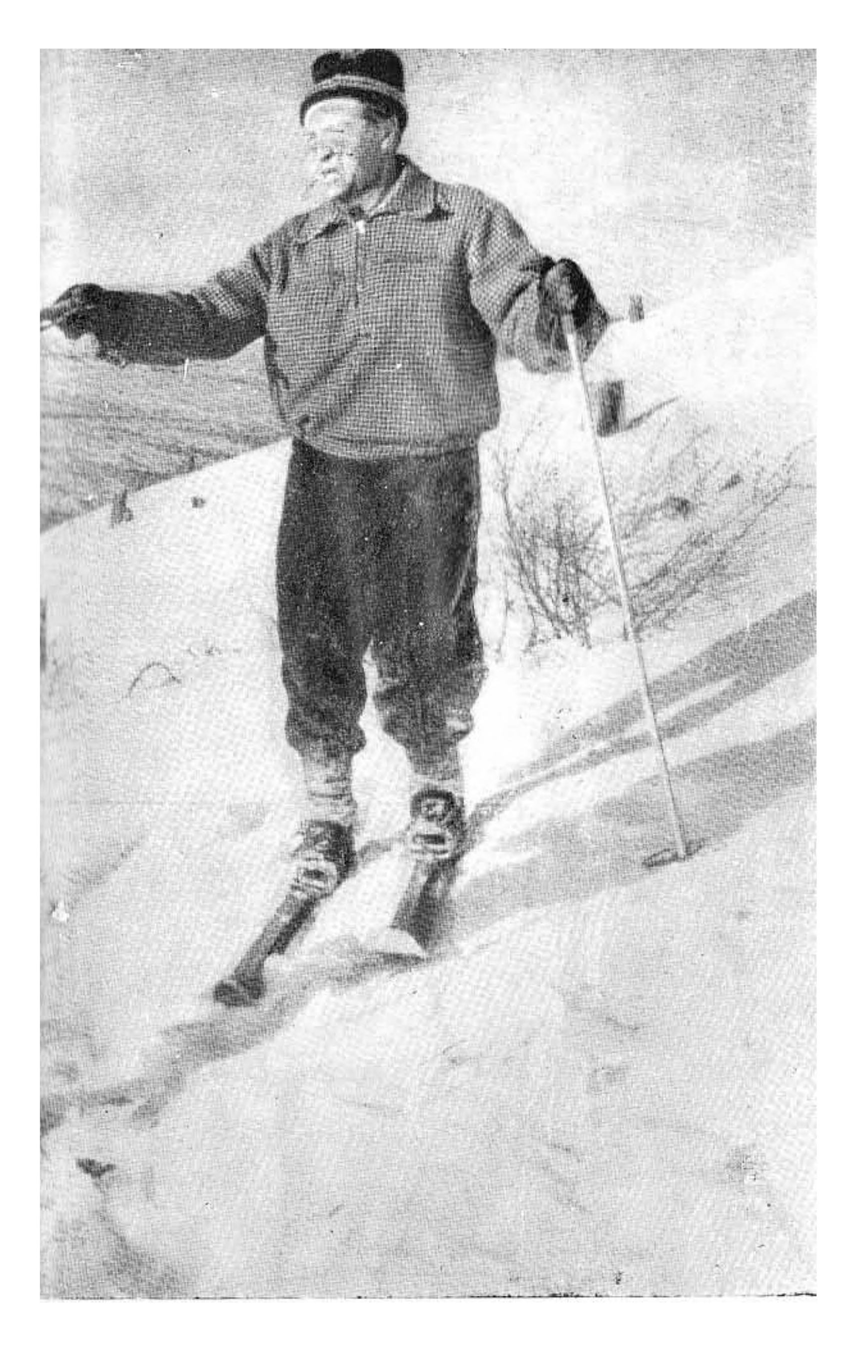
Тепличные помидоры Атки.

ОБЕСПЕЧИМ СВЕЖИМИ ОВОЩАМИ ГОРНЯКОВ И ШАХТЕРОВ!

Парниковые огурцы «Дукчи».

Чистый снег, как тетрадка в косую линейку:
Всюду робкие палочки детской лыжни.
Наши первые лыжи... попробуй, сумей-ка
Разгадать, что в дальнейшем напишут они!

Просыпаются смелые листья из почек...
Прочитай биографию маленьких лыж,
И увидится лыжный, уверенный почерк,
И рекордом обрадует этот малыш.

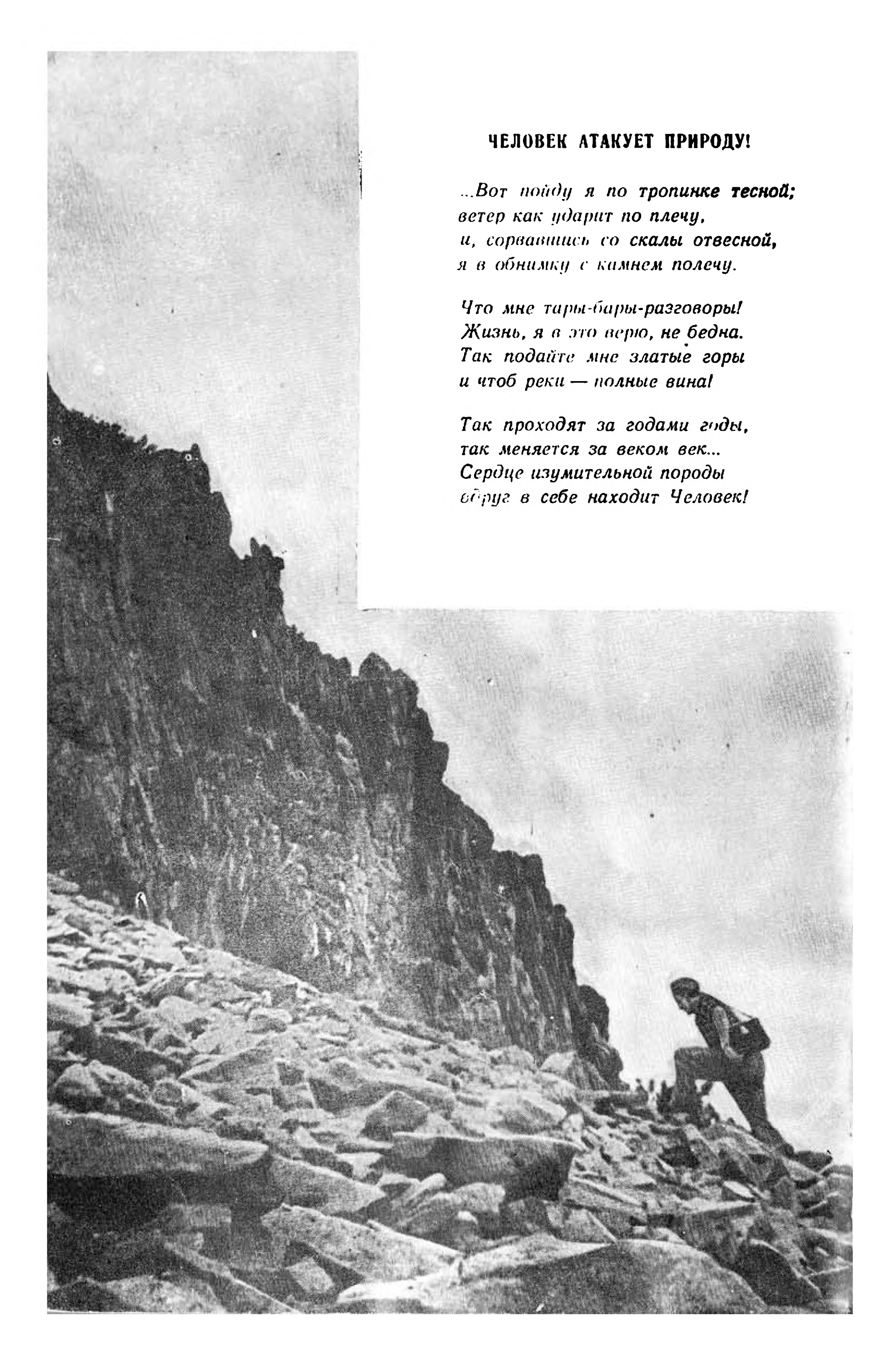

← *Сусуманский стадион, обсыпанный шлихами, и мерзлотные трубы Мяунджи — беговые дорожки преображенной Колымы.*

Беги, горячая юность, по вечной мерзлоте, по золоту!
Шумите на ветру, спортивные флаги рудников и приисков!

Молодое,
Молодое-молодое вышло племя!
Комсомольцы, нас зовут шестидесятые года.
Золотое,
Золотое-золотое это время
Наше,
И любовь — соратница труда...

(«Песня золотая»).

ЧЕЛОВЕК АТАКУЕТ ПРИРОДУ!

...Вот пойду я по тропинке тесной;
ветер как ударит по плечу,
и, сорвавшись со скалы отвесной,
я в обнимку с камнем полечу.

Что мне тары-бары-разговоры!
Жизнь, я в это верю, не бедна.
Так подайте мне златые горы
и чтоб реки — полные вина!

Так проходят за годами годы,
так меняется за веком век...
Сердце изумительной породы
вдруг в себе находит Человек!

Поселок Мяунджа расположен в долине ключа Тал-Юрях. Вокруг — красные сопки. Одна из них — самая высокая — Лысая. А рядом сопка Двух Братьев.

В поселке два детсада. Три общественные столовые. Хорошая баня, парикмахерские. Дом культуры. Средняя школа. Вечерняя школа. Это городок энергетиков. Мяунджа дает энергию всем приискам. При управлении Энергостроя два строительных участка. Один — в Мяундже, второй — в Аркагале. И есть контора производственных предприятий. Автобаза - сто сорок автомашин. Грузоперевозки. Строительство. Возят лес.

— Расскажите немного об истории рождения вашего городка, — прошу я «мэра» Мяунджи и вот что узнаю.

Мяунджу закладывали в 1950 году. Через четыре года уже было готово все, что сейчас есть. На месте станции корчевали пни. Станция на скале! Геологи выбрали. Скалу не берет мерзлота! А здесь вокруг поселка до подножия сопок рыли подковообразную нагорную канаву. Для осушения. По генеральному плану Мяунджа со временем так и уляжется среди сопок — подковкой.

Сначала строили временные, далее пошли постоянные сооружения. В Мяундже на многих молодых двухэтажных зданиях стоит цифра: 1954 год.

Раньше применялся ленточный фундамент. Но в районах вечной мерзлоты эта система себя не оправдала. Летом почва оттаивает, фундамент опускается, стены кособочатся. Недавно перешли на якутский способ возведения домов — на сваях. Цель — победить мерзлоту.

— И еще кое-что хочу вам сказать о наших трудностях. Вы, наверно, заметили, что молоком трасса обеспечена, — «мэр» городка победоносно подчеркнул. — Чувствуете? Молоко в магазинах здесь круглый год. Три рубля шестьдесят копеек. Но предприятиям литр молока обходится десять — пятнадцать рублей: дорог уход за коровами на подсобных хозяйствах.

— Выходит, молоко — «разоряет» предприятия...

Кухтинов нетерпеливо развел руками:

— Что поделаешь? Условия северные — надо о людях больше заботиться. Иначе нельзя... Ну мне пора идти. Могу на мотоцикле подвезти к общежитиям, хотите?

И непонятно, кто кого экскортировал: мотоцикл легковую машину или наоборот.

Около общежития № 2 мы расстались с Кухтиновым. Не прошло и трех минут, как я познакомился и разговорился с недавним москвичом Глебом Набоковым.

На подоконнике стояли спортивные кубки, в коридорах валялись гантели: слесарь АрГРЭС Глеб Набоков только что упражнялся.

Глеб чертовски обрадовался. Земляк! Он скучал о Москве, впрочем, как и все москвичи, не отвыкшие еще от столичной жизни. Спрашивая о ней, он не говорил: «Ну, как там Москва?» Он вздыхал по-родному, по-домашнему: «Ну, как там у нас?»

Но не успел я выложить ему и сотой доли московских новостей, как он заерзал, и (Глеб, как видно, не любит дипломатии) я узнал следующее: сегодня вечером («необычайно интересно!») Глеб зван на «чашку чая» в общежитие № 7, к девушкам. Они празднуют первое в своей жизни собственноручно сваренное («И ягоды сами собирали!») варенье.

— Пойдемте! — просил Глеб. — А про Москву потом доскажете. Там тоже москвичка есть!

Вечером мы шли по смуглой Мяундже, освещенной собственными щедрыми огнями. Вытянулись одинаковые двухэтажные дома, все светлые, все молодые. Глеб торопился: ему надо было еще «кое-что закупить».

— Но извините, вы сказали, что идем на варенье.

— Так одно другому не мешает...

Двухэтажный желто-розовый домик. Общежитие № 7. Отдельная двухкомнатная квартира с кухней, ванной — всегда горячая вода. В квартире живут семь девушек. В большой комнате — пять кроватей.

Где бы ни находились девичьи общежития — на московской Стромынке или на далекой колымской земле, — кем бы ни были их обитательницы — студентками университета или работницами уникальной (это я уже знал!) гидроплотины — все равно: когда стукнешь в дверь, раздается веселый, торопливый говор каблучков и та, что не успела одеться, кричит:

— Мужчинам — так абсолютно нельзя!

И ты стоишь у двери, покорно ждешь, а когда получаешь разрешение войти — невольно жмуришь глаза от ослепительного сверкания накидок на кокетливо стоящих бочком подушках. На строгих стандартных тумбоч-

ках («низ мой, верх — подружкин!») белеют салфетки. И улыбки гостеприимных хозяек тоже кажутся белоснежными.

Стол уже уставлен тем разнообразием посуды, какое бывает только в общежитиях. И у стола толпится столько народу, что яблоку негде упасть... Однако никто не унывает, все талантливо уплотняются: сколько людей ни придет, всех непременно подсадят к столу!.. Да, не возражайте, в общежитиях комнаты резиновые...

Так было и тут. Много народу, шума и хохота. Отчего здесь смеялись — никто не мог объяснить, да никто этим и не интересовался. Просто смеялись — и все тут!

Я был на общежитейских именинах, когда после стипендии празднуют день рождения все родившиеся в этом месяце. Я видел студенческие свадьбы в общежитии. Новогодние вечера. И самые веселые праздники студентов — праздники в честь сдачи последнего экзамена. Но праздник первого собственного варенья я видел впервые. Стол действительно ломился! Варенье хозяйки разрешали есть только столовыми ложками.

— Никаких розеток, по полной тарелке! — кричала круглолицая, светлокосая девушка в белом платье с крупными синими горошками.

И как две самые синие горошины, убежавшие с этого веселого платья, были круглые, лукавые девушкины глаза.

Она подбежала к нам, заговорила обо всем сразу и ни о чем, как всегда говорят хозяева, встречая гостей у входа.

— Вы с дороги? Хотите умыться? У нас вода горячая! Девочки, два места создать!

Пока я умывался, а девочки «создавали» два места, Лида Иодитя, загораживая вафельным полотенцем от моих брызг свое горошковое платье, рассказывала о себе и о своих подругах.

Я спросил у Лиды, кто это придумал — праздник первого варенья?

— Да никто не придумывал, все вместе решили! А что, разве не весело? А получилось это так. В прошлое воскресенье массовка была. Устраивал профсоюз. Чуть ли не весь поселок — тринадцать машин пошло! За

семьдесят километров отправились на четвертое прорабство. Это — в сторону Адыгалаха. Речка там такая красивая, ветками, ветками отходит. А сопка — в десять километров высотой. Мы на нее лазили, все поцарапались! Ягоды там — малина и смородина. Спускались по каменистым порожкам, — ухватишься за дерево и висишь. Набрали полные ведра смородины. Посмотришь — вроде и нет ягоды: она как-то на камнях лежит, а поднимешь ветку, там — как бусы! Так и собираешь гроздочками. Ездили и не устали. Весело было: буфет, оркестр. Ребята даже купались. Приехали — сразу на танцы!.. Словом, время есть где провести...

Лида занимается в танцевальном кружке. Ее подружка Надя Ермолова — в вокальном. В комнате у них приемник-радиола. Пластинки девушки покупают по очереди — что кому нравится! А еще Надя Ермолова недавно две китайские кофточки купила: красную в белую крапинку и желтую ажурную. Лида шьет себе сама. И обе — учатся. Надя Ермолова сдала экзамены в Магаданский горногеологический техникум на заочное отделение. Дома работала бухгалтером, в расчетной части, это же скучно. А теперь геологом будет.

Москвичка Надя Ермолова — с темными, чуть навыкате глазами, в розовой кофточке (две китайские, видно, берегутся!) — говорит:

— А вообще тут прекрасно! Мне тетушка из Москвы пишет: «Есть ли у вас там баня?» Так я ей ответила, что у меня с Лидой такая комната да ванна — ей там и не снилась! — И мечтательно добавила: — Техникум окончу, специальность будет! И это ведь уже совсем скоро — знаете, как время незаметно идет?..

Знаю, Надя, и с нежной грустью вспоминаю годы своего студенческого общежития...

Наше мужество старше становится на год,
далеко нас уводят пути,
и, бывает, они так извилисто лягут,
что не каждому к счастью дойти.
Но ты вынесешь самый неласковый климат,
если друг настоящий с тобой,
и моя Колыма с уважением примет
твой огонь и порыв молодой.

Пребывание в Мяундже лишний раз убедило меня, что цвет жизни таков, какими глазами мы на нее смотрим. Вот послушайте, какие контрастные точки зрения.

Ночевал я у Глеба. Его комната в общежитии такая же, как у девушек. Утром он спросил:

— Вы живы?

— Наполовину.

— Почему?

— Задавлен удобствами!..

— Пошли завтракать к моему товарищу. — И Глеб повел меня на окраину поселка в старенький барачного типа дом. Товарища дома не было: он не пришел еще с ночной смены. Принимала нас его жена, милая, уютная женщина. Она-то и предложила нам откушать крепкого колымского чаю.

Я приметил у нее на окне банки с грибами и спросил:

— Вы что делаете с ними?

Спросил в смысле — солите или маринуете. А она отвечает:

— Мы их поливаем постным маслом и едим!

Она это не только сказала, но уже и сделала — поставила полную тарелку грибочков и полила их золотистым маслом. Затем положила две синие луковицы, как яблоки. Не успели моргнуть — на столе красная икра, масло, хлеб — все как дома.

А квартирка — куцая и без удобств. Маленькая комнатка, которая служит супругам одновременно и столовой, и кухней, и кабинетом. А во второй комнатушке, такой крохотной, что кровать занимает сорок процентов площади, у них спальня. Висит «коврик»: что-то вроде мешковины, отделанной сатином.

— Мы живем очень хорошо, — говорит наша добрая хозяйка. — Вообще у меня теперь есть все, что может желать женщина... А квартиру получим, не в этом счастье!

В этот же день мне довелось побывать и у одного местного старожила. Его жена говорила:

— Я ехала сюда из Львова пятнадцать тысяч километров, и пятнадцать тысяч километров я плакала.

В ее прекрасной двухкомнатной квартире широко-широко разрослась огромная бегония. Фикусы до потолка, а на подоконнике дивные, словно восковые, белеют цикламены.

На окнах цветут еще и высокие канны с огромными листьями. И, конечно, «бабьи сплетни» — нигде они не плетутся так густо и мощно, как на Колыме. И ковры — масса ковров!

В этой ковровой квартире что-то мне не по себе. И душно от этих ковров. И вспоминаю я милую комнатку-крохотулю, куда приводил меня утром Глеб. И думаю я о жене местного старожила с ее вздохами: «У нас негде жить, у нас ничего нет». И слова другой: «У меня есть все, что может желать женщина».

По дороге в Оймякон, у самых истоков Хандыгской трассы, я был ошеломлен одной малоизвестной в нашей стране электростанцией. Называют ее Аркагалинская ГРЭС, или коротко АрГРЭС. Представьте себе летний пейзаж: солнце, на сопках цветы и ягоды, а на плотине, около шумного красавца водопада, трубы, покрытые нетающим снегом. Такая картина бывает здесь летом. Работники мерзлотной лаборатории поясняют:

— Наша станция выстроена в зоне вечной мерзлоты; летнее солнце угрожает плотине, вот мы и поддерживаем искусственный холод...

«Мороз и солнце, день чудесный!» — Эта пушкинская строка могла бы прозвучать эпиграфом к нашему путешествию в Оймякон. Вспомнились парники на фоне ледяной кромки и выпавший снег, задремавший на вершинах сопок, в то время, как солнечной метелкой подметается желтая Колымская трасса...

Я смотрю на речку Мяунджу. Она перегорожена. Вернее, мы уже видим не речку, а огромное незамерзающее озеро, куда электростанция сбрасывает теплую воду, Около плотины стоит небольшой вокзального типа домик. Это мерзлотная станция. Одна часть ее бетонная, другая — земляная. Насыпную часть всегда морозят, даже зимой. Искусственно поддерживается мерзлота в тех слоях почвы, которые оттаивают за лето. Эта плотина — первое в мире сооружение с морозильной установкой. Несколько позже такую вторую плотину поставили в суровом Норильске.

Спрашиваю у начальника энергоуправления Шаповалова:

— Почему вода такая темная?

— Да тут, несколько повыше, есть прииск «Первомай-

ский». Двенадцать промприборов! Они-то нам и мутят воду. У нас на станции говорят: «Надо поставить фильтры, может быть там золото будем улавливать?». Ну, это уж, конечно, шутка... А вообще-то надо знать, в каких условиях наши люди строили все это! Помню, начальник конторы Самохвалов ездил смотреть лесные массивы. Возвращался один. Попал в наледь, промочил валенки, шел километров пять и упал, не дойдя до поселка. Людей к нему привела собака. Далее — больница и ампутация левой стопы... Сейчас он в Ленинграде. Мне хочется, чтобы вы меня правильно поняли. А то приезжают к нам товарищи из министерства все летом, толкуют насчет надбавок и говорят: «У вас, как на материке: купаетесь, помидоры кушаете — за что вам такие деньги платят?» А вот зимой никто к нам не приедет! Вот и вы — летом.

У Шаповалова две дочки учатся в школе. Старшая хочет ехать в медицинский институт. Я спрашиваю:

— А после института куда?

И несмотря на все, о чем он только что мне говорил, Шаповалов заметил:

— Я сам работаю на Колыме двадцать лет. Вероятно, и дочери это же посоветую...

С момента пуска станции Борис Иванович Пряхин работает начальником котельного цеха. «Мы первый факел зажгли!» (то есть первое пламя под котлом). «Люди не верили — как это станция будет на угле работать?».

Сам Борис Иванович — большой, спина широченная, брови как щетки, лицо кажется суровым. Но вот прошла мимо нас тоненькая девчушка и сказала грозно: «Здравствуйте, Борис Иванович!» И он, ласково, поняв шутку, в ответ прорычал: «Здр-р-ав-ствуй!» И видно было, что это хороший и добрый человек.

Борис Иванович сообщил мне, что недавно АрГРЭС получила переходящее знамя совнархоза и вторую денежную премию — семьдесят одну тысячу рублей. После обеда будут вручать знамя коллективу лучшего цеха — котельщикам.

И начальник этого цеха Борис Иванович Пряхин переживает сегодня три события: вручение знамени, недо-

стойный поступок Валентина Судакова и проводы в армию помощника машиниста котла Коли Калитина.

Борис Иванович:

— Дай бог, все были бы такие, как Коля. А то недавно приехал к нам Валентин Судаков, поработал неделю, натер глаза мылом и пошел в больницу брать бюллетень на три дня. А у нас — людей впритык. Вот и мучаемся. Да, в краснознаменном цехе такая дрянь! И что обиднее всего — москвич. Оба москвичи, а какая дистанция! За такое дело гнать надо... Зла не хватает!

А вот Колю Калитина Борису Ивановичу и отпускать не хочется. Он так его хвалит! Коля стоит тут же и краснеет от похвал. Голова у него уже бритая, поэтому большие, нескладные мальчишечьи уши торчат в стороны, как и уголки широкого отложного воротника белой рубахи. Коля приехал сюда с московской Красной Пресни два года назад. Уже здесь он окончил десятилетку и курсы токарей, работал на автобазе, потом в котельном и при этом успевал заседать в цеховом комитете комсомола, играть на трубе и защищать спортивную честь цеха на волейбольной площадке.

Я рассказал Пряхину, как на «Ударнике» одна девушка плакала, собирала вещи, а когда я спросил, почему она решила уехать, ответила: «Нам совсем не так обещали». Что там произошло, в двух словах не скажешь, но суть в приукраске, когда посулят «златые горы», а потом разочаруют.

Именно здесь, в Сусуманском районе, после посещения «Ударника» я связался по телефону с секретарем обкома комсомола, и мы вели «нетелефонный» разговор. Я попросил его вмешаться в одно дело...

— Ноют? Они сами виноваты. Приехали на все готовое, а что сделали, вам известно...

Он имел в виду драку на прииске. В общежитии новоселов сломали мебель, испортили стены. Как все-таки у нас несколько хулиганов умеют взбаламутить все и вся. Было два—три случая. Но этого, оказывается, достаточно, чтобы обвинять всех и составить о новых обитателях поселка самое худшее мнение...

Когда я закончил свой рассказ, Борис Иванович нахмурился:

— Вопрос нелегкий. Вот Калитин и Судаков — оба

москвичи. Но у каждого из них свой характер, свой взгляд на жизнь, с этим приходится считаться. Взгляды зачастую надо изменять, а это почти всегда трудное и, главное, кропотливое дело...

И мы с Борисом Ивановичем говорили о том, что обкому комсомола не мешало бы устраивать почетные встречи не только молодежи, приехавшей по комсомольским путевкам, но и так называемым «договорникам».

Потом он снова возвращается к цеху.

— Ведь наш цех самый трудный, самый ответственный и работа самая тяжелая. Продукция такая: не положишь ее на склад. Значит, чем меньше аварий, тем больше электроэнергии. В моем цехе за четыре года было только две аварии. И вот сегодня, с этим самым Судаковым — третья... И это в краснознаменном! Обидно, просто ЧП...

Думаю, что Борис Иванович сам не подозревал, до чего здорово он высказался. Да, плохой человек, нерадивый работник — это авария; и пока не поздно, не то, что мылом, щелочью надо промывать глаза бессовестным эгоистам, которые плюют на общее дело и дальше своей личной выгоды ничего не видят.

Пять дней провел я в этом кипучем, мыслящем, благоустроенном городке, о котором хочется сказать: разгораются огни Мяунджи, нелегкие, но прекрасные путеводные звездочки сегодняшней Колымы.

Ты спрашиваешь:
— Что такое радость?
А радость — это Север, если ты
Вдруг ощутил семидесятый градус
Полярной и душевной широты.

Отсюда нам видна, как верхолазам,
Победа ягоднинской целины,
Якутия,
Сверкнувшая алмазом,
Слезинкой счастья на глазах страны.

И Колыма,
Где люди молодые
На приисках сердечной красоты

Находят самородки золотые
Большой любви и действенной мечты.

Так, значит, радость —
(Это без сомнений)
Тот мир, где получаешь ты в удел
Алмазный фонд высоких отношений
И золотое дно любимых дел.

Товарищи!
Внимательней взгляните
На торжество народного добра:
Вплетает Север
Сказочные нити
В узоры всесоюзного ковра!

Надоели мне гостиницы и чужие квартиры, и решил я устроить себе ночлег над речушкой Кадыкчан, в одноименном шахтерском поселке, где, кстати, живет контролер вентиляторов Василий Васильевич Булатов, с которым познакомился я на смотре художественной самодеятельности в Сусумане. Он-то как раз и помог мне развести на небольшой полянке среди кустарников хороший костер. Вместе мы притащили разбитый борт от какой-то автомашины, и теперь оставалось только помахивать топором да подбрасывать в огонь полешки...

И вот уже пятый день, перед тем как заступить на смену, приходит к моему костру Василий Васильевич и, не умолкая, не останавливаясь, не позволяя себя перебивать, рассказывает интереснейшие вещи. И нет, не сказки. Жизнь... При этом время от времени он вынимает запеленутую в синее сукно балалайку и наигрывает те мотивы, которые, по его мнению, способны раскрыть настроения его раздумий.

О чем бы очень интересном или неожиданном ни говорил Василий Васильевич, стоит только ахнуть — он тут же отзовется:

— Нет, это что! Я еще самое главное не рассказал!

И, действительно, продолжает дальше, и все у него необычайно и потрясающе, но опять-таки самое главное — впереди! Я вспомнил, как проникновенно исполнял он в Сусумане «Чардаш» Монти.

— Расскажите, Василий Васильевич, о балалайке, — попросил я, — как это вы с ней подружились?..

— Чтобы вы правильно меня поняли, я хочу сыграть вам «Амурские волны», это изумительное произведение, которое я не позволил бы себе оскорбить, если бы держал в руках плохой, бездушно сделанный инструмент. Учтите, я веду речь о будущем...

И над быстрой речушкой, над кадыкчанским костром, над шахтерским поселком то величаво, то страстно брызнули и покатились «Амурские волны».

И как это не раз уже было, Василий Васильевич неожиданно оборвал мелодию и сказал:

— Теперь вы поняли, какой это инструмент! Хотите, расскажу историю, как я приобрел эту чудесную девятую балалайку?

— Почему девятую?

— А вот послушайте...

И он стал рассказывать о своих путешествиях по магазинам Колымской трассы в поисках «настоящего инструмента». Василий Васильевич страшно огорчился. То, что ему предлагали, как он сказал «эти ширпотребовские гробы», ничего общего не имело с понятием «настоящий инструмент»: ни звука, ни вида.

В одном магазине Василий Васильевич забраковал одну за другой восемь балалаек. И вдруг... Вы себе не представляете, как он обрадовался! Цена та же самая, но с каким изяществом выполнен этот народный инструмент! И какой звук!

— Просто изумительный!

Василий Васильевич купил девятую балалайку и теперь, когда ему приходится выступать на сцене, он рассказывает не только о том, как родился струнный оркестр Осипова и как приветствовал его Лев Толстой, но и об этой девятой балалайке.

— Да! Я говорю молодежи: посмотрите на этот инструмент. Эта ширпотребовская балалайка, дитя какой-то артели, великолепно сделана! Как видно, мастер потратил на работу немало времени. За этот срок он мог бы выполнить не одну, а, может быть, три балалайки, но он уважал музыканта, он не мог работать плохо, потому что знал: кто-то будет играть...

— Но не кажется ли вам, что если ваш домысел исти-

на, то уважаемый мастер не выполнил норму и заработал в три раза меньше: ведь его труд сдельный.

— Ах, при чем тут «заработал»! — воскликнул Василий Васильевич. — В том-то и дело, что (я в этом уверен) мастер был так захвачен работой, что уже о заработке не думал. Он творил! Вы только вдумайтесь: незнакомый мне человек, изумительный художник дерева и звука, думал обо мне, не зная меня. И теперь я думаю о нем. И не только играть, но и все мне хочется делать так, словно это лично для него и поэтому не может быть плохим... Поверите ли, до крови я раздирал пальцы, добиваясь музыкальной выразительности. Ведь я не имел права играть худо на таком инструменте!

Видели бы вы, с какой любовью Василий Васильевич пеленал в синее сукно свою Девятую балалайку.

Я сказал Василию Васильевичу, что ему следовало бы работать художественным руководителем в клубе, а не вентиляторщиком на шахте. Но Василий Васильевич не согласился:

— Это не обязательно... Моя деятельность не связана со временем, я работаю на свежем воздухе, брожу по сопкам, в моем распоряжении восемь вентиляторов, которые мне отдают честь, когда я прохожу мимо!

О работе художественного руководителя я заговорил потому, что Василий Васильевич не только солист самодеятельности, но и активный клубный общественник. Некоторое время он носился с идеей создания на кадыкчанской сцене театра теней. Василий Васильевич разработал даже новую теорию на этот счет. Он показал, как, например, чтение стихов можно иллюстрировать выразительными жестами рук, преувеличенная тень от которых на киноэкране создает, как любит говорить Василий Васильевич, изумительное впечатление. Но его не поддержали, и теперь нет и тени надежды на то, что мы когда-нибудь увидим кадыкчанский театр теней.

Есть у Василия Васильевича записная книжка под названием «Цветы без запаха». Как я его ни просил, он не захотел показывать свои записки. Я только мог догадываться, что, по-видимому, некоторые его устные рассказы находят себе пристанище в его «Цветах без запаха».

Подул ветерок, костер зажужжал и перекликнулся с

огненным шумом недалекой сопки. Золотой рыбкой подлетел к Василию Васильевичу узкий, длинный листочек, прильнул к плечу, задержался на мгновение и, казалось, прошептал: «Чего тебе надобно, старче?».

— Кто не побывал здесь, тот не может быть настоящим художником, даже если он от бога очень талантлив: он не видел самых чистых, самых ясных красок, какие только бывают в природе... — и, подумав, Василий Васильевич добавил: — Эти краски вы, наверно, встречали и в сердцах многих колымчан.

Вот так, за беседой мы с Василием Васильевичем сварили суп из вермишели и сладкой китайской тушенки. Тушенка скорей походила не на свинину, а на гусятину. Мой необычайный гость ел и божился, что ничего более вкусного он в жизни не едал. Чай он заваривал сам — крепкий. Выстругал мне что-то среднее между поварешкой и лопаткой: надо было помешать в котелке. Суп припахивал дымом. В нем плавали уголечки, любопытные, глазастые сорванцы нашего костра. Спасибо тебе, Колымушка-матушка, за этот огонь, за грубую и счастливую походную пищу. И кто бы ты ни был, прохожий человек, садись с нами, отведай нашего варева...

Костер всех к себе притягивает. Днем около него толкутся ребятишки, а вечером, когда остатки комарья и заботливые мамаши загоняют детвору по домам, ко мне приходит Василий Васильевич. А вчера явились комсомольцы и сказали:

— Если не возражаете, мы проведем заседание комитета у вашего костра.

Молодые шахтеры, среди которых был член пленума обкома комсомола бригадир проходчиков Михаил Голов, обсуждали при мне свои насущные дела. Потом под жгучий шелест разгорающегося огня комитетчики долго решали, давать ли рекомендацию в партию одному своему товарищу или пока воздержаться. Пусть, мол, наладит сначала работу в своей первичной комсомольской организации на «Девятой».

И, наконец, сегодняшний случай. Доламывая разбитый борт от старой автомашины, я и не заметил, как приблизилась сюда целая компания... И вот сейчас, когда пишутся эти строки, вокруг костра сидят молодые шахтеры и поют... Это ребята с «Девятой». Они провожают в от-

пуск своего товарища. Они уже чуть-чуть выпили и ведут меж собой «ласковый» разговор, когда сладкие и немного соленые слова играют в чехарду. Ребята стараются быть сдержанными. «Слышь, Петь, кончай, Петь!», — то и дело увещевает один другого, и все уговаривают меня выпить, наливая из пятилитрового бидона полнешенький стакан красного вина.

— Товарищ путешественник! Шлепните немножко за мою дорогу! — говорит отпускник.

Как было не «шлепнуть»? Томительно вздыхал великолепный аккордеон (старался один москвич и очень неплохо), мы пели дружно и не слишком красиво, однако каждому казалось — поем здорово. И когда послышалось: «Спят курганы темные», кто-то из ребят сказал:

— Хорошая песня! Наша.

Да, сидят в колымской тайге мальчики, выросшие на Красной Пресне или на Заставе Ильича, и говорят про шахтерскую, донбасскую песню: «Наша». Я не знаю, как это осмыслить и обобщить. Но это так хорошо и так волнует, что мне хочется не обобщать, а просто петь.

И, конечно, перед тем как заступить в ночную смену пришел на часок милый мой Василий Васильевич Булатов и, глядя на подвыпивших ребят, огорчился. Он с презрением посмотрел на аккордеон и сказал:

— Нет, молодые люди, что вы там ни говорите, а балалайка вам куда больше к лицу... Как сейчас помню, в тысяча девятьсот двадцать девятом году...

И пошло!.. Ребята ушли, и Василий Васильевич, поглядывая на часы, полностью завладел моим вниманием. Мы снова раздули погасший было костер, и вскоре подросло такое высокое пламя, что в быстрой кадыкчанской воде оно отразилось как символ чьей-то яркой и трепетной души. Этот памятный костер был откровенен так же, как и наша беседа с ее жгучими, чистыми искорками, которые никогда не погаснут в моем сердце.

В конце августа выпал снег — крупные белые хлопья.

Еще вчера туман воевал с неярким солнцем, а вот сейчас густой снег побеждает вчерашний осенний день.

Новый Кадыкчан — поселок шахтеров-угольщиков. Улица. Вытянулись в ряд стандартные розовенькие домики со стеклянными верандами. По дороге ходит краснобокий автобус и взвиваются вихрики снежной пыли.

Снег! И не какие-нибудь белые проблески на крышах да в канавках, а настоящий, белый и пушистый, лежит повсюду. Не видно ни травы, ни земли. Поникли под белой тяжестью тонкие веточки не успевших даже пожелтеть лиственничек. Сопок как не бывало — так низко нахлобучилось сегодня над Кадыкчаном серое, сырое, тяжелое небо. Снег шел всю ночь. И вот уже скоро пять часов вечера, и Москва по радио говорит:

— В девять часов материалы из газеты «Правда»...

А упорный крупный снег летит и летит!

Я получил разрешение спуститься в шахту № 10, и вот уже Юра Шустов, инженер по качеству угля, помогает мне укрепить на поясе прямоугольный аккумулятор, а на ушанке у меня появляется круглая, как яблоко, шахтерская электролампа. И еще оснащают меня каким-то агрегатом в составе кислородной коробки и резиновой полумаски, что-то вроде противогаза на случай, если в забое неожиланно потянет газом.

Долго спускались мы по лестнице вниз, потом попали в огромные коридоры, освещенные электрическими лампочками. От коридоров по обе стороны уходили куда-то вверх узкие пролазы. Когда Юра сказал, что по этим кротовым норам можно выйти на поверхность, я попросил его стать моим провожатым.

— Меня предупредили, чтобы я вас туда не водил. Это опасно, — сообщил Юра, но как раз опасность и разжигала мое любопытство. После длительных уговоров Юра согласился.

Мы стали карабкаться по вертикальным лестничкам вверх. Обледенелые ступеньки каждый раз вели на небольшие площадки, от которых в свою очередь уходили в глубину низкие штреки. Площадки вскоре кончились, и мы попали в так называемый аварийный лаз, до того узкий, что порой приходилось буквально протискиваться, обламывая породу. Юра не на шутку испугался за меня. Он даже решил возвращаться назад, но теперь, когда мы прошли уже более полпути, не было смысла нырять в глубокие «норы», так как чем выше, тем шире становились проходы. Юра давно здесь не был. Он не подозревал, что этот запасной аварийный лаз в таком запущенном состоянии. Иногда ледяные дощатые ступеньки хрустели под нашими ногами. В двух—трех местах зияли

пустоты, и тогда я подсаживал Юру, а потом он протягивал мне ногу и тащил к себе. Но вот мы вышли — совершенно черные, потные, запыхавшиеся — и очутились на высокой горе, откуда хорошо был виден шахтерский поселок Кадыкчан, копры и вереница МАЗов...

— Ничего себе техника безопасности! — сказал я, и почувствовал себя инспектором, который немедленно должен заявить об этом начальнику шахтоуправления.

Утром вершины сопок были серебряно-седыми. За ночь стало до того холодно, что хрупкий иней как бы окостенел и вспыхнул звездочками. Очень красиво: огромные остроконечные валуны, серо-зеленые и ржаво-красные внизу, казалось, обросли по вершинам серебристым кружевом снежного ягеля.

Днем вся красота растаяла. Но в Кадыкчан вернулся из Сусумана начальник шахтоуправления Азриэль и сказал: «На Морджоте лежит снег. А первый осенний снег на Морджоте никогда не тает. Вот уже и началась колымская зима!».

Всю ночь под окном буксовала машина с цистерной воды — так и не выбралась. Утром опять было туманно и сыро, но снег перестал идти, и Василий Васильевич сказал:

— Если снега не будет, то, может, распогодится.

И вот сейчас одиннадцать часов утра — распогодилось!

Откуда-то вынырнуло синее ясное небо, тихо ушли остатки серых туманов, и появилась новая колымская красота — заснеженные сопки.

Моя машина вся покрылась морозными разводами, а на стеклах — звездочки и узоры от инея. Лужи — под тонким лапчатым льдом. Первое сентября. Дети идут в школу.

Белые склоны сопок, исчерканные косыми палочками сухих лиственниц, показались мне тетрадкой первоклассника, который старательно вырисовывает сегодня на белоснежной странице свои первые, косые, сучковатые линии, похожие на лиственницы.

А небо такое ясное и ярко-голубое! Теперь и я уже почти верю: этот снег — пробный, он, конечно, растает, и Колыма еще покажет свою волшебную осень, о которой нам столько говорили.

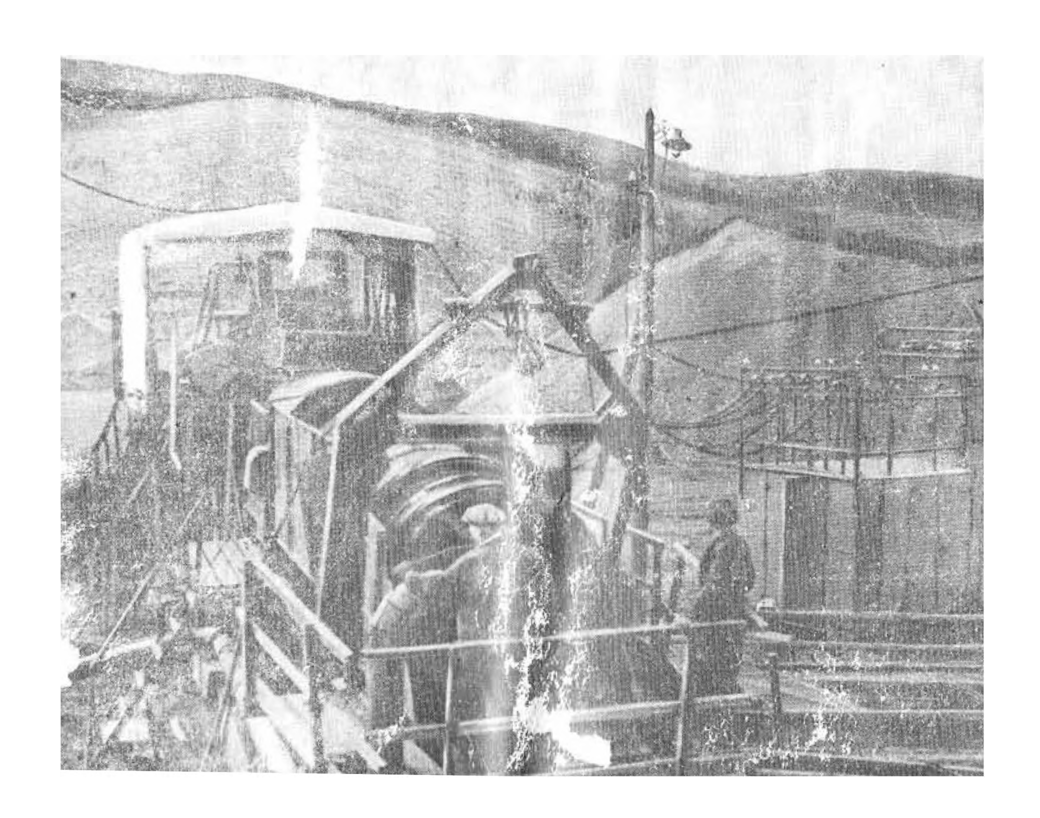
Золотая гвардия семилетки. Золотая молодежь.
Самое дорогое золото в мире — золотые советские люди.

Товарищ мой, соратник молодой,
Мне дорог твой упрямый взгляд.
Среди тайги послышались шаги,
Шаги коммунистических бригад.

И наш успех, и наше торжество
Не запорошит вьюжная зима.
Один за всех и все за одного, —
Да здравствует родная Колыма!

(«Песня золотая». *Припев*)

В то время как среди сопок осень бьет в грохочущий бубен промприбора или звенят колокола галечных отвалов, или слышится мелодия четырехструнной канатно-подвесной дороги, под землей, на рудниках Теньки или на шахтах Колымбасса, горняки складывают песенные строки своих штреков и делают это они с огоньком в прямом и в переносном смысле...

Человек — профессия такая.
Надо бы учиться мастерству.
С удивленьем жить не привыкая,
стать чудесной сказкой наяву.

Сын и зодчий нынешнего века,
должен он все время быть в борьбе:
то, что недостойно человека,
первым делом побеждать в себе.

Не имеешь права быть нечестным
и всегда кивать на бытие,
быть скупым, расчетливым и черствым
и позорить званье свое.

Надо бы учить на Человека,
чтобы в нашей жизни, как в бою,
был он Человек, а не калека,
уважал профессию свою,

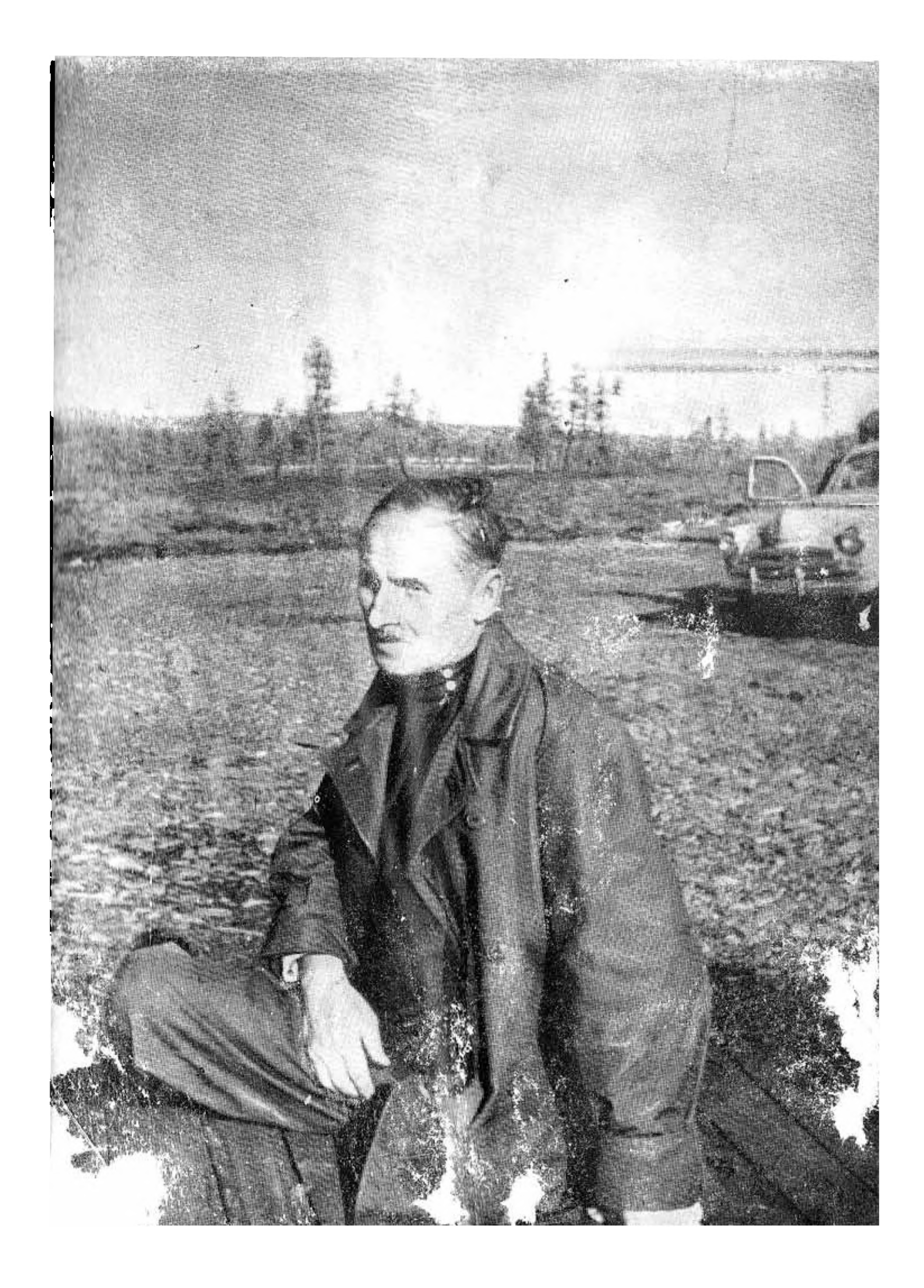
снегом умывался по рассвете,
понимал бы колос и металл,
мастерски шагал бы по планете
и собою землю украшал!

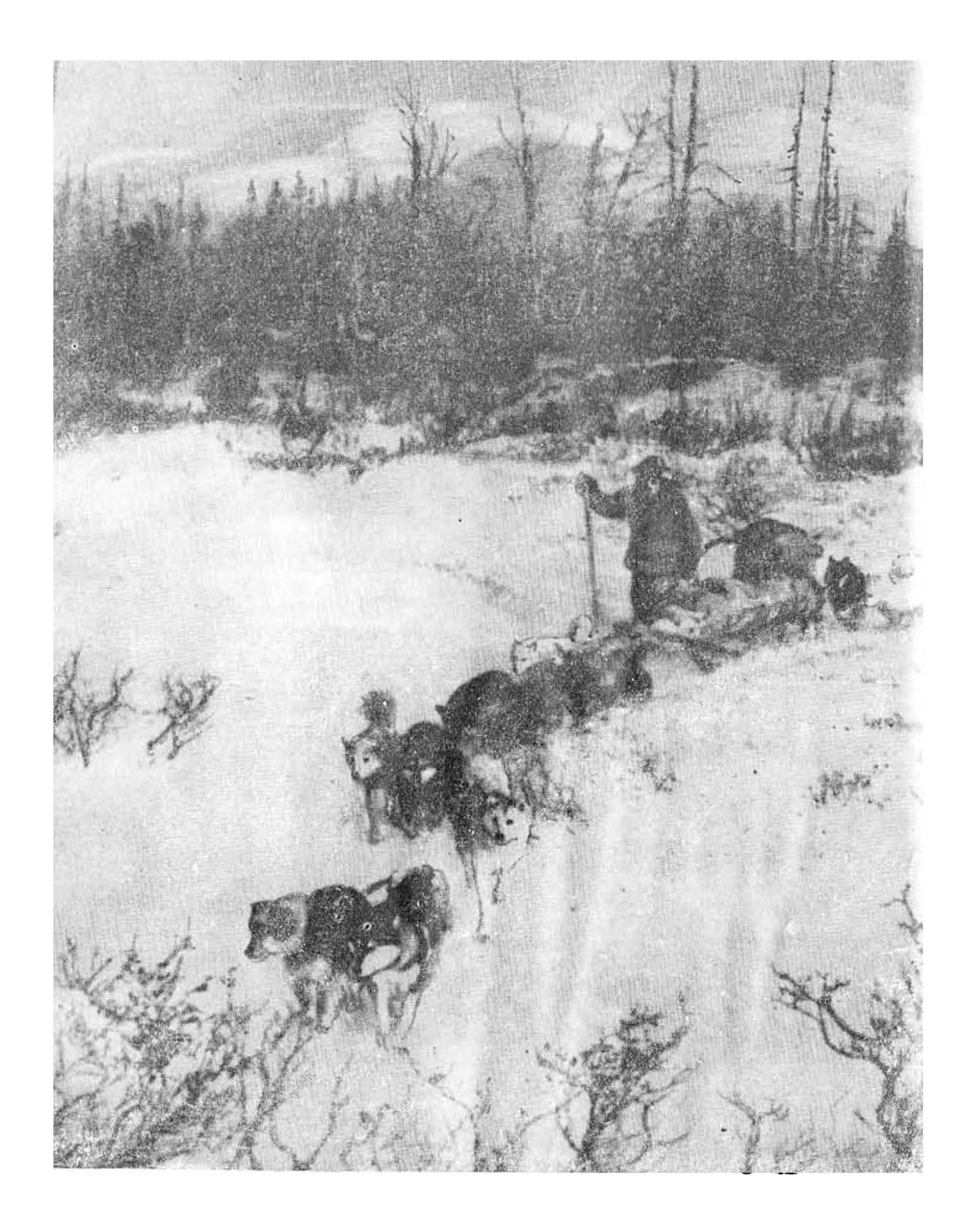

— Останьтесь еще на денек... Я предупреждаю вас: мост через Куйдусун разрушен, несколько ночей будете стоять около индигирской переправы, — говорил контролер вентиляторов шахты № 10 И. И Булатович, человек-сказка, выведенный в этой книге под именем Василия Васильевича Булатова.

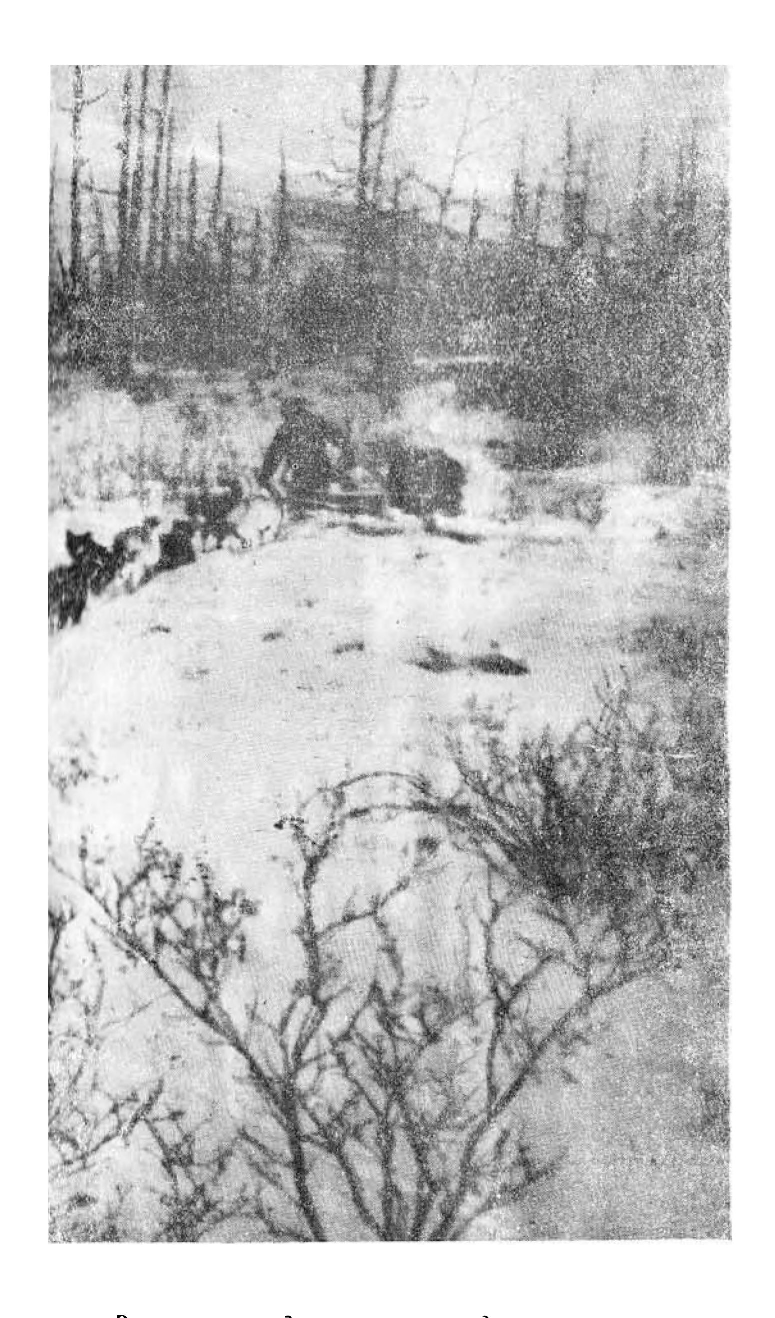
Он озабочен юностью твоей:
Какую роль играть тебе по жизни?
Как хочет он, чтоб прямо с этих дней
Ты вел себя как будто в коммунизме.

Пускай трещат морозы-колуны,
Пускай буранит — только б искры высечь.
Ты добрая надежда Колымы,
Сегодня ты а завтра сотни тысяч!

Собачья упряжка, родная упряжка,
Собачьи унты,
И пусть тебе тяжко, тревожно и тяжко —
Упорствуешь ты!

В снегу лесотундра, тайга или тундра.
И ветер гребет...
Да, к полюсу — трудно, к холодному — трудно,
Но... только вперед!

— Скоро Оймякон, — обещал нам сентябрьский Снег.

— А как проехать к полюсу холода?

— Сначала прямо, потом за Томтором направо, потом идите за мной, — отвечал Снег, — я вас приведу...

Ах какая,
Ах какая ты, дорога-северянка,
Среди сопок угрожаешь точно буря кораблю...
Золотая,
Золотая-золотая колымчанка,
(Слышишь?)
Я люблю, люблю тебя, люблю!

(«Песня золотая»).

Смотришь на колымские поселки, и глаза невольно сортируют дома, и почти безошибочно можно сказать, когда и с какой целью они строились.

В самом облике этих поселков ощущаются два периода. Отживающие времянки, бараки, мазанки и целые кварталы благоустроенной новизны: Новая Мяунджа — наш колымский Энергоград. А на столе у начальника шахтоуправления в Кадыкчане — план строительства. Но это уже будущее Колымы.

Чем дальше мы отъезжали от Магадана, тем ярче раскрывались достижения и особенности этого края. Более того, в «глубинке», на севере, Колыма казалась гораздо современнее, чем на юге. И, как вершина ее достижений, в самом конце трассы, в том месте, где мы должны были ее покинуть и свернуть на запад, — как вершина достижений Колымы сияли благоустроенная Мяунджа и перешедший на шестичасовой рабочий день шахтерский Кадыкчан.

Таким образом, путешествие по Колыме увенчалось новой радостью: мы опять увидели драгоценные черточки на лице нашего коммунистического завтра.

На этом последнем этапе до такой степени не хочется расставаться с кадыкчанцами, что вот уже несколько дней я совершаю свои путешествия от Кадыкчана до Мяунджи и никак не могу от них оторваться. Ведь рядом — развилка; свернув налево, ты уже почти прощаешься с колымским краем и вскоре попадаешь в Якутию. Я обещал Василию Васильевичу перед походом на полюс попрощаться. Контролер вентиляторов решил устроить прощальный «бал». В этот вечер мы пили шампанское, пели украинские песни (соседи Василия Васильевича с Полтавщины), я пытался играть на скрипке, сделанной местным мастером, а наш гостеприимный седовласый любимец, сухощавый, как жердь, в коричневой косоворотке, конечно же, исполнил на балалайке рапсодию Листа.

Все было радостно и хорошо. Василий Васильевич угощал нас новой серией интереснейших историй.

— ...Мост через Куйдусун разрушен, — убеждал Василий Васильевич. — Если хотите попусту сидеть на берегу, дожидаясь его постройки, — поезжайте, но я не советую.

Словом, всеми силами он пытался задержать отъезд хотя бы еще на один день. Однако нетрудно было выяснить, что, хотя мост и разрушен, переправиться можно на грузовой машине. Как? А очень просто. Грузить М-72 на спину трехосной. Слава богу, у меня уже был этот опыт во время поездки на озеро Джека Лондона.

— Вот увидите, я вам завтра такое расскажу! — обещал Василий Васильевич. — Не уезжайте, прошу вас...

Утром мы с Василием Васильевичем тепло попрощались, и я отправился в управление, а через два часа... Бегут назад чистые домики Кадыкчана; проезжаю мост, а на мосту стоит грустный Василий Васильевич и даже не машет рукой на прощание. Я остановил машину, развернулся — и к Василию Васильевичу. Вышел, обнял его, и мы договорились непременно писать друг другу. Какие письма я потом получал от него! А телеграммы в 112 слов и в одно слово!.. Нет, этот человек не может быть одиноким! Есть у него ребята из самодеятельности, есть книги и добрые соседи с их украинскими песнями, есть, наконец, восемь верных вентиляторов и заветная Девятая балалайка! И еще у него есть полыхающая осенней роскошью золотая бессребреница — колымская осень, которую он обожает. А когда придет лютая здешняя зима, я знаю, Василий Васильевич снова скажет, что художник, не побывавший на Колыме, вряд ли создаст что-то настоящее... Щедрости Василия Васильевича, его душевности, его неумению жить не делая каждую секунду что-либо для людей — этому нет границ в его сердце.

Чувствую, что приближается моя разлука с Колымой, и последние дни стараюсь побольше увидеть и записать. Грустно уезжать от белокаменной Мяунджи, от Василия Васильевича, Юры Шустова и вообще от колымских примет коммунизма.

УГОЛЬ

Шахтерам Колымбасса

От многовековой густой темноты
ослепли угольные пласты.
Человек поднял их, решил зажечь,
и зрячим углем загудела печь.

С тех пор запыхтела лампадка во мгле,
кирка углекопа заныла в угле.

Шахтер устал, почернел, намок,
присел и щепкой поднял фитилек.

Века прошли за веками — и вот
врубовая машина в породе ревет.

С электропроводкой идет человек.
Бронзовый луч забегает в штрек.

И движется, как за строкой строка,
проходка отбойного молотка.

И снова бегут за годами года,
распущены новые провода...

Люминесцентную лампу с собой
бери, шахтер, уходя в забой.

Светом земным, восходом зари
подземные клады свои озари.

И угольный непокоренный слой
раскалывай гидронапорной струей.

И приближай (пусть мечты зовут!)
аркагалинский завтрашний труд.

Мне дорог твой кропотливый взор,
молодой новатор и фантазер.

Я крепко верю: настанет срок,
не нужен будет ни уголь, ни ток.

Повсюду забрызжет атомный свет,
добычу угля он сведет на нет.

И все потому, что волнуешь ты
в Кадыкчане угольные пласты.

И зрячим углем рабочих ночей
гудят батальоны турбин и печей...

И тембром оротуканской струны
дополнен мартеновский голос страны.

Днем было такое солнце и такие капели, что, если бы не огненные листья на кустах, — просто весна! А вдали снег на сопках.

— Как проехать в Аркагалу?

— Вам какую?

— Как какую? Одна, наверное, Аркагала-то!

— А вот и две. Аркагала-угольная — вправо, Аркагала-транспортная — влево. На мост въедете — сами разберетесь, что к чему.

Когда я поехал в Аркагалу, в машину ко мне сел инженер по качеству угля Юрий Шустов и две девушки, как в «Евгении Онегине» Татьяна и Ольга. Оля кончила 10 классов и поступает на работу. Таня десятиклассница, учится в Мяундже. Девочки очень переживали: у Тани отец сегодня отправился в Сусуман и получены сведения, что машина разбилась. Есть раненые, но, кто ранен, пока неизвестно, и вот Таня едет со своими друзьями в Аркагалу-транспортную узнавать... Так и доехали они втроем до Аркагалы. По дороге Юра говорил, что лет двадцать назад в Аркагале какой-то якут впервые обнаружил уголь: разводил костер, положил в него «черный камень» — и вдруг этот камень загорелся.

Остановился я на мосту, высоко поднявшемся над узенькой, нырнувшей в глубоченный овраг речкой, и, действительно, сразу увидел — что к чему. Справа от дороги поднимается темный от времени и угольной пыли деревянный копер, из-за него выруливает «Татра» с двумя прицепами, груженными углем... А по левую руку — у огромного гаража — толпятся автопоезда, газики, самосвалы, кто-то моет из шланга легковую фисташковую «Шкоду». Гудят моторы, визжат МАЗы, стоит очередь «Татр». Красная с желтым, похожая на огромный огнетушитель, высится бензоколонка. Аркагала-транспортная, здравствуй! Как раз ты мне и нужна. Быть может, ты поможешь мне разыскать опытного шофера, который согласится идти со мной к полюсу холода. После того, как мы расстались с Володей, я очень быстро понял, в каком положении очутилась моя машина.

Около почты встретился шофер — черный, усталый, едет седьмые сутки. Говорит, что в газетах читал об этом путешествии, узнал машину и не может не вмешаться.

— Кто главный? Вы? Надо перебортовать, а то на

выстрел пойдет! — И он, как хирург, щупает воспаленный разрез на правой задней покрышке.

Я говорю:

— Это у меня давно!

— Какое давно — камеру видно!

Я подумал: «Как же, дожидайся теперь, когда она на выстрел пойдет?» — и достал из багажника домкрат.

Разговор у нас зашел о дорогах и опять о той же реке Куйдусун, через которую вот уже несколько дней невозможно переправиться. Шофер с глубокими морщинами на худых черных щеках говорит:

— У нас здесь речки такие: дождя нет — так и напиться негде. А как ливанул — так мосты поперек ставит...

Говорит он это, а сам уже помогает мне снять колесо, разбортовать его и положить в отверстие на покрышке резиновый клапан... Человек седьмые сутки в дороге!

Пока мы возились, стемнело и, когда в девятом часу я подъехал к почте, она уже была закрыта.

Кто упрекнет путешественника за то, что он в неурочное время стучится в дом заведующей почтового отделения? Два огромных пса, серый и огненный, законно возмущаются вашим желанием выяснить, нет ли корреспонденции. Но зато вас приветливо встречает заведующая — товарищ Деревянко — в крепдешиновом платье и по вашему востребованию вручает... телеграмму-молнию (?!).

«Если хотите догоню будем продолжать подробности письмом Кадыкчан».

Читатель, конечно, догадывается, от кого эта телеграмма. Догадывается и удивляется. Тем более удивлялся адресат. Эта молния буквально ударила меня в самое сердце. Трудно сказать: был ли я огорчен или счастлив; скорее всего и то и другое объединялось для меня в одном слове — тревога.

Милая Деревянко тут же позвонила в Кадыкчан, и ей не пришлось долго упрашивать свою почтовую соседку посмотреть, не пришло ли интересующее меня письмо.

— Есть письмо! — обрадованно сказала Деревянко, как будто ее лично это касалось.

— Пусть немедленно вскроет, — попросил я и, когда

Деревянко передала мне телефонную трубку, услышал следующее:

«...вы говорили, что будете в Кадыкчане долго. Не знаю, застанет ли вас письмо, но я также послал телеграммы вдогонку на Аркагалу и Эмтегей. А случилось вот что. Получил я письмо из дому. Отец очень хворает, пишет, мол, как же так: четыре года служил во флоте, а теперь неизвестно, сколько лет пройдет, пока свидимся. Отец требует, чтобы я ехал домой. А Рая — свое: оставайся, мол. Тут уже не скажешь: «Запросто». И все же я решил брать расчет и, если вы еще не нашли себе попутчика...»

Я тут же телеграммой сообщил Володе, что буду ожидать его в Аркагале. На почте ему скажут, где я остановился.

Через два дня, получив от Володи новое сообщение, я плотно засел в диспетчерской на Аркагале-транспортной и начал ловить своего бывшего и теперь будущего спутника. Диспетчер по моей просьбе говорил по селектору:

— Берелех? Я Аркагала. Где сейчас находится стажер Владимир Мусатов, напарник Морозова? «Татра» номер девяносто два девяносто семь, проверьте.

К диспетчеру то и дело обращались водители:

— Отмечай путевку!

— Тебе надо отдыхать.

— Я отдыхал в дороге...

— Постановление профсоюзов знаешь? Вот — отдыхай. Хочешь, иди в душевую и в постель, а нет — так на топчане...

Ну слово в слово, как в Палатке!

Один водитель из усть-нерской автобазы Артык кричал:

— Я не член профсоюза, я не из вашей области и вообще оставьте меня в покое! Мы якутские. Подписывай путевку, черт!

— А хотя бы ты и не член профсоюза, — невозмутимо улыбался диспетчер, — но о тебе государство заботится.

Диспетчера снова вызывают по селектору, и я слышу трещиноватый далекий берелехский голос:

«Так дело не пойдет, самосвалы у вас простаивают...»

Аркагалинский диспетчер:

— Уголь маленько задерживает...

Берелех:

«Тогда мы перебросим машины на другой участок... Ничего себе «маленько» — три часа... Сообщите, сколько самосвалов...»

Аркагала:

— Сейчас проверю, скажу позже... Ну, как там насчет шофера Владимира Мусатова?

Берелех:

«Утром водитель Мусатов взял расчет по семейным обстоятельствам и выехал к вам, в Аркагалу».

И наконец появился Володя—худой, вроде загоревший, и немного растерянный. И снова я услышал его шутливое «три—четыре» и жизнерадостное «запросто».

— Жалко было уходить с «Татры», — вздохнул Володя. — Правда, у нее с прицепами более тридцати колес. Только отъедешь — три—четыре — опять качай!

Володя любовно посмотрел на нашу М-72, у корой хотя все и худые, но все-таки не тридцать, а только четыре колеса.

Говорю ему ободряюще:

— Три—четыре, возьмем полюс холода?

— Запросто, — почему-то не очень уверенно отзывается Володя и с недовольным видом осматривает машину. — М-да, как видно, я вовремя приехал...

И он отвозит меня в Аркагалу-угольную, а сам возвращается на транспортную в гараж, где хочет подвергнуть машину «генеральному осмотру».

И опять Колымбасс — угольная кочегарка Севера.

После обеда начальник «Девятой» Николай Петрович Майборода рассказывал:

— Эта шахта эксплуатируется с тысяча девятьсот сорок восьмого года и строилась она не на большой срок; думали к шестидесятому году закрыть, как отработанную. Опустились уже до «таликовой» зоны. Вечная мерзлота! Работаем на глубине сто пятьдесят метров.

Майборода сказал, что колымская шахта — штука коварная и кропотливая:

— У нас внизу, на глубине двухсот пятидесяти метров, вода. В час набирается два—три кубометра. Чтобы ее выгнать на поверхность, насос работает десять—пятнадцать

часов. Что получается? Насос качает пятьдесят кубометров в час, но, если воды мало, чего ему работать? Значит, мы должны эту воду накопить, а она, проклятая, десять часов копится и тут же замерзает. Вот и вертись! Мы сутки, скажем, собираем воду, начинаем качать — водяной столб двести пятьдесят метров высоты. Приходится оттаивать трубы, вернее воду в них, — обезьяний труд! Наткнувшись на эти воды, решили гасить шахту, но в этом году устроили «глубокую разведку». Нельзя ли продлить жизнь шахты? И пришли к заключению, что лет пяток еще поработаем. Все-таки один миллион тонн угля — это вам не шутки. Так что пусть совнархоз рассчитывает... А там, если техника продвинется и мы сможем в условиях вечной мерзлоты бороться с талой водой, — еще уголька подкинем Колыме; это мы с радостью.

Идем по шахтному двору.

— Эти невзрачные будочки — легкие шахты. У нас шахта опасная по газу и пыли. Может взорваться метан и сама угольная пыль. Вот домик ФИП, слыхали? Фабрика инертной пыли!

Подходит к Майбороде парень-взрывник, обиженным голосом что-то говорит — просит заступиться. И выясняется, что он не то чтобы ошибся, а так, немного провинился и его крепко наказали. Майборода строго ему:

— Правильно сделали! Сам знаешь, у нас так: взрывник и минер один раз ошибаются...

Когда он ушел, Майборода сказал:

— Молодежь... Поощряем и наказываем. Учим.

Уже четыре года, как на «Девятой» формируется новый, молодой коллектив. Редко теперь встречаются на шахте старожилы.

С 1947 года здесь трудится товарищ Троян, начальник поверхности, ветеран «Девятой»...

— А мы все, и я в том числе, — молодежь! — объяснил сорокалетний Майборода и усмехнулся:

— Говорят, трудности у нас большие. Так если трудностей нет, и жить неинтересно!

Мы подошли к огромной зияющей яме, уходящей куда-то в глубину.

— Вот готовим выработку, — пояснил Майборода, — будет здесь подъемник, чтобы люди не ходили пешком.

Добиваемся главного: труд шахтера должен облегчаться. В этом направлении и стараемся...

И он рассказал, как молодые люди обзаводятся хозяйством, привыкают к шахтерской жизни, становятся семьянинами. Почти в одно и то же время на «Девятой» шахте родились дети у механика Брунько, у комсорга Брянцева, у начальника транспорта Гриценко, у горного мастера Диденко. И у всех — мальчики.

— У нас шутят: сыновья родятся в связи с постановлением правительства о том, что женщины в шахту больше не допускаются, — смеется Майборода. — Словом, растет шахтерское пополнение...

Во время нашего разговора на шахтном дворе к начальнику «Девятой» подходили люди с потухшими яблоками на ушанках и время от времени слышалось: «ось якэ дило», «мабуть, трошки», «нэхай роблять, як слид», «звычайно» и «будь ласка». Это многочисленные Диденки, Гриценки и Брунько поверяли Майбороде свои «гарны мрии» и казалось, что вы находитесь не в Колымбассе, на Крайнем Севере, а в Донбассе, на почти Крайнем Юге нашей большой страны.

В цифрах первой советской семилетки раскрывается новое, растущее значение наших работ по угледобыче. Так вот, за Мяунджей, в угольной Аркагале и в Кадыкчане я встретил шахтеров, от которых услышал:

— Представьте себе, вот уже второй год, как трудимся мы по шесть часов в сутки. Интересно получается: работать стали меньше, а зарабатываем больше...

Что такое? А дело в том, что Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство нашли возможным сократить рабочий день шахтера. На шахте урегулировали заработную плату, повысили производительность труда, внедрили десятки рационализаторских предложений — и в результате человек Колымбасса стал меньше работать и больше получать. Помню кто-то сказал мне:

— Вот они зримые, золотые приметы коммунистической жизни!

Но стоящий рядом шахтер возразил:

— Не в этом дело. Ведь коммунизм не там, где «меньше работать», а там, где хочется как можно больше отдать, не размышляя, сколько ты за это получишь.

Вдумчивый, горячий разговор! И это — на подступах к полюсу холода, в краю вечной мерзлоты. Нетрудно догадаться, что дополнительное время каждый шахтер стремится использовать на стадионе, в семье, во Дворце культуры.

Деятельный отдых, как мы видели, нередко перерастает рамки просто развлечения и становится творчеством.

Бескорыстный коллективизм господствует здесь во всяком общественном деянии. Стоит только вспомнить Виктора Разовского или Матвея Горюнова, который говорил:

— Пусть мой «зимний мрамор» потом растает, но несколько месяцев он приносит людям радость — и это главное...

Приносить людям радость... Юноша бригадмилец из Ягодного требовал, чтобы комсомольцы стали хозяевами поселка:

— Жить надо, как спутник, понимаете?

Слабый здоровьем, он, несмотря на запреты врачей, приехал на Север, а теперь только подсмеивается:

— Когда бы завелась одна болезнь, а то их у меня сорок, и все они дерутся меж собой, никто победить не может...

И хрупкий бригадмилец Вадим Прохоров отважно ввязывается во всякие истории, выводит хулиганов на «чистую воду» и живет, как строгий спутник общественного порядка.

Девушка-токарь, сусуманская пионервожатая, решила прибрать к рабочим рукам «трудный» класс. Она привела своих пятиклассников на завод, договорилась, и теперь лучшим пионерам доверяют настоящие токарные станки. «Ну, кто еще хочет, попробуй, завоюй такое право!» И отныне у проходной говорят:

— Вон идут Анины токарята.

Они идут и читают на заводской Доске почета: «Токарь Анна Чернышова. Месячное задание выполнила на 179%».

И Анины «токарята» держат равнение на своего большого и умного друга. Это что, разве не радость?

На агробазе убирали капусту — свеженькие хрусткие кочаны. Все были довольны, и только молодой агроном

Николай Лунин, прозванный «колымским мечтателем», страстно доказывал, что это всего лишь белые малоценные цветочки, а ягодки впереди.

— Да, ягодки! Целые плантации! Ведь у нас есть малина, смородина, рябина, жимолость, голубика, брусника, княженика. А как они используются? От стихийных налетов по сопкам много ли проку? Дикие черенки высадить на государственные плантации — только так!

Послушать Лунина, так и озерным рыболовством пора уже заняться, а то ведь есть в области великолепные озера, где нет совершенно никакой рыбы. Хариусов туда! Только так!

Милые энтузиасты, кто измерит щедрые континенты хозяйской вашей души? Почему я должен ковыряться в мелких страстях вчерашних людей, когда я документально свидетельствую, что видел, видел своими глазами коммунистического, завтрашнего человека.

Этот человек понимает: надо начинать с самого себя. О, если бы эта идея овладела каждым! Если бы каждый захотел повторить вслед за бурхалинским комсомольцем Виктором Тишиным:

— У нас на Колыме такая дивная природа, что в ее присутствии человек не имеет права быть некрасивым.

Если бы каждый мог от всей души сказать и поступить так, как это говорят и делают колымские шахтеры:

— Сначала даем уголь Якутии, сначала ее обеспечиваем, потом уже себя, свои предприятия...

Вспомни, читатель, ночные звонки коммуниста Безбабышева, добрый десяток общественных нагрузок взрывника Разовского, портативный радиоприемник геолога Медведя... Я уже не говорю о Девятой балалайке Василия Васильевича.

Да, колымчане — красивые люди. Их благородство и самоотверженность, бескорыстие и гостеприимство не столько удивляют, сколько вызывают желание подражать им.

Никто не спорит, что город Магадан и трасса — это не одно и то же. Пусть в июле хмурится туманный Магадан, но в это же время там, среди сопок, вьется солнечная желтая прошва.

Сравнительно теплые дни бесснежного магаданского октября ничего общего не имеют с устойчивой белизной

и ветреной порывистостью тех колымских мест, где зима уже говорит людям: «Здравствуйте, я пришла!» С этим никто не спорит. Но могут поспорить, если я скажу, что эта подчеркнутая контрастность в природе чем-то напоминает разность житейского климата, поэтому далеко не все мои наблюдения и выводы, адресованные трассе, применимы и к Магадану.

Вот почему я предвижу: кто-нибудь упрекнет меня и будет говорить об излишней восторженности. Нет! Упрекните меня за то, что я слишком равнодушен, когда веду речь о Человеке Колымы. Упрекните — и это будет справедливо. Ведь я еще не сказал, что все среднеканское, тенькинское, сусуманское, ягоднинское золото, выхваченное из материнской утробы земли за все годы, — это слишком мало для того, чтобы отлить достойный монумент покорителю вечной мерзлоты, бывалому колымчанину!

Казалось бы, Сусуманский район с его пятидесятиградусными морозами, район золотой молодежи сегодняшней Колымы — это еще далеко не полюс холода. Но уже здесь молодость распевает песню, написанную сусуманским композитором.

Золото-золото,
Наши края,
С полюса холода
Песня моя.

Плещется молодо,
Нет ей конца,
Разве не золото
Наши сердца?

И подобно тому, как драга — эта плавучая фабрика золота — вылавливает драгоценные крупицы, так и современная Колыма — обновленная фабрика социалистического мировоззрения — прививает молодежи золотые качества, новые чувства, выбрасывая все, что осталось в психологии человека нехорошего, в отвал жизни, как ненужную гальку.

Так как же мне не взять на память сусуманские самородки, эти драгоценные встречи с нашим завтрашним днем!

НАЧИНАЙТЕ СО СВОЕЙ ДУШИ!

Верить, добиваться и любить,
И о жизни думать, как о чуде...
Но при коммунизме, может быть,
Даже подвиг не заметят люди,

Потому что каждый на земле
Выйдет к благородному забою.
И, как в угольной Аркагале,
Это прозвучит само собою.

Все толкуем, не проходит дня:
Да, конечно, это будет скоро,
Но, пожалуй, только без меня:
Мы пока не дальше разговора.

Ну, а почему бы не начать,
Не поверить в щедрость урожая,
Как на целине — за пядью пядь —
Собственную жизнь преображая.

Начинайте со своей души!
Люди, не давайте ей покоя,
Может быть, наедине, в глуши
Что-то есть неверное и злое.

Есть задворки вечной мерзлоты,
Равнодушья мертвые пустыни,
Подозрений шаткие мосты
И клочки завистливой полыни...

Или, скажем, возмутились мы,
А молчим и жмемся где-то с краю...
Но уже на шахтах Колымы
Я как раз другое отбираю.

Время! Как тобой не дорожить?
Ожидать нам?
Ну чего бы ради,
Если чувства начинают жить,
Как в коммунистической бригаде.

Пусть еще не песня, а напев.
Тот напев все чище и богаче:
Радость и тоска, любовь и гнев —
Это все должно звучать иначе.

День за днем — корчуя и дробя,
День за днем — выращивая что-то...
Начинайте собственно с себя.
Пробуйте!
Да здравствует работа!

Через Верхоянский хребет

Колымский характер. — Эмтегей. — Неотправленное письмо. — Индигирка. — Моя Усть-Нера. — Томтор. — Серебристо-черные лисы. — Поселок Оймякон. — Штурм полюса холода. — Сунгар-Хаята. — Хандыгская трасса. — Олонхосут. — Цвет времени. — Хандыга. — Эпилог.

В трех километрах от Кадыкчана — развилка. Основная трасса ведет на Аркагалу и в Усть-Неру, а здесь, на Т-образном перекрестке, начинается новый путь: дорога резко убегает на запад.

Стоит на развилке черно-белый с поперечными полосами столб, на котором в сторону Хандыги направлена металлическая стрелка. На стрелке надписи: «Хандыга — 732 км, Адыгалах — 59 км».

И вот у этого столба, на знаменитой Колымской трассе, сижу я и веду свои последние записи. Володя уехал с запиской начальника шахтоуправления к заправочной колонке. И сейчас, когда я это пишу, наверно, уже булькает, заполняя столитровый бак, аркагалинский бензин — последний подарок Колымы.

Володи все нет и нет, и в ожидании его я вспоминаю дни, проведенные на Колыме.

Немало пришлось мне ездить по своей стране. Работал я пропагандистом на канале Волго-Дон, узнал, что такое арктические льды, когда на ледокольном пароходе

«Мста» пробивались мы на Северную Землю, совершил путешествие на автомашине от Москвы до Владивостока, и, если позволительно мне судить о больших просторах нашей Родины, я хотел бы сказать так:

Во всей нашей стране нет более своеобразных людей, нежели колымчане. Это народ особенный. Замечательный. Хорошо, ну а что же тогда собственно Колыма? Местные жители шутливо называют ее «планетой», чем я подчеркивают отдаленность и обособленность своего края.

Колыма, ты Колыма,
Чудная планета,
Двенадцать месяцев зима,
А остальное лето.

После ярких весенних пейзажей, великолепной дороги, жарких августовских дней нетрудно догадаться, до какой степени колымчане любят преувеличивать, иронизировать и вообще вводить в заблуждение новичков с «материка».

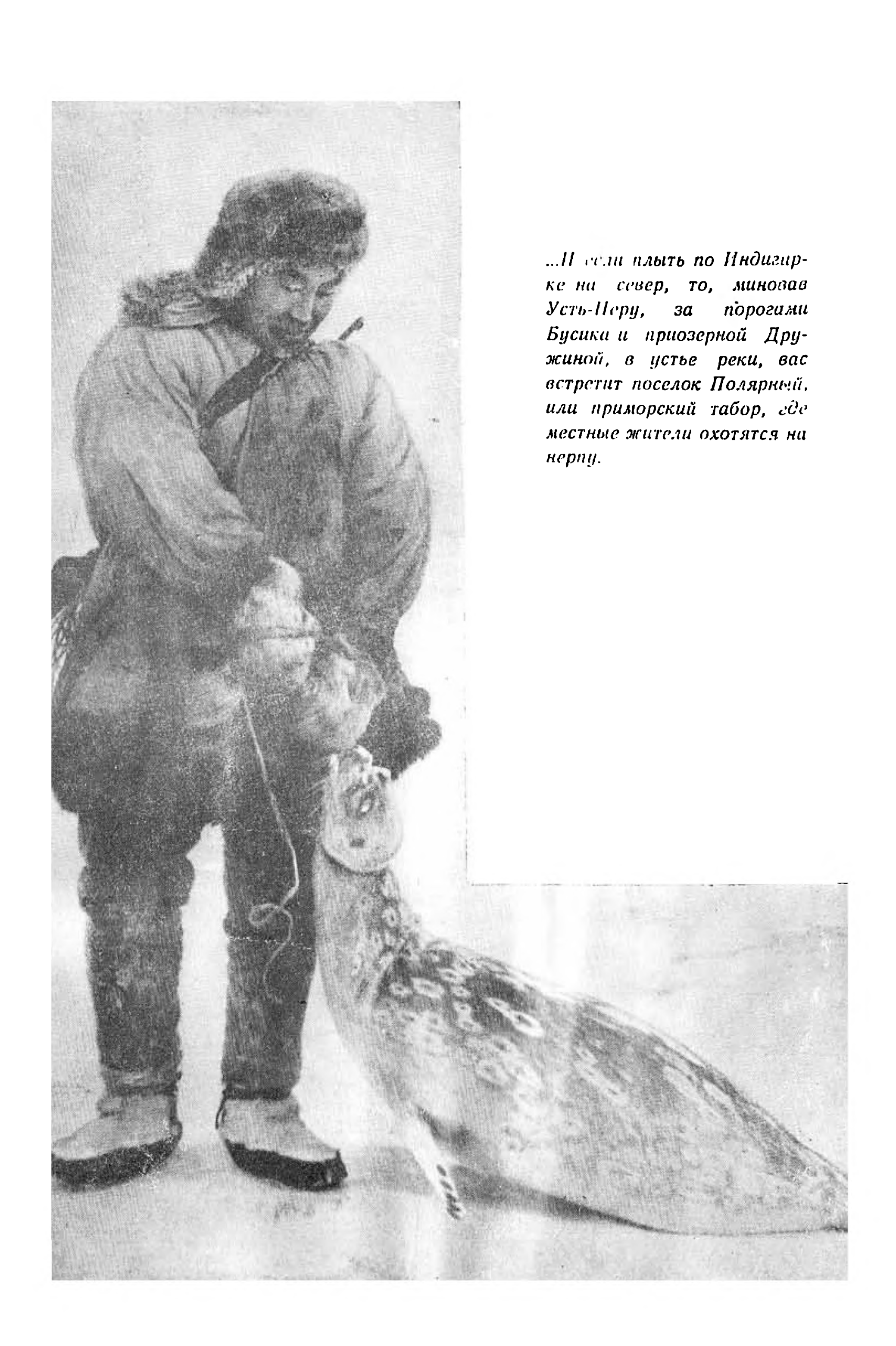
Приведенное мной четверостишье весьма характерно для того фольклора, который рождался на Колыме.

Тут и горькое, ласковое причитание, которое не выскажешь иначе, как со вздохом; и ощущение масштабности своего края, о котором колымчане мыслят не иначе, как о планете; и страшно объемное слово — «чудная» (воспринимай как хочешь — в шутку и всерьез); и то гиперболическое заключительное двустишье, в которое по незнанию можно поверить. Ведь это Крайний Север, просторы вечной мерзлоты; поблизости Оймякон, полюс холода. Черт его знает, а может и серьезно там свирепствуют круглогодичные морозы?..

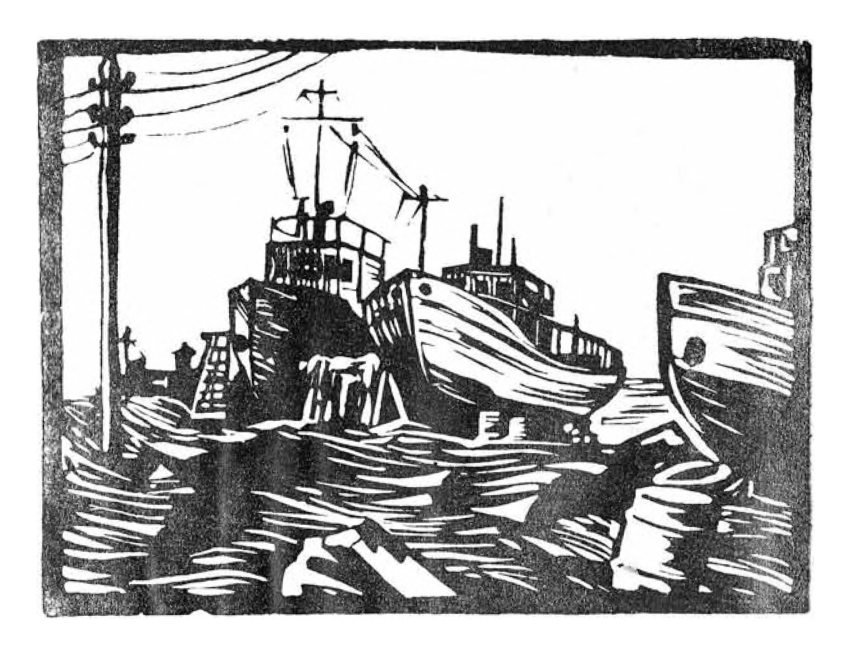
Человек веселый, остроумный, жизнерадостный и постоянно находящийся в схватке с неласковой природой, коренной колымчанин порой любит преподнести некое событие или факт в таком аспекте, чтобы ошеломить вас, чтобы вы почувствовали, как здесь здорово, интересно и необычайно. При этом бывалый рассказчик, из патриотизма приукрашивающий свою «достоверную» повесть или то, что он слышал от других, непременно предупредит вас, чтобы вы осторожно относились к тому, что вам будут рассказывать другие.

От Кадыкчана до Хандыги 732 км и еще 2 620 км до Братской ГЭС...

Над Ангарой около Братска.

...И если плыть по Индигирке на север, то, миновав Усть-Неру, за порогами Бусика и приозерной Дружиной, в устье реки, вас встретит поселок Полярный, или приморский табор, где местные жители охотятся на нерпу.

— Природа здесь такая красивая, что невозможно не стать художником,— скажет колымчанин и, показывая свой рисунок, неожиданно сократит расстояние между двумя кораблями неуравновешенной и дикой Индигирки...

Мы выехали из Магаданской области в 7 часов 15 минут вечера. Прошел час. И в 7 часов 10 минут вечера мы прибыли в Якутскую АССР на индигирскую переправу.

— Таким образом, вы приехали к нам раньше, чем выехали,— сказал нам молодой якут, и он был прав.

Молодые,
Молодые-молодые одногодки,
Наши песни по дорогам из конца летят в конец.
Золотые,
Золотые-золотые самородки
Дружбы
Мы нашли на приисках сердец...

Голосую,
Голосую за нелегкую разведку.
Так скажите, пожелайте мне ни пуха ни пера.
Золотую,
Золотую-золотую семилетку
(Верю!)
За пять лет подымем на-гора!

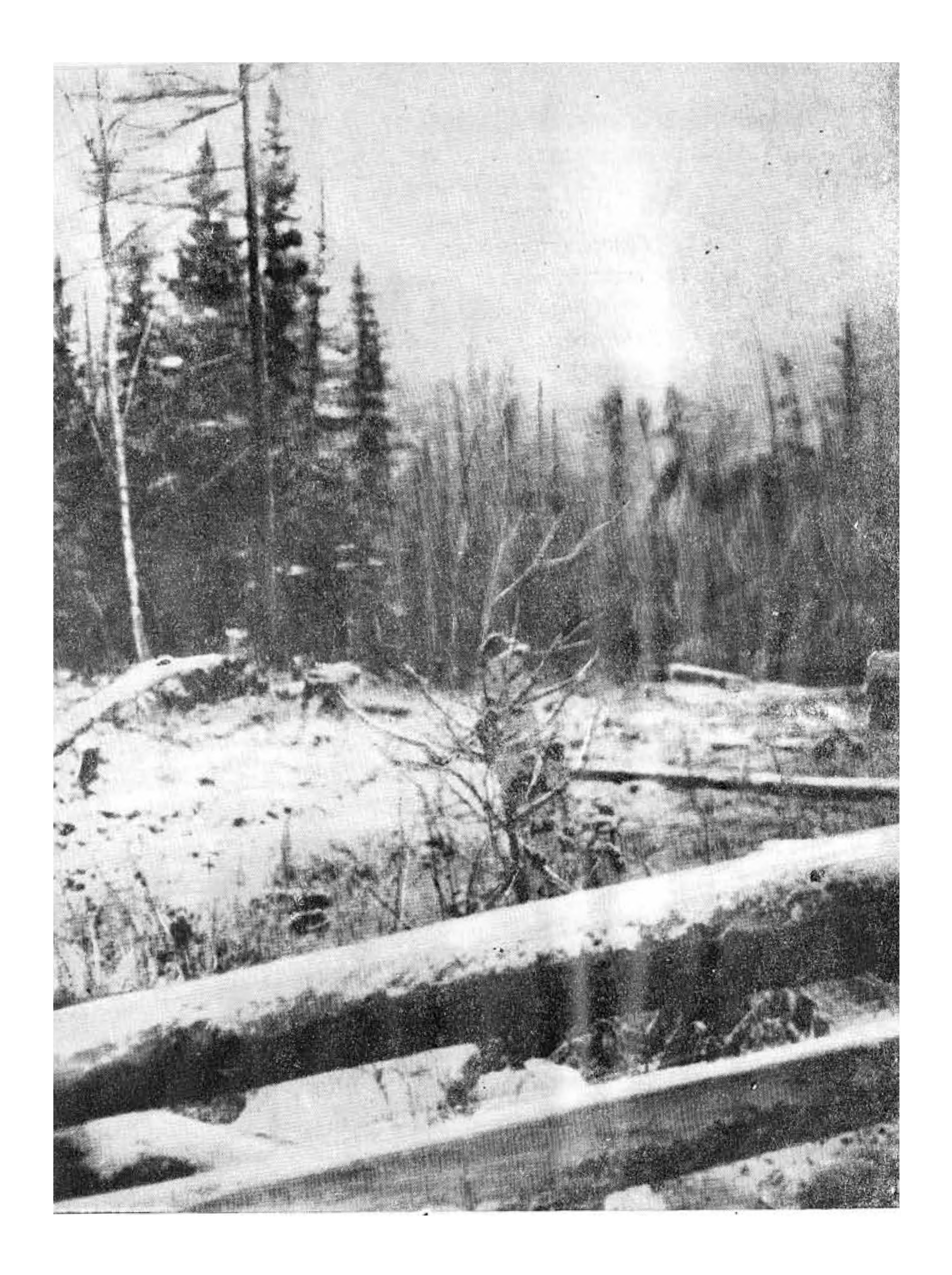
(«Песня золотая»).

Уже накапливались сумерки, и мы боялись, что эта знаменательная фотография не получится...

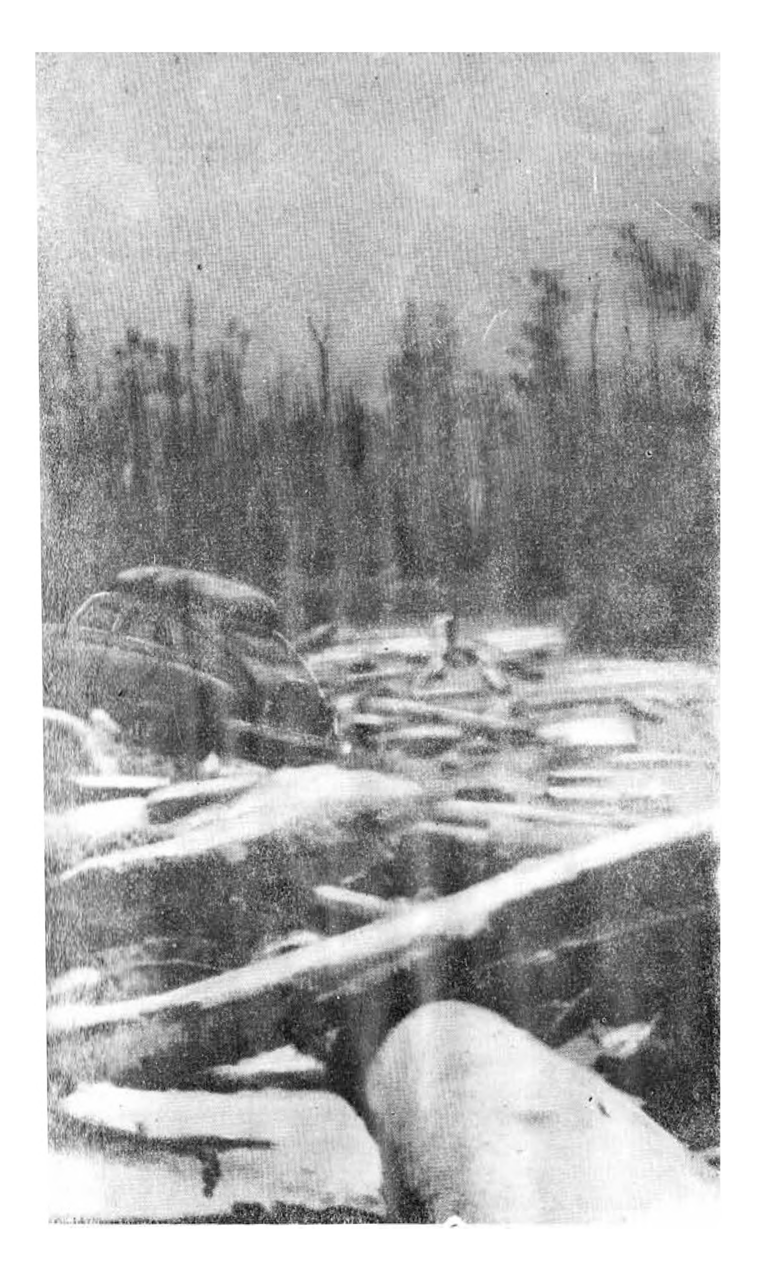
До свидания, земля колымская, золотая красавица и терпеливая труженица Крайнего Севера!

У этого пограничного столба мы долго стояли с Володей, вспоминая колымчан, их великую щедрость и жизнерадостную красоту, их деяния, похожие на песни, и песни, славящие их деяния...

Как вспомню... невеселая картина...
Дороги нет... метель волос седых...
Штурмует полюс холода машина...
Да здравствует упорство молодых!

Однако верю я (не все ведь сразу):
По Колыме в свой отпуск в свой черед,
Как по Уралу или по Кавказу,
Захочет путешествовать народ...

Упрямый, он белую мглу поборол
И, преданный горным окраинам,
На полюсе холода этот орел
Считался бессменным хозяином.

Но вот он однажды глядит со скалы:
Народ пробирается по лесу,
И в небе крылатые люди-орлы
Летят над тарынами к полюсу...

С кем бы ни пришлось говорить: с водителем «Татры», с ольским рыбаком, с горняком-золотодобытчиком или шахтером, каждый считает своим долгом напутствовать вас примерно такими словами:

— Прямо скажем, любят у нас «загибать» или «заправлять чернуху»...

— Когда будете на трассе, расставляйте сети осторожнее, а то поймаете рыбку, да не ту...

— Разговор что! Слова, как золотишко, верить надо по крупицам...

— Ну! Выдадут вам на-гора! Только слушайте!..

Но обладая более чем богатой фантазией, предупреждающий, сам того не замечая, нередко и «загибает», и преподносит «не ту» рыбку (зато золотую), и не очень критически повествует об успехах своего района, и вместе с драгоценным металлом выдает за правду позолоту и наконец подымает «на-гора» такие легенды, что у вас дух захватывает, и вы не можете не поверить — так это красочно и убедительно.

До свидания, Колымская трасса!

Дорога отсюда убегает по ровной, как фанера, равнине в горы. Эти горы (хребет Сарычева, или, сказать по-якутски, Тас-Кыстабыт) стоят перед нами плотной шеренгой. Они взялись за руки, словно не желая пропускать нас в свои владения. За этими горами — Якутия, а там и полюс холода — Оймякон, давнишняя мечта и цель нашего путешествия.

Какое смешение времен года здесь на развилке! Снег в сопках — зима. Золотые лиственницы — осень. Доцветает у самой трассы кустик запоздалых одуванчиков в белом пуху — лето. А рядом журчит по остаткам вчерашнего первого снега совсем весенний ручеек...

Вдалеке над сопками вьется густой черный дым — это дышит труба АрГРЭС.

От поворота вправо видны крыши старого Кадыкчана и над ним снежные вершины Двух Братьев. А если посмотреть влево, на северо-запад, крутая завитушка дороги убегает в Аркагалу, которая украшена красным флагом и звездой на копре «Девятой».

Мимо проносятся с ревом груженные аркагалинским углем «Татры». Милая Колыма! Ну как не остановить бешено летящую машину? Хочется сказать водителю не-

сколько добрых слов и взять с собой, как сувенир, колымский уголек, этот чуть влажный, блестящий и нелегкий дар Колымбасса — великой северной кочегарки.

Приехал Володя и сказал:

— Бензином мы обеспечены до самого полюса!

Только что на черно-белом с поперечными полосами столбе мы вырезали ножом знаки своего отплытия. И если ты, водитель «Татры», или ты, молодой охотник, собравшийся под воскресенье подследить уток, или ты, девчушка-ягодница, прочитаешь на этом столбе: «1958 г. 6.IX. М-72» — знай, что в этот день с величайшим сожалением мы с Володей покидали гордую и нелегкую Колымскую трассу и повели свою машину на запад, на штурм полюса холода, в якутский поселок Оймякон...

Начиная с Магадана, местные жители — встречные и попутчики — буквально в один голос говорили нам, автотуристам:

— Полюс холода? Нет, на машине туда не добраться. Вот поедете по Хандыгской трассе, увидите красоту небывалую, а насчет полюса и не думайте... Но если рискнете — на Хандыгской сворачивайте у Томтора на север.

Прежде всего, что такое Хандыгская трасса? Посмотрите на карту. Из самой глубины колымского края, от поселка Кадыкчан через Верхоянский хребет идет узкая паутинка. На языке картографов — второстепенная дорога. Временами эта паутинка прерывается, переходя в пунктир, что означает — тропа. Вот о чем говорила карта. И так до реки Алдана. Там наше путешествие должно было закончиться поселком Хандыга. Примерно в центре Хандыгской трассы, но значительно севернее, и находится Оймякон.

Хандыгская трасса вьется по склонам сопок и внизу, слева эскортирует нас речка Аркагала, а справа отдают честь нависшие скалы.

Аркагалинские волны сопровождают автомашину к более широкому Аян-Юряху. Теперь вода и автомашина бегут в разные стороны потому, что Аян-Юрях влюблен в Колыму и стремится к ней, на юго-восток, а нас зовет северо-запад. Со стороны Аян-Юряха, разумеется, невежливо бежать от нас в другую сторону, но что поделаешь: любовь...

Изумленное Нерское плоскогорье понимало наши

стремления и никого не обижало. Оно весело забрасывало желто-красными листовками, как путешественников, так и голубопламенный Аян-Юрях. «Счастливого пути!» — говорили нам сопки.

Узкая, шириной в четыре метра, трасса время от времени выставляет столбы с надписью: «Разъезд» и предлагает площадки-пятачки, чтобы вы могли разминуться со встречными коллегами. До Эмтегея раза три нам попадались лесовозы и еще какая-то машина, и то они нам, то мы им уступали дорогу. Это зависело от «пятачка», вырубленного в скале. Кому легче было и безопаснее прижаться, тот и сторонился.

Тайга вокруг — непередаваемая! Темно-красные кочки, ярко-зеленые и лимонно-желтые березки, стройные, как новогодние елочки. Ну прямо-таки нарисованные... А высоченные лиственницы и сопки — в снегу. Что говорить! И столько оттенков золотого, красного и зеленого! Это похоже на парчу. Вдоль реки бегут родственницы здешней ветлы — чозении. И около дороги иногда мелькают темной зеленью ольха и малинник.

И вот мы приехали в поселок геологов и гидрологов — Эмтегей.

Нам с Володей приходится идти в магазин, так как столовой в поселке нет. Да и поселок ли это — домов десять, не больше. Но есть клуб. В магазине висят дивной красоты китайские кофты. И над ними отрезвляющий плакатик: «Товары на ягоды». Ясно, почему так рвались за брусникой Катя Щербань и Надя Семейкина, промывальщицы Эмтегейской геологической партии, встреченные нами. Мы стали в очередь. У крохотного прилавка были третьи или четвертые, но дожидались очень долго: сегодня у геологов «получка», и все закупают товары и продукты впрок, до следующего аванса.

Здесь мы познакомились с гидрологом Руцковым.

— Я уезжаю в Сусуман с отчетами по гидрометслужбе. Моя комната к вашим услугам. Живите! — сказал он.

Мы с Володей поблагодарили Руцкова, и он повел нас с горки в долину реки Аян-Юрях, где стоял служебный гидрологический домик.

В обители холостяка-гидролога стояла узкая кровать с «каневым» покрывалом и столик для работы, украшенный стопкой книг, фотоаппаратом ФЭД-2 и ка-

ким-то огромным биноклем. Над кроватью висело ружье, вырезанная из «Огонька» Аленушка, и обернутая тряпочкой лисья шкура. Над умывальником — рог сохатого. Володя спросил Руцкова: «Кто убил?». Наш хозяин ухмыльнулся и пропел: «Это было давно и неправда!» В коридоре штативы, рейки-водомерки, штук двадцать—тридцать литровых бутылок. На них чернильным карандашом написаны номера: 8, 11, 14... Это пробы речной воды.

— Пейте, она фильтрованная! — угощал хозяин и к гидрологическому напитку выдал нам банку с консервированными огурчиками. На цветных пластмассовых электропроводах, словно на веревке, мы развесили сохнуть свою одежду.

О том, что двадцатипятилетний гидролог волевой и отважный человек, говорили его глаза и мотоцикл, стоящий у домика. Глаза у Руцкова необыкновенные. Я таких никогда не видел. Черные крупные зрачки, разлитые стрелками вниз, как сияние. Руцков сказал: «Врожденные колобомы». Окончив Владивостокский гидрометеорологический техникум и приехав на Север, он решил купить мотоцикл. Надо было получить права, а их как раз и не давали. Глаза! Но он своего добился. И теперь мотоциклист Руцков совершает весьма длительные поездки. Вот и сейчас, указав нам, куда положить ключ («А вы его под крышу») и крикнув на прощание: «Ни пуха, ни пера!», Петр Руцков как ветер умчался в Сусуман на своем мотоцикле.

Вообще для такого маленького поселка, как Эмтегей, добрый десяток мотоциклов — это все же солидно. Даже женщина, как всадник, гарцует на ИЖе по сопкам, и это никого не удивляет. Речь идет о буровом мастере Зое Дмитриевне Хрусталевой. Я ее спросил, не боится ли она ездить по такой витой дороге?

— А что же делать? Не захочешь пять — шесть раз в день ходить по двадцать — двадцать пять километров. Да и не страшно. Надо только дорогу изучить.

Ездить на мотоцикле ее никто не учил. «Села и поехала», — говорит. Она часто приезжает на почту в Адыгалах — ждет писем от сына. Когда мы с ней встретились, у нее в кармане лыжных брюк лежала пачка писем для всего Эмтегея.

Зоин муж — Николай Николаевич — начальник местной партии геологов. Супруги Хрусталевы вместе кончали школу, потом — горный институт в Ленинграде. Четыре месяца назад они приехали в Эмтегей.

Двадцативосьмилетний горный мастер Зоя Дмитриевна Хрусталева в ярко-желтом свитере и темно-зеленом берете была похожа на осеннее колымское деревце. Словно вышла она из окружавшего ее пейзажа. Зоя не боится показаться чересчур разговорчивой и откровенной, когда говорит:

— У нас в реке Аян-Юрях полно хариусов... Днем их ловят на удочку, а ночью лучат, бьют острожкой на факел...

— Но ведь это же запрещено...

— В том то и дело. Мы боремся, разъясняем, а недавно одного у нас рыбный надзор даже оштрафовал... Вот так... А вообще здесь прекрасно можно проводить время: охота, рыбалка, ягоды... Вот только некогда: рабочий день у нас с мужем не нормирован, бывает мотаемся по двадцать четыре часа в сутки... Но сегодня (не хуже чем на «материке») идем в кино. Будем смотреть «Летят журавли». Кстати, вы были в нашем клубе?..

И когда наступил вечер, вместе с эмтегейскими геологами пошел я в кино... Были у меня свои причины волноваться и раздумывать, когда снова передо мной летели кинокадры «Журавлей». В третий раз этот же фильм смотрел я совсем недавно — в октябре 1959 года, в Магадане.

Так вот, не знаю сам, это совпадение или судьба, но представьте себе, что перед поездкой я позвонил в Москве режиссеру-постановщику этого фильма, и магнитофон мне ответил: «Калатозова дома нет, если вы хотите что-то передать — говорите, запись будет длиться одну минуту». И я сказал: «Буду в Якутии, в районе действия вашего нового фильма, хочу с вами встретиться».

Этот мой шаг был вызван тем, что еще в Москве я стремился как можно больше узнать о тех местах, куда мне предстояло ехать. А Калатозов получил как раз «алмазный» сценарий и работал над тем же материалом, который волновал и меня.

Наша встреча состоялась. Через Калатозова я мог познакомиться с бывалыми людьми, ветеранами геолого-

разведки. Я узнал, что героиня кинофильма «Летят журавли» — актриса Татьяна Самойлова занята в новом фильме Калатозова «Неотправленное письмо». Геологи ищут алмазы! Можно было познакомиться со сценарием и ощутить новую оптимистическую трагедию наших дней. И здесь, в Эмтегее, мне показалось символическим то, что Вероника, сильная молодая женщина, пережившая войну, оказалась среди геологов, то есть там, где и положено быть Татьяне Самойловой в ее новой роли. И геолог Зоя Хрусталева была так похожа на юного геолога из «Неотправленного письма»! Даже показалось, что я раньше всех увидел на колымской земле то, что вскоре оживет на экране. Веришь, что новый фильм будет достоин подвигов алмазного Мирного, золотого Эмтегея и многих других больших открытий на карте страны.

Вот почему на Колыме и в Якутии, а затем на сибирских дорогах захотелось собрать таежные цветы и травы и подарить их той, которая обязана дышать запахами своей новой роли задолго до съемок...

Приезжаю я оттуда,
Где сердечный зверобой,
И, как истинное чудо,
Встреча новая с тобой.
Вижу, как неробкой тропкой
Ты одна идешь в тайгу,
Чтоб дружить с алмазной трубкой,
Жечь костры на берегу.

Равнодушно или пылко
Пахнут травы и цветы,
Неизвестно — чернобылка
Или сушельница ты.
А в тайге темно и дико,
Гаснут ландыши-огни.
Вероника, Вероника,
Вероника-Верони...
Как твой полдень разузорен:
Тут и радость и беда.
Ты наш папоротников корень,
Разная, как череда.
Журавли над краем вольным

Пролетели в голубом,
Нет, не клином — треугольным,
Неотправленным письмом.

Где же он? В глуши таежной
Или в шахте под горой
Сильный, вдумчивый и нежный
Твой взыскательный герой?
Приласкает? Пожалеет?
Будет слишком прост и груб?
Разозлясь, позеленеет,
Как сибирский стародуб?
Пусть возникнет он не вздохом,
А понятным ветерком
Над твоим чертополохом
Или белым плакуном.
Он — навечно! Он — недолог!
Он — исчезни и — вернись,
Он твой будущий геолог
И погибший твой Борис.

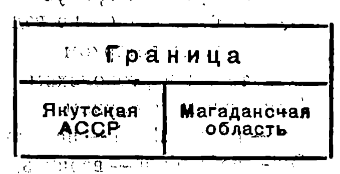
Повалила повилика,
Повелела: поверни...
Вероника, Вероника,
Тане руку протяни.
Выходи! Ты не актриса,
Нет, не спорь, геолог ты,
Это для тебя открылся
Мир, где вдребезги плоты,
Где находка и потеря,
Ожиданье и борьба,
Верность друга, ярость зверя
И жестокая судьба...
Ах, куда они пропали,
Почему молчат они,
Замечательные парни,
Как погасшие огни?..

Я жалею и желаю,
Я горюю и горю
С теми, кто родному краю
Дал алмазную зарю.

Это мерзнет утро-льдинка,
Это ветер просвистел:
Ты — спасенье, ты — травинка,
Девятильник-чистотел!..

Солнце уже село, только розовыми остались пестрые полоски облаков, когда возле речушки Тыэгей мы остановились у пограничного столба: 870 километров от Магадана и 603 до Хандыги...

Было восемь часов вечера по-магадански и семь — по-якутски. Володя нацелил свой ФЭД на железный прямоугольный щит, где было написано:

Граница	
Якутская АССР	Магаданская область

— Дай бог, чтобы хоть что-нибудь получилось,— сказал Володя.

Интересное название — Тыэгей. По-якутски «тыы» — легкая лодочка. «Эгей», как теперь выясняется, не только русский, но и якутский возглас. На Индигирке нам рассказали легенду об одном отважном якуте, который переправился через хребет Тас-Кыстабыт по его восточному склону, и с бодрым возгласом: «Эгей!» спустился на своей лодочке в новые края Нерского плоскогорья...

На правом берегу Индигирки, вернее на протоке этой реки, мне сказали:

— Вон в том домике живут у нас детишки, они сместисы...

— Метисы, вы хотели сказать?

— Ну, да: отец русский, мать якутка. Смешанная кровь, сместисы они...

И я решил отыскать «сместисов». В поселке Переправа познакомился с начальником дорожного участка Виктором Ивановичем Крусовым, его женой Евдокией Михайловной Слепцовой и тремя девочками: Ниной, Лидой, Таней.

— Вы очевидцы переходного момента,— сказал Виктор Иванович.— Здесь, на Индигирке, еще не совсем Якутия, но уже и не Россия в чистом виде...

Девочки все черноглазенькие, черноволосые, хотя папа блондин, голубоглазый. В двух комнатах чистота идеальная. Под окном — рыжий теленок, мордочка у него заиндевела: стоит в тени. И рядом — злой, как демон, пес Дог. Хозяйка, очевидно, продает молоко: к ней ходят с бидончиками, и Дог беспощадно облругивает тех, кто входит в дом, не вытирая ног.

Поселок Переправа приютился на берегу протоки Индигирки. Есть мост. А паром — метров пятьсот — семьсот от поселка: там течет сама Индигирка.

От последнего колымского поселка до Индигирки мы ехали примерно час. Но когда очутились в Якутии, выяснилось, что никакого пути мы якобы не проделали — то же самое время: восемь часов вечера. Местные жители могли бы нам сказать: «Вы прибыли к нам раньше, чем выехали из Магаданской области...»

Подобно золотой молнии брызнула Индигирка от Оймяконского нагорья к северу и разломала хребет Черского к востоку от Тюбеляха. На изломе у Индигирки возникли трагические пороги Бусика, названные в честь погибшего инженера, который отважился проникнуть в ущелье этой коварной реки. Я говорю об Индигирке «молния» и знаю, что ее течение к северу от того места, где мы сейчас находимся, поистине молниеносно: среди утесов река несется со скоростью двадцати километров в час. Говорю «золотая молния» и вспоминаю, как опытная Колыма вызывала молодую золотодобывающую Индигирку на социалистическое соревнование, выдвигая лозунг: «Дадим больше металла любимой Родине!»

Прошло двадцать лет с того дня, когда на правом берегу Индигирки, в устье реки Неры, обосновались геологи-разведчики. Они раскинули палатки, а позднее соорудили несколько бревенчатых избушек. Тщательные геологоразведочные работы подтвердили предположения советских ученых о наличии богатых залежей золота на северо-востоке Якутии. В глухой тайге один за другим возникали золотые прииски. Одновременно с ростом горной промышленности расширялся и поселок, который назвали Усть-Нерой. Четыре года тому назад он стал центром Оймяконского района... Но вернемся к трассе.

Индигирка — быстрая зеленая река. На берегу у па-

рома сидят люди, ловят хариусов. А рядом — маленький бревенчатый домик, и живут в нем паромщик Николай Трофимович Макарков, его жена Тося и сыновья Николка и Женя. И еще тут же проживает пес Акбар.

Старшему — Женьке шесть лет. Бегает он в худых тупоносых ботинках, и мать объясняет:

— Ну беда, обуви нет. Недавно на ягоды (я уже сдала двадцать ведер) купила Женьке туфли, так знаете, что получилось?

...Обул Женька новые туфли и пошел. Кому показать? Некому! Пошел он за ягодами на болото. Да и утопил под кочкой один туфель, боится домой идти — знает, что от мамки за новые туфли попадет. Сел под кустики и плачет. Потом уснул. Дома смотрят: час нет ребенка, два часа, четыре — забеспокоились. Взяли Акбара, пошли по следу. Часа полтора собака носилась среди болота по Женькиным следам. И пес нашел мальчика! Женька сел верхом на Акбара и приехал домой. Акбар, ясное дело, устал, он сбросил Женьку около домика на землю, взял его полусонного за шиворот и оттащил в угол...

Мы проехали по Хандыгской трассе совсем немного. Но уже успели пожалеть, что скоро вынуждены будем навсегда с ней расстаться... Едем по утренней якутской земле. Утро не солнечное, но теплое. Мороза нет, но дыхание видно. Остановишься, зайдешь в лесок — и пахнет поздней осенью — горько и сладко. Где-то в кустах лежит снег, не успевший растаять на мгновенном северном солнце.

Итак, мы в Якутии. Еще вчера, чуть ли не у пограничного столба, изменился пейзаж. Таких сопок в Магаданской области не встретишь: они сплошь покрыты оленьим сизо-зеленым мхом, и то тут, то там разбросаны темные пятна вечнозеленого стланика. Какое смелое сочетание светлой, сизой и ярко-темной зелени! Чаще попадаются огромные болота. Ягель. Толстые лиственницы. Тайга!

УСТЬ-НЕРСКАЯ ЛИРИКА

А ты возьми якутский край,
К примеру,
И в самом деле приезжай
В Усть-Неру.

На Индигирке целый флот
Рыбацких лодок,
И там на прииске живет
Твой самородок.
Твоя надежная любовь,
Большая вера.
Нет, ты поверь: не в глаз, а в бровь —
Моя Усть-Нера!

* * *

Что мне делать?
И это, и то — не годится.
Я люблю твое имя — ножом по коре,
Ненавижу твой голос:
«Опять экспедиция?»,
Твои руки, что держат меня в конуре.
Ненавижу за то, что ворчишь на Якутию,
И твердишь:
«Отдохнул бы хоть несколько дней...»
Твои нежные плечи руками я кутаю,
Ненавидеть тебя
Все трудней и трудней.

* * *

Ни того и ни этого
Не любила ничуть.
Был товарищ — и нет его,
Только профиль как путь.
В сентябре не от холода
Намерзала тоска.
Есть тревожная Вологда
И родная Москва.
Но Усть-Нера таежная
Может лет через пять
Не родной, не тревожною,
А единственной стать.

Возле Куйдусунского моста растут чозении — огромные, как пирамидальные тополя, только ветки не тянутся вверх, а плавно изгибаются книзу.

Перед Куйдусунским мостом надпись: «Проезд автомашин с грузом выше семи тонн запрещается». И не зря:

мост очень длинный, выложены по сваям широкие, в пять бревен, деревянные полосы-рельсы, и во многих местах мост прогибается, как висячий. Кругом стружки. Совсем недавно его починили, мост действительно был разрушен. Дело в том, что река Куйдусун изменила русло и теперь размывает левый берег — там сейчас работает бульдозер.

— Вода как морская, — говорит Володя.

Да, морская: зеленая. На реке запруда из леса, коряг — там хлещет невысокий пенно-зеленый водопад.

Проснулись сегодня в шесть часов утра и подивились, до какой степени вспыхнувшее солнце обострило нарядный иней. Он дивно-засверкал, перемигиваясь с желтыми прищуренными лучами. Каждая травинка рассеребрилась. Но уже девятый час, и от богатого инея и следа не осталось. В тайге длинная белая паутина, мошка лезет в уши и глаза.

Вчера вечером после переправы Володя убил зайца и утку. Утка упала далеко от берега, а озерцо глубокое, — как тут достанешь? Хотели лодку надувать, но не стали задерживаться.

Скоро Томтор, где находится Оймяконский аэродром. Не доезжая его, остановились у памятника летчикам: красная деревянная пирамида со звездой. Рядом — просто могилы, и там, где обычно крестится дерево, стоят восклицательные знаки столбиков с надписями: «Вечная память героям-летчикам!».

То и дело встречаются ребятишки якуты в школьной форме. Идут они мимо пологой черной горы по имени Томтор, что означает по-якутски «курган». Видимо, отсюда и пошло название поселка.

Томтор — небольшой поселок. Здесь несколько деревянных домиков, дизельная электростанция. В гостинице паровое отопление, но пока оно не налажено, и поэтому за спиной у меня душевно потрескивают лиственничные сухие полешки. Докрасна распалилась плита беленой кирпичной печки. В поселке весело: хохочет и кричит одетая в осенние пальтишки детвора, и повизгивают да посапывают многочисленные поросята. Свиней в этом году завела чуть ли не каждая семья. В сырой земле (натекло из нашей машины — я спустил воду, так как ночью было морозно) похрюкивала от избытка

счастья огромная свинья. Она рылась толстенным пятачком в грязи, а вокруг нее суетилось одиннадцать крохотных деловитых поросяток. Поросята месячные, розовые, голенькие. Валяются под солнышком в теплой сырой земле. Вот вам и подступы к полюсу холода!

Но возле гостиницы стоят железные бочки с водой. За ночь вода покрылась таким льдом, что на рассвете я его с трудом разбил толстой палкой.

Утром радио сказало: «...днем в Москве было шестнадцать градусов тепла...»

Я пошел на метеостанцию, узнал местную дневную температуру — четырнадцать градусов. Это в тени.

— А на солнце градусов двадцать — двадцать два будет! — сообщает Мирон Демьянович Усенко, начальник аэропорта.

Недобрым словом поминает он Министерства здравоохранения и просвещения ЯАССР. С 1953 года они не знают, что центр Оймяконского района не Оймякон, а Усть-Нера! И засылают свои грузы, адресованные в райздрав или в районо на Оймякон. Эти грузы лежат здесь месяцами, а в Усть-Нере порой сидят без медикаментов и учебников.

— Зла не хватает! — говорит Мирон Демьянович.— До сих пор продолжается...

Мы пошли на почту (у дверей вывеска по-русски и по-якутски) и тут же отправили две телеграммы в якутские министерства, сообщив, как следует адресовать грузы.

В Томторе пока Володя договаривался насчет гостиницы, я разобрал наше вверх дном перевернутое гнездо. И вот Володя приносит последние новости: здешние летчики обещают нам неограниченное количество авиационного бензина (я рад!), фотобумаги (рад Володя!), хорошее отношение и вообще — златые горы, но за это их надо «подбросить» до переправы.

А у нас правило — назад на машине ни шагу. Мы подумали-подумали и все же решили изменить своим традициям: столько раз за эту нашу трудную дорогу люди просто так, ни за что, помогали нам, выручали делом, бензином, ночлегом и даже деньгами, что мы просто были бы свиньями, если бы не выполнили эту просьбу. Что ж, поедем! Выгрузили весь скарб, так как завтра нам

все равно предстоит идти по бездорожью в Оймякон. И Володя повез летчиков на переправу, а я остался в гостинице аэропорта топить печку и дожаривать зайца.

Утро началось бурной Володиной деятельностью. Решил он перекомбинировать колеса. Что-то менял, ставил изношенную шину к внешней правой стороне и самоотверженно приговаривал:

— Это запросто! Два баллона почти вышли из строя, а запасной у нас всего один. Так что ехать надо до победного!

Итак, М-72 стоит на яме в гараже Оймяконского аэропорта. Разинув обе пасти (багажник и капот), машина стала похожа на «тяни-толкая». Володя ходит под ней, весь в масле. Посылаем телеграммы. В Магаданский горный техникум, чтобы выслали Володе программу в Якутск и на Якутский почтамт, чтобы задержали всю корреспонденцию, полученную на наше имя.

До вечера Володя провозился с машиной. В гараже нам дали какое-то особое американское масло и американский фильтр.

Пятнадцать лет назад, в годы войны, союзники завезли на Север столько авиационно-автомобильного добра, что его и сейчас полно: бочки лежат прямо на улице. Масло, которым нас «угостили», выдерживает, говорят, мороз в пятьдесят градусов.

Володя сказал:

— Не будем преклоняться перед Западом, однако отметим: что хорошо, то хорошо. Зато у нас есть такое, что пригодится американцам. Почему бы снова не наладить торговлю с Америкой? — И резонно добавил: — Тут, правда, не скажешь «запросто», однако «три — четыре» — и дело пойдет.

Двери в местном гараже по-хозяйски обиты оленьими шкурами. В гараже ремонт (сегодня белили), и наша машина вся в белых горошинах, словно она уже побывала на полюсе холода и ее обрызгала метель.

Днем звенел в траве у гостиничной завалинки голосистый кузнечик... А на следующий день...

В час дня по местному, хабаровскому, времени мы выехали из Томтора. Сразу же, минут через пять—семь, встречает нас знаменательный столб: «1000 км». Это значит — одну тысячу мы отъехали от Магадана. «А по

спидометру — четыре»,— говорит Володя. Дорога идет в желтых зарослях лиственницы.

Володя смотрит на подступающие деревья и уверяет, что здесь ехать веселее, чем по трассе. Встретилось озеро с отраженной в нем позолотой. А по озеру плещутся утки. Я взял «тулку», Володя «мелкашку», и мы пошли с двух сторон, в обход. Вернулись через полчаса ни с чем.

А вокруг — кольцевые сопки, словно обняли они огромное равнинное пространство с озерным пятнышком в центре. Подножия сопок видны со всех сторон. Горбятся над озером четыре зарода бурого болотного сена, да заброшенная избушка сонно протирает свои одинокие глаза.

В тайге все чаще встречаются березки. Трава как наша: высохшие стебли тимофеевки с полуосыпавшимися султанчиками, сухие зонтики тысячелистника. Кусты — карликовая береза, листья бурые, нет той красно-зубчатой разнотонности, как в Магаданской области. К земле прижались кустики голубики, мелкие овальные листики ярко покраснели и живыми кровинками просвечивают на солнце. Машина миновала озеро. Оно осталось у нас за спиной, но я его отлично вижу — оно отражается в зеркале нашего вездехода...

И летит, летит весь день серебряная канитель паутины — длинная, бесконечная... И стрекочут, стрекочут кузнечики, и столько их, как на среднерусском лугу летним полднем. Коровы, пасущиеся день и ночь без присмотра прямо среди тайги, ходят окруженные живым сероватым дымком: вьется мошка. А я-то думал, что хоть в сентябре эта «радость» пропадет! Но сегодня ветрено и мошки почти нет...

Володя часто спрашивает местных жителей, не пролетели ли гуси? Отвечают: «Рано». А паромщик на Индигирке приметил, что гуси летят, когда где-то близко лег первый снег.

— Мы всегда за гусями ждем большой снег.

Итак, снег не за горами, а за гусями.

Если на этой дороге вам встретятся несколько домиков и между ними копнушки скошенной травы, знайте, что подъехали вы к звероводческой ферме колхоза «Большевик» Второго Борогонского наслега.

Рядом, над рекой Куйдусун, будут важно расхаживать коровы и резвиться несколько якутских ребят (трое в торбасах, а четвертый в красных ботиночках на рантиках). Ребятишки быстро сообразят, что гостей надо познакомить с лисятами. Все четверо битком заполнят машину и, указывая дорогу, наперебой будут смело выкрикивать: «Направо», «Прямо», «Налево», пока вы подъезжаете к ферме.

Получив за свое лоцманство конфеты, они передадут вас — с рук в руки — Елене Николаевне Федоровой, а сами снова побегут к реке Куйдусун.

Как заведующая фермой серебристо-черных лис, Елена Николаевна прежде всего найдет нужным дать вам небольшую историческую справку.

И вы узнаете, что в 1953 году сюда завезли с Покровской государственной звероводческой фермы (Якутия) двадцать семь лис, но вот прошло несколько лет, и вместе с молодняком на ферме «Большевика» ныне сто двадцать пять голов.

— А теперь пойдемте! — И Елена Николаевна повела нас к деревянным (на столбиках) домикам, каждый из которых имел номер. Словом, мы шли по Лисьей улице, где проживали уважаемые граждане и верноподанные своего правителя по имени План.

У каждой лисицы — отдельная резиденция. Из домика серебристо-черная «дама» могла при желании удалиться в железную клетку, которую пристроили в тени, чтобы не выгорала лисья шкурка. Крыши у домиков легкие, того и гляди лисы пробьют их и убегут. Был такой случай. Поэтому на крышах лежат кругляши лиственницы, как шляпы.

Когда проходишь, лисы фыркают, рявкают негромко, но зло. А большинство просто убегает, прячется из клетки в домик.

— Какие злые! — удивился Володя.

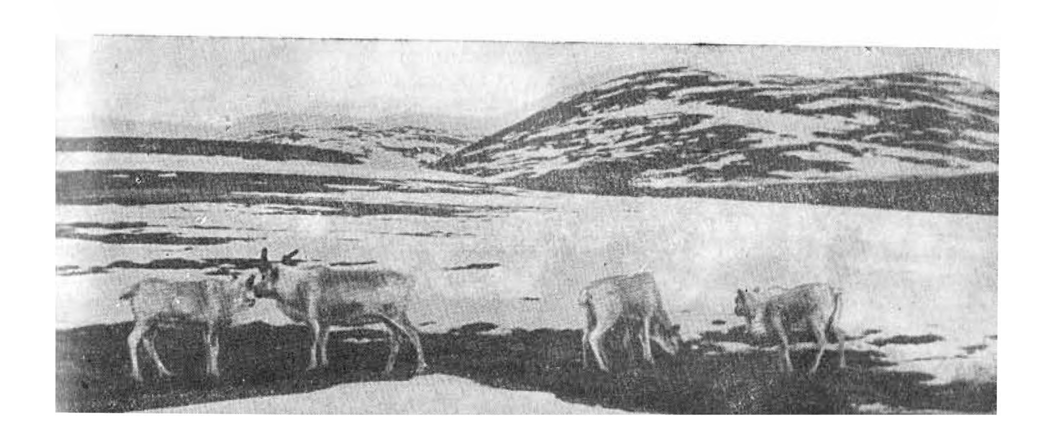
— Они ведь звери, а не животные,— заметила Елена Николаевна.— Тем более сейчас они линяют, нервничают...

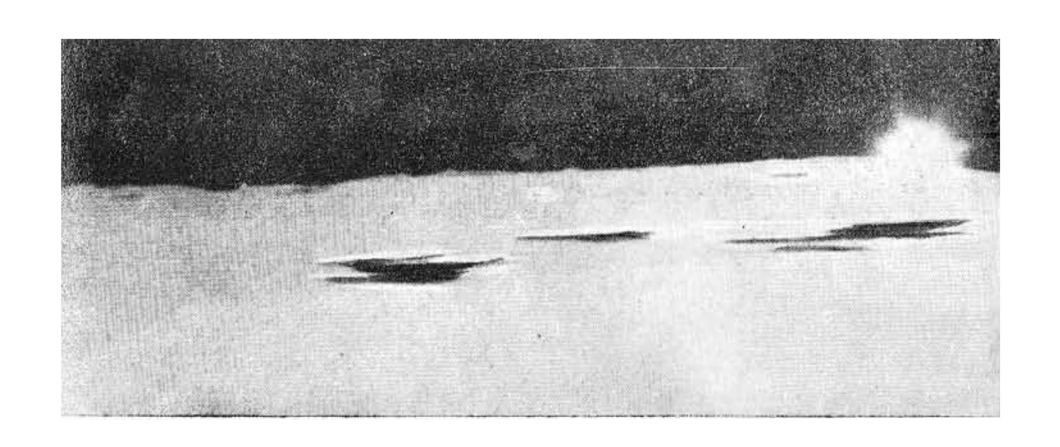
— Характер показывают, — уточнил Володя.

Чтобы различать их, дают имена. Самец Кюнней — пятно белое на грудке. Кюн по-якутски «солнце». Уордак — «сердитый». А вот самочка Кенгуру. Ее так назва-

Трудно сказать, какую из этих вершин можно считать полюсом холода. Об этом знали только олени, и они шепотом, на ухо, передавали друг другу свою великую тайну.

Но нам так и не удалось услышать, о чем они говорили...

Геологу Зое ХРУСТАЛЕВОЙ

Приеду в Полюсную долину,
Отвечу шинами на снегу,
Зачем нашел я и не покину
Все то, что высказать не могу.

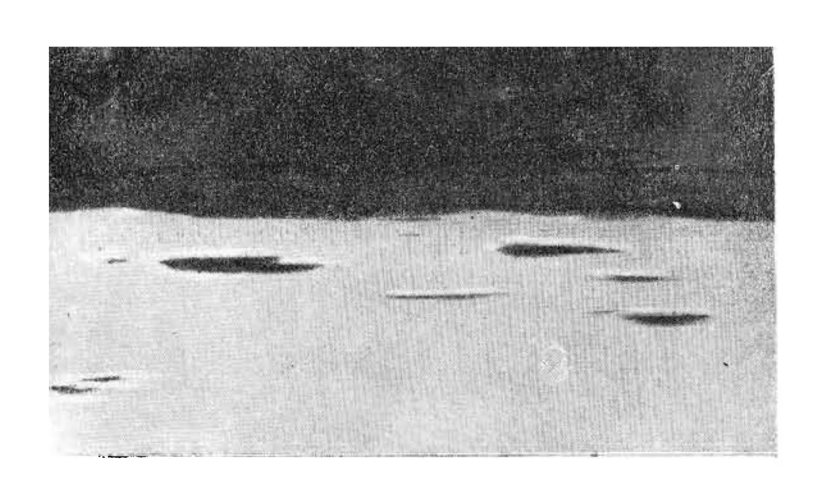
О юность творческого порыва!
Моя выносливая мечта —
Плотина Берингова пролива
И побежденная мерзлота!

Я знаю: в Полюсной той долине
Ты встретишь утро когда-нибудь
И удивишься, что там доныне
Не зарубцован мой шинный путь.

И сопки скажут тебе: «Не бойся!
Пусть на невечную мерзлоту
Придут младенческие колосья
И соберутся сады в цвету...»

И долго-долго и длинно-длинно
Читать ты будешь мой давний след,
И наша Полюсная долина
Захочет выслушать твой ответ.

И ты с уверенного откоса
На быстрых лыжах пойдешь одна
И переписывать будешь косо
Мои первичные письмена...

Северный мех — «мягкое золото» нашей державы.

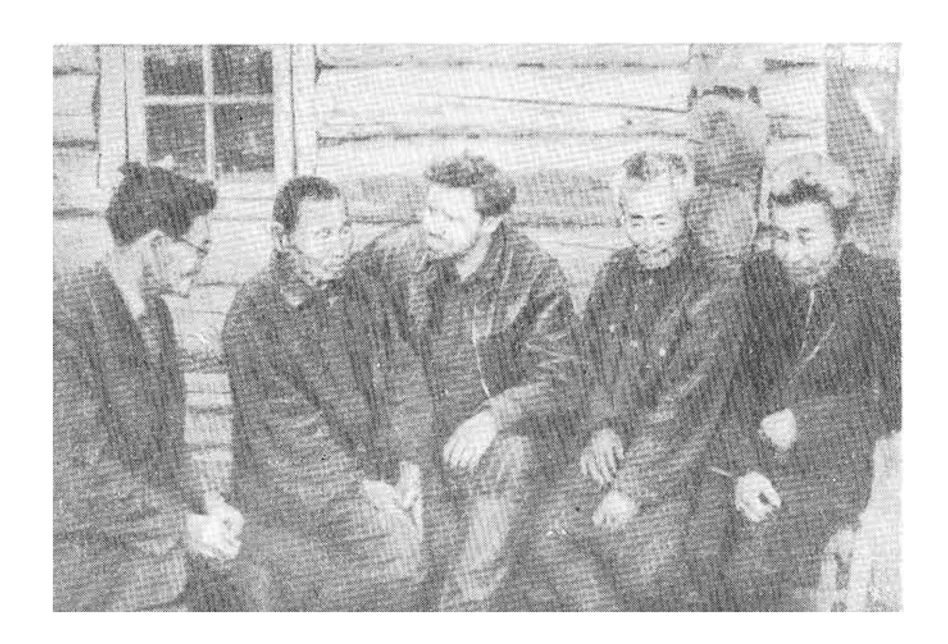
Мы хотим, чтобы звероводческие фермы были в каждом таежном районе, в каждом северном колхозе. Мы хотим, чтобы наши женщины носили самые лучшие наряды, кутались в самые богатые меха.

И тут мы услышали такую частушку:

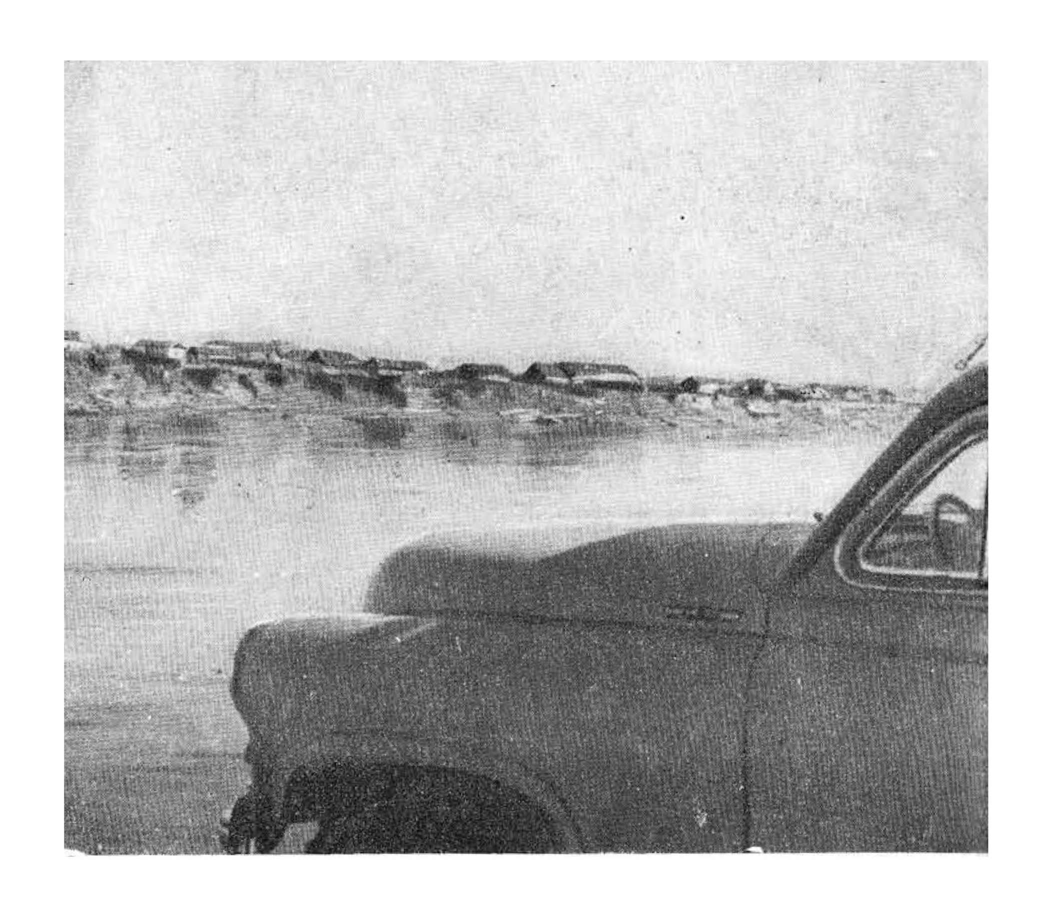
Серебристый снег, снег —
Словно чистый мех, мех,
Я зову всех, всех —
Оцените мой успех!

Так да здравствует мех! И пусть все больше и больше будет его в магазинах нашего государства, и пусть он стоит все дешевле и все чаще радует людей своими мягкими и теплыми красками...

Столетние старики якуты, их дети, внуки и правнуки...

На ферме серебристо-черных лис. Колхоз «Большевик».

Чешские путешественники — автомобилисты Зикмунд и Ганзелка переправляли свою «Татру» по Атлантическому океану от Африканского берега в Южную Америку. Кратчайшее расстояние между двумя этими континентами около трех тысяч километров. А длина русской реки Лены — около четырех тысяч километров! Покидая «чудную планету», колымский континент, мы позволили себе принять «водные процедуры» и совершили переход по ленской воде, переход, почти равный океанской переправе Зикмунда и Ганзелки!

И невольно подумалось, что наша величайшая страна, украшенная от юга до севера по крайней мере четырьмя крупнейшими реками (Волга, Обь, Енисей, Лена), — наша Родина как бы вмещает в себе пять континентов и, быть может, пятикрылая красная звездочка символически отражает и эту особенность великой советской державы...

...И мы увидели пытливое, радостное лицо современной Якутии...

ли потому, что когда она беременная ходила, живот был значительно больше, чем у других лис.

Тявкает, не открывая пасти, серебристо-черный щенок. Встал на задние лапы, глядит на меня круглыми коричневыми глазами, перечеркнутыми железной сеткой решетки. Весной и осенью лисят расчесывают гребнем, дают рыбий жир и ягоды — голубицу, бруснику. В семи—восьмимесячном возрасте, примерно в ноябре, когда хорошая шкурка, зверушек убивают. Выбирают лучших, «с ремнем» (черной полосой на спине), с хорошей, яркой серебристостью. Шкуры сушат и тут же производят первичную обработку.

Окончив сельскохозяйственный институт, Елена Николаевна с охотой поехала на Северо-Восток и вот уже четвертый год заведует фермой и, когда она говорит, чувствуется, ее волнует судьба якутского колхоза.

Я смотрел, как бегали живые «чернобурки» — черные, как смоль, с белыми кончиками на хвостах — и мысленно видел перед собой Елену Николаевну Федорову в мехах. Эта русская красавица с рабочими, натруженными руками достойна самых богатых и красивых одежд. И я знаю, я верю, что она будет их иметь, потому что все усилия нашего общества год за годом направлены к тому, чтобы жизнь простого человека становилась краше.

После знакомства со звероводами колхоза «Большевик» и его серебристо-черными лисами, мы на свой страх и риск ринулись на север, через лесотундру, мимо сопок — к полюсу холода. И опять повторилось: четыре времени года окружали наше путешествие. На сопках — зима, на деревьях — пестрая осень, в расщелинах и по обочинам похожие на сверла весенние ручейки, а сама дорога по-летнему пыльная и корявая, как высохший ствол поваленного дерева. Говорящие мосточки, ямы и ухабы на фоне ржавого, солнцем прошитого леса. Встретили якута, рабочего интерната, верхом на черном тупорогом быке, который тянул санки-волокушу, застеленные оленьей шкурой. На шкуре восседал сынишка якута. Рядом двигался табун коней.

— Здравствуйте! — поприветствовал Володя. — Кони пасутся, а вы на корове едете?

— Это не корова, а рабочий бык, — с невозмутимым спокойствием и достоинством ответил якут.

Но стоило очутиться в Оймяконской котловине, как погода заметно изменилась. Зимний колорит придавал окружающему лесу суровые черты, а разбитые мосты и завалы тормозили наше нелегкое продвижение.

И вот, наконец, Оймякон!

Я полагал, что приезд журналиста в этот отдаленнейший поселок для местных жителей все же какое-то событие. Но каково было мое удивление, когда из первого разговора с оймяконцами я узнал, что гости наезжают сюда довольно часто, а два года назад в Оймякон приезжали даже зарубежные корреспонденты. Не знаю, состоялась ли у них беседа с учениками средней школы? Ведь, начиная с седьмого класса, на полюсе холода изучают французский язык. Надо узнать.

На берегу Индигирки выстроена школа, больница, клуб, много новых добротных домов. А где те убогие юрты, о которых писал академик С. В. Обручев? Их нет и в помине. Оймякон — это Первый Барагонский наслег, как называют в Якутии поселковые Советы. Сюда входит и скотоводческий колхоз имени Ленина. Колхозная дизельная электростанция раздала лампочки Ильича тем самым якутам, для которых в прошлом полюс холода был ледяным погребом. Советские годы подарили им свет и тепло. Этот свет излучается не только под вечер, когда можно щелкнуть выключателем и прочитать газету или книгу на своем родном языке. Свет достоинства, уверенности и привета искрится в глазах у якута, когда он ласково называет русского «нуча» или объясняет, что такое «шепот звезд»:

— Мы раньше не понимали, почему на большом морозе раздается при дыхании легкий шум. Выйдешь из юрты и кажется, что это звезды шепчут свои тайны...

Полюс холода! Температура около семидесяти градусов ниже нуля. И наверно, только здесь, когда дышишь, пары теплого воздуха моментально замерзают, становятся маленькими ледяными кристалликами, несколько мгновений трутся друг о друга, и слабый шорох вызывает в воображении таинственный шепот, на который способны только звезды...

Председатель сельсовета Марина Даниловна Товарнова, якутка, почти ровесница Советской власти. Ей сорок два года.

— Здесь родилась, — говорит она, — здесь живу и до смерти намерена.

Марина Даниловна Товарнова рассказала о себе и о людях своего поселка, о якутской интеллигенции. И мы узнали, что Николай Марин окончил в Ленинграде финансовый институт, а Василий Заболоцкий — Львовский экономический. Оймяконская учительница биологии Мария Готовцева улетела на курорт в Сочи, а Акулина Туласыпова учится в Иркутске на факультете иностранных языков.

Много в Оймяконе приезжих. Гамаюнов Владимир Александрович, заведующий оймяконской больницей, и жена его, Татьяна Викторовна приехали сюда недавно. В Рязани они окончили медицинский институт. Их дочка Верочка родилась уже на полюсе холода. Отец Гамаюнова, заслуженный летчик, весь в орденах, прилетал к ним в отпуск. Кое-кто удивлялся: «Все едут с севера на юг отдыхать, а вы наоборот», на что летчик Гамаюнов ответил: «Летом на полюсе теплее, чем зимой на юге, а для меня Оймякон теперь не просто полюс, а родной дом». И он принял участие в большом национальном празднике Ысыах: борьба, бег, соревнования в прыжках на одной ноге... Специально для этого праздника делали кымыс. «Чтоб вам было понятно, — это якутское пиво, — пояснила Мария Даниловна, — только белое...»

Как я уже говорил, недавно сюда приезжали корреспонденты иностранных газет («Унита», «Юманите» и одной шведской). Прилетали они в октябре, взяли ЗИС-150 и — на полюс холода. Дорога плохая. В Оймяконе Товарнова водила их по поселку. Зашли они и в среднюю школу, говорили по-французски с учителем и ребятами. Обратно с ними в машине ехал старый якут. Ему нужно было в больницу, в Якутск. Кто-то по дороге подстрелил куропатку. Иностранная пресса повесила эту птичку к поясу больного якута, и все его фотографировали. Экзотика! Ну, хорошо, пусть так. Но было бы полезнее сфотографировать ребят, которые говорили с ними по-французски. А как раз это не было сделано.

Не знаю, что написали корреспонденты о полюсе холода. Думаю, они бы сказали правду, если бы отметили, что никто здесь не ощущает себя заброшенным на край земли, никто не скажет «оймяконский погреб», потому

что на полюсе много горячей, нужной работы. Совсем рядом люди научились выращивать картофель и такие парниковые овощи, как капуста, редис, даже огурцы...

Как и следовало ожидать, резина опять нас подвела. Когда Володя клеил камеру, к нему подошел якутский мальчик и сказал:

— Дядя, дай мне один баллон. Я его надую, дырки нет сделаю и летом купаться буду...

Но у нас на всех баллонах «дырки есть сделаны».

Оймякон — полюс холода, где индигирский июль ныряет и плещется в широкой воде, — одно из самых сильных наших полюсных впечатлений.

На память о полюсе холода мы с Володей купили на оймяконской почте по нескольку билетов денежно-вещевой лотереи. На полюсный билет да не выиграть теплую шубу! Володя был уверен, что непременно выиграет... И теперь я могу сообщить: шубу не шубу, а ленинградскую авторучку, которой я сейчас пишу, полюс холода мне подарил.

Ужинали в столовой. Вкусно. Но говядина, а мы-то мечтали (для экзотики) об оленине! Обратный путь — уже испытанные дорожные мучения.

Володя на оймяконском автопролазе сказал, что за этот стодвадцатикилометровый рейс машина износилась, словно проделала тысячу километров.

В самом слове — полюс, слышится что-то острое, возвышающееся, словно это какой-то пик. Надо сказать, что вокруг горы, увенчанные снегом, и трудно определить, какая именно возвышенность — полюс. У подножия этих гор можно найти запоздалые потухшие цветы осени и, сорвав такой цветок, невольно обращаешься к нему со стихами.

Я слышал, что по склонам, без дорог,
Ты робкий отзвук северных сияний,
Дитя больших, возвышенных тревог,
Свидетель наших песенных дерзаний.

И исключительная контрастность. На этой же географической параллели, неподалеку от полюса холода, на берегу озера — так называемая «командировка».

Домик в два оконца. И живут в нем Пименовы Иван да Марья с десятилетним сыном Мишкой. Иван да Марья

работают на гидрометеопосту — ведут наблюдения за водным режимом озера, измеряют температуру и осадки.

— Когда человек дерзает, он как бы окрыляется, — говорил мне на этой «командировке» Иван Пименов.

— И давно вы тут живете?

— Здесь мы уже два года. А вообще в тайге — одиннадцать лет. Я с Кузбасса, а она с «Бурмундии», то есть из Бурят-Монголии...

Я стал расспрашивать Ивана Пименова о полюсе холода и узнал от него много нового.

— А знаете вы, что такое тарыны?

Иван взял мою дорожную карту и положил свой палец на беленькое пятнышко, где было написано: «г. Мус-Хая. 2959».

И он рассказал, что неподалеку отсюда, на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, на горе Сунтар-Хаята работает высокогорная гидрометеорологическая станция.

— Грунтовые воды за лето не успевают растаять. Из них образуются огромные ледяные поля, настоящие ледники... Тарыны!

Лето здесь почти совсем не ощущается. Это и есть полюс холода, на котором даже летом сохраняются ледники...

Кто бы мог подумать, что десять человек, отрезанные, казалось бы, от мира ледяными глыбами-полями, не только не чувствуют себя отшельниками, но и выписывают журналы, газеты, в том числе и... «Магаданскую правду». Да, это, пожалуй, единственное место на северо-востоке Якутии, которое так тесно связано с Колымой. Прошло полмесяца, как мы расстались с колымчанами, но вот снова в краю многолетних мерзлотных пород послышалось: «Магадан». Это слово повторяют на леднике полюса холода восемь раз в сутки.

— Я Сунтар-Хаята, я Сунтар-Хаята... Магадан, ты меня слышишь?

Магадан слышит тебя, полюс холода!

Колымское управление гидрометеослужбы принимает служебные радиограммы и данные о географических условиях развития ледников, о тарынах и об осадках.

Сорок пять раз садились у подножия горы самолеты, чтобы забросить сюда тридцать тонн продовольствия, пси-

хрометрические, минимальные и максимальные термометры, барометры, самопишущие приборы и шары-пилоты, которые запускаются четырежды в сутки. Крутые подъемы и спуски, затрудняющие продвижение, туманы, бураны и снегопады... Горные бараны, нарушающие однообразие высокогорной жизни. Никакой растительности. Стройматериалы, сбрасываемые с самолета... Все это придает станции Сунтар-Хаята, пожалуй, единственный в Советском Союзе облик: настоящая героика среди ледяных тарынов.

Полюс холода — географическое понятие.

Но если рассматривать эти два слова, как метафору, то мы ее можем понять, как вершину всякой скованности, безмолвия и отчужденности. Однако это утверждение на якутской земле опровергает не только поселок Оймякон, но и ферма серебристо-черных лисиц, и местные авиаторы, и, наконец, станция Сунтар-Хаята. И даже когда-то дикая Хандыгская трасса, неутомимая подруга полюса холода, как бы согревает его своей хлопотливой оживленностью и легендарной поэтичностью. Три горных потока, три товарища — Сунтар, Учюгей-Юрях и Агаякан — встретились у Хандыгской трассы и заспорили, кому будет принадлежать красавица Кюенте? Все свои взволнованные дары друзья принесли и бросили к ногам своевольной Кюенте, и она приняла их и... убежала посоветоваться к Индигирке. А три товарища все ждут и надеются, и участок дорожников Агаякан становится грустным свидетелем их бесполезного ожидания.

Кёбюме, или все на трассе называют его Кубома — видный поселочек. Восточные ворота Томпонского района с его центром Хандыгой на Алдане, которая находится отсюда в 324 километрах. Расстояние пустяковое с точки зрения автострад но, как нам сказали встречные водители: «Горя хлебнёте».

Подымаемся все выше, выше в горы, резина прямотаки топчет туман, и вот уже 1213-й километр от Магадана — самая высокая точка хребта Сунтар-Хаята.

У Верхоянского горного кряжа десятки филиалов — больших и малых. Сейчас мы забрались на Сунтар-Хаятскую крышу, на водораздел между притоками Индигирки и Алдана. Казалось бы, тут и конец. Нет! На пути еще вырастет новый горный гигант, и, точно острога в хребти-

стую рыбу, в него вонзится своим синим наконечником Восточная Хандыга.

И там, где этот гигант, Сетте-Дабанский хребет, особенно костляв,— наконечник реки не сломается, а как иголка прошьет извилистую, крученую прошву и потянет за собой в распадках быструю ниточку Восточной Хандыги на запад.

Метеостанция Восточная... Перевалив хребет Сунтар-Хаята, мы нырнули под гору и встретились со своей новой и бессменной провожатой до самого Алдана — Восточной Хандыгой.

Хандыга — речка бурная. На ее берегу разговаривать не приходится — все равно ничего не слышно! Потому что громче всех говорит сама зеленоволная красавица. С ревом, оставляя за собой темные, цвета бутылочного стекла воронки, несется она среди сопок — далеко и долго.

Справа от дороги поднялась крутая высоченная сопка, вся багровая и до того по-осеннему яркая, что даже в пасмурный день от нее становилось светлее на душе. К подножию сопки прилепились домики, в которых живут дорожники. Поселок Прижим стоит на высоком каменистом берегу у зеленой, как море, речки Хандыги. Берега ее поросли шиповником. На колючих ветках висят продолговатые, рубиновые ягоды. Они так переспели, что видно на свет каждое зернышко. А вчера ночью ударил мороз, и ягоды осеннего шиповника стали слаще вешнего майского меда!

На 1330-м километре от Магадана встретилась нам первая елочка. Высокая, тонкоствольная, лапы-густые, нераскидистые. И так ярко выделяется эта зелень на фоне желто-красной примелькавшейся уже парчовости! Да, когда смотришь издали на сопки (в солнечный день, а не сегодня), то красно-буро-зеленый их покров ощущается как ворс ковровой дорожки — бурое, красное и зеленое.

От дорожной дистанции Прижим и начинается целая серия опасных проходов в скалах хребта Сетте-Дабан.

«Командировка» дистанции Росомаха. Две палатки и два тырдоха (юрты). Живет заправщик и несколько самосвальщиков. Рядом течет ручеек, впадает в Хандыгу. Но прежде чем сюда приехать, мы одолели один из самых сложных прижимов — Дураковский.

Растянувшись почти на два километра, он вьется по крутому обрыву петлями на высоте триста шестьдесят метров. Хандыга внизу кажется крохотной: похоже, что кто-то разлил зеленые чернила, и вот они льются по светлому песчаному берегу узеньким, извилистым ручейком. Над дорогой нависают темно-серые и желтые, ржавые и голубые влажные от небольших водопадов камни. Строил этот участок дороги прораб Дураков.

Далее — прижим Черный, над которым нависают темные скалы, следующий — Желтый; возле него строится новая метеостанция, белеют две палатки. Над входом одной из них пришита медвежья лапа.

Прижим Ласточкин Хвост. И вот что здорово: стоило нам перевалить через хребет — и сразу тебе осинки да рябинки.

За Росомахой — Пшенный прижим и Чурочный (на память о газгеновой эпохе). Таким образом, в глубине Хандыгской трассы я снова встретился с любезной моему сердцу Колымой и, разумеется, вспомнил Лушникова, Хоперского и Репницкого, которые так хорошо говорили о подвигах шоферов и о «хитрых» чуркокомбинатах. И еще приятно мне было встретить у ручья автобус и два грузовых такси — полевая партия из Магадана. Вместе с ними ходил я на охоту (первый рябчик), собирали мы голубицу, вспоминали знакомых, и вдруг я себя почувствовал бывалым колымчанином с особенной «ягоднинкой»...

Томпорук — дорожник и геологоразведчик. На северо-восток он проложил трассу до Тополиного (200 километров) и далее налаживает «зимники» от реки Томпо к Полярному кругу. А на юге Томпорук ведет разведку на Дыбы и Усть-Наталью. Была такая сказка: машина стояла на мосту, и в зеркале отражался кусок скалы, на ней голая сухая лиственница и внизу — зеленые волны Хандыги с белыми гребешками. И эта бегущая в обратную сторону вода, отраженная в зеркале, возвращала нас назад, пробуждала воспоминания о милой колымской земле...

Если вам придется побывать в Хандыге — обязательно отыщите ответственного секретаря хандыгской районной газеты «Красное знамя» Дмитрия Петровича Григорьева. Такое впечатление, что он всех знает и все знают его. Кое-кто, обращаясь к нему, говорил «товарищ от-

ветсекретарь». Вы поедете с ним за Алдан, на участок Сайдыы и познакомитесь с Иваном Андреевичем Охлопковым. И Григорьев скажет:

— Наш знаменитый олонхосут. — И обращаясь к Охлопкову, попросит:

— Может быть, вы что-нибудь исполните для наших гостей?

Вспоминаю нашу встречу с олонхосутом Охлопковым.

Олонхосут — якутский сказитель — не заставил себя долго просить, но прежде чем запеть, он тщательно и необычно для меня готовился. Поставил табурет к окну, снял рубаху, закатил рукава ночной сорочки и правую ладонь приложил к лицу, словно отгородился от всего на свете. Наклонившись чуть вбок и покачиваясь, он запел. Его пронзительный голос иногда как бы раздваивался, создавая странные звуковые сочетания: что-то звонкое и гортанное одновременно. Григорьев тут же довольно громко переводил слова песни — фразу за фразой, — и это тоже было для меня необычно. Получалось, что в конторе звучали сразу три голоса...

Вот слово в слово перевод импровизации знаменитого районного олонхосута Ивана Андреевича Охлопкова.

«...Наши предки жили худо, одевались плохо, и народ был в изгнании. Люди ходили вроде виновные, работали у богатых. Виски[1] между солеными озерами — следы их слез. Тяжелый гнет царизма давил плечи наших предков. Только русские, которые где-то далеко на юге родились, изгнали от нас этот гнет. Великий человек Владимир освободил нас из вечной тюрьмы. Он показал нам второе солнце. Он направлял эту счастливую жизнь своей правой рукой, и по направлению этой руки идет наша ленинская партия. Разбогатела якутская земля. Крупные колхозы в улусах образовались. По воздуху летят самолеты, а по земле идут могучие тракторы, и даже из Москвы на машине приезжает к нам гость. Мы живем радостно, приветствуя свое отечество и свою такую счастливую жизнь. Неужели голодные волки из-за границы нападут? Ну! Мы должны им сказать: не имейте зла ростом с верблюда, а добра ростом с мошку. Давайте обо всем догово-

---

[1] На севере Якутии проточки, соединяющие озера, называются висками.

римся по-хорошему. Мы должны им сказать: учтите, мы самое крупное хозяйство в мире, нас никто не победит. Так что не показывайте свои клыки, не поднимайте шерсть на спине. Мы — Красное знамя, и никогда, ни один цвет не победит красное. Советская Родина стоит как великий пик мира. Пусть родная партия неутомимо руководит. Эту песню я посвящаю тебе, русский поэт».

Мне хотелось тут же ответить олонхосуту Ивану Андреевичу Охлопкову экспромтом, но, не обладая даром импровизатора, я вынужден был в прозе высказать все, что чувствовал... Иван Андреевич принял мои восторги, но попросил Григорьева передать, что он хочет услышать стихи русского поэта в исполнении автора. И я прочитал «Балладу о четырех дорогах», посвященную высокой дружбе советских народов. И опять повторилось непривычное для меня. В конторе звучали сразу два голоса. Но теперь Григорьев переводил мои стихи на якутский. Иван Андреевич в такт кивал седой головой, а когда я кончил, сказал:

— У пешего — посох, у всадника — кнут, а у тебя, олонхосут, — крылатое слово: смелее на него опирайся и вовремя подгоняй мысль...

Меня поразил этот, как видно только что сочиненный, афоризм и добрый совет. И мне было неудобно, что он назвал меня таким высоким словом и этим как бы приравнял гостя к себе...

А Степан Поликарпович Захаров, стосемилетний старик, опять же через Григорьева, заметил:

— В этой конторе до сих пор раздавались только цифры и деловые речи. Мне сто семь лет, из них сто лет я кое-что понимаю. За всю свою жизнь ни разу я не слышал, чтобы в казенном месте читали стихи. И сразу два олонхосута. Для меня это удивительно и приятно.

И олонхосут Охлопков кивнул в знак согласия, но тут же возразил:

— Песни и цифры не враги. Песня должна быть точной, как цифра, а цифра звонкой, как песня. Наши песни и цифры — сестры. Когда бежит лошадь, не отстанет и собака, когда красивая цифра, за ней и песня хорошеет... Пусть живут рядом. И хорошо бы почаще их слышать именно в конторе...

— Да, хорошо, — согласился стосемилетний Захаров.

Несколько дней назад пришли газеты с лозунгами ЦК КПСС к годовщине Октябрьской революции. И два из них, написанные по-якутски и украшенные пучками ячменя, уже висели над нами. Даже не зная языка, можно было по буквам безошибочно понять начальные слова: «Колхозники и колхозницы!..» А на другой стене: «Да здравствует...» Таким образом наши беседы и стихи находились в праздничной раме и по существу как бы развивали тему первого лозунга и завершались возгласом, который могли бы выкрикнуть наши сердца.

Я долго находился под впечатлением Охлопковской песни-олонхо. Особенно запомнился такой образ: «Никогда ни один цвет не победит красное». И преисполненный раздумьями о том, что принес красный Октябрь всем советским народам, я снова обещал себе беречь, как любимую, и драться, как воин, за огненную чистоту нашего знамени.

ЦВЕТ ВРЕМЕНИ

Кровь голубая и черная сотня,
банда зеленая, белая рать,
ринулись все,
　　чтобы красное наше,
　　кровное наше
　　в могилу вогнать!
　　Но в облаках,
　　на земле
　　или в море,
　　нет, никогда не умрет этот цвет,
　　как не исчезнут
　　багровые зори,
　　алый восход,
　　кумачовый рассвет!
　　Красная гвардия — красные банты.
　　Красные ленты — у партизан.
Выбиты
желто-блакитные банды,
выброшен
черный барон-атаман.
　　Первые наши советские годы,
　　трудная летопись новых времен:
　　«Красный путиловец»,

«Красные всходы»,
«Красная Талка»,
«Красный кордон».
Год Сорок Первый.
Военное лето.
Снова страну
опалила беда:
Черный десант,
голубая дивизия
или коричневая орда —
жадная нечисть различного цвета
красное хочет стереть навсегда.
Но — победили! Осилили это.
Снова идут за годами года.
Снова
(о, как это глупо и пресно!)
вьется,
как черт полосатый,
галдеж:
черные списки и желтая пресса
«Белая книга» и грязная ложь.
Только ведь Красное —
это грядущее,
не побороть его,
не задушить,
судьбы народов
прошила ведущая
самая крепкая
красная нить!
Может от бурь, от дождей или пекла
вдруг мы заметим: немного поблекло...
Что же,
возьмите тогда мою кровь.
Только бы красное не увядало,
только бы вечно оно расцветало:
Красное знамя,
Красная Пресня,
Красная площадь,
Красная новь!
Цвет революции неугасимый!
Самый надежный
И самый любимый,

грозный
и нежный —
решительный цвет.
Нет ничего справедливей, чем это:
драться от имени красного цвета,
драться во имя любимого цвета
на баррикадах нелегких побед!

Здесь на Алдане, неподалеку от хандыгского колхоза «Победа», отбывал в свое время ссылку выдающийся рабочий-революционер Петр Алексеев. «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» Эти слова Петра Алексеева, процитированные Владимиром Ильичем, каждый юный гражданин в нашей стране узнает со школьной скамьи. Не символично ли, что в районе ссылки Петра Алексеева и многих других его соратников по революционной борьбе, ныне утвердилась «Победа» — якутский колхоз-миллионер с его одиннадцатью тысячами оленей. А рядом, на правом берегу,— артель имени Ленина, а на левом — имени «Правды». И все эти дорогие для нас слова как бы освещают лучами своих значений нелегкий путь, пройденный Хандыгой за годы Советской власти.

Самый северный сельскохозяйственный район (дальше уже никто не занимается скотоводством — дальше только олени) Хандыга в царские времена была забытым, темным уголком бывшего Байягантайского улуса Якутской волости. Теперь этот поселок — один из лучших районных центров Якутской республики. И как это постоянно бывает на Севере, Хандыга любит показать то, что уже сделано, и поговорить о своих близких и далеких перспективах. Взять хотя бы такие даты и цифры, которые по словам олонхосута Охлопкова «звонкие, как песни»:

1953 год — 380 кг
1957 год — 685 кг
1959 год — 950 кг

Речь идет о среднем по району надое молока от каждой фуражной коровы. Шесть лет. И что ни год — дополнительно по сто килограммов молока.

И знаменательно то, что уже не только Сибирь, но и дальний Северо-Восток привлекает внимание наших зарубежных друзей. Пусть сегодня Индигирка и Лена — завтра, я уверен, изумленная заграница захочет посмотреть в золотые глаза Колымы.

На Алдане мы узнаем, что недавно в Якутии гостила группа французских деятелей киноискусства и прессы. Направленные в республику Обществом французско-советской дружбы кинооператоры засняли цветной фильм для кинохроники, а писатель Арман Гатти опубликовал большой репортаж о Якутии в журнале Общества «Франция — СССР». Репортаж назывался «Экспедиция в Якутию — империю холода и страну золота». В начале репортажа автор говорит тем иностранцам, которые побывали «в классическом треугольнике Москва — Ленинград — Одесса», что они не знают Советского Союза. Автор утверждает, что Советский Союз — это прежде всего Сибирь и Северо-Восток...

Гатти считает, что величие советских достижений заключается не только в школе, госпитале, клубе, построенных на берегу Черного моря или в Калининградской области, а в том, что... «люди, как например в Якутской АССР, сумели построить нормальную жизнь в условиях, где зимой —60, а в единственном летнем месяце +40 градусов».

«Народ объединен в одной и той же борьбе против грозных ужасов холода, — пишет А. Гатти. — Эта земля, над которой они столько поработали и еще столько поработают, в конце концов должна поработать для них».

Явление вечной мерзлоты и связанные с ней проблемы жизни, труда, строительства и эксплуатации природных богатств Якутии занимают большое место в репортаже Армана Гатти. В условиях вечной мерзлоты человек, по свидетельству Гатти, построил нормальную жизнь, так неужели отношения между государствами нельзя вывести из состояния «мерзлоты»?

Большой репортаж Армана Гатти о Якутии в журнале «Франция — СССР» пусть будет эпиграфом к новой повести о сотрудничестве и дружбе советского и французского народов.

Недавно Якутия отметила трехсотую годовщину своего присоединения к России. Но только за сорок совет-

ских лет «империя холода и страна золота» шагнула в своем развитии значительно дальше, чем это было сделано за три столетия.

Октябрьская революция привела феодальную Якутию в социалистический мир, и бездорожья капитализма остались где-то за бортом ее истории.

У якутов очень восприимчивый характер.

— Мы стараемся усвоить все новое. Почему не воспринимать, если это лучше? Мне вот скоро 50 лет, и я это наблюдаю с детства, — говорил ответственный секретарь хандыгской газеты «Красное знамя» якут Дмитрий Петрович Григорьев.

О чем мечтает Якутия? О каких новинках? Соревнуясь с Магаданской областью, она решила обогнать свою восточную соседку. Алмазы — вот ее надежда!

Завтра — сегодня.

Да, сегодняшний день с революционной высоты Октября хорошо видит свое будущее. Первая семилетка, вторая, третья...

Вперед, семилетка!

Аккумулируй наши сердца бодростью и отвагой. Как хорошо подчеркивать и выявлять самое лучшее и прогрессивное, свидетелем которого неизбежно становится каждый.

Семилетка, вперед!

Я люблю наше большое Советское время. Оно дает нам такой удивительный сплав благородной солидарности, героизма и подлинного трудового счастья, что те темные краски, которые преподносит нам иногда жизнь, не в состоянии омрачить настроение искрящееся и деятельное, как не в силах пятна на солнце пригасить или очернить главное, — быть свету и быть теплу!

И ты планируешь «свою семилетку», которую хочешь выполнить досрочно. Только бы сил хватило! Вспомни друга своего, погибшего на войне. Ты остался за него и хочешь сделать вдвое лучше и больше.

И обидно тебе, что так и не пришлось побывать в оловянном Иультине. И Север так тебя захватывает, что хочется на вертолете отправиться в новое путешествие от чукотского Эгвекинота на Средне-Колымск через якутский райцентр Хону и дальше по курсу Северного полярного круга над Таймыром и Ямалом к Тереберке

Кольского полуострова. Какие там стройки? Какие должны быть люди!

На этом я заканчиваю четырехмесячные записки о путешествии на автомобиле к полюсу холода.

На вопрос: «Что же было дальше?», могу ответить: «Путешествие продолжалось». И, наверно, я еще напишу книгу «На автомашине — к якутским алмазам».

Не говорю «прощай» — до свидания, самоотверженная и щедрая Колыма! Нежные мои скалы...

С огромным сожалением и болью вынужден я навсегда расстаться с этой книгой, которая слишком дорога мне, чтобы так вот просто взять и поставить точку... А хотелось бы повторить маршрут — день за днем...

Великие поэты и мыслители прошлых веков высказывались о золоте, как о солнце металлов, как о сиянии земли и украшении мира. А потом алчный капитализм обагрил золото кровью и отметил его «подлый» блеск... И только наш Октябрь поднял человека на такую высоту, что стало видно: наши современники, соотечественники — они и есть украшение советской земли и сияние нового социалистического мира. Золотая гвардия преобразователей обширных континентов. Золотая молодежь. Золотые самородки человеческих судеб. Самое дорогое золото в мире — золотые советские люди.

ЭПИЛОГ

Нет, никогда мы это не забудем:
сверлила боль и подымал восторг,
прекрасен был и бесконечно труден
наш первый шаг: Москва—Владивосток.
Стараясь быть щедрей и откровенней,
встречая дни, которым нет цены,
я первый сноп счастливых впечатлений
собрал с автодорожной целины.
И, получив на сбобщенья право,
(я все же видел сорок областей!)
скажу, что кровно так и величаво
лишь Колыма пришлась душе моей.
Я полюбил плечистые просторы
и голубые косы дивных рек,
где дарит Родине златые горы
выносливый колымский человек.
Очарованье встреч неповторимых!
О мужество, окрепшее в борьбе!
Там сноп второй вязал я на прижимах
и целый год уже на молотьбе.
Как вспомню... невеселая картина...
Дороги нет... метель волос седых...
Штурмует полюс холода машина...
Да здравствует упорство молодых!
Однако верю я (не все ведь сразу) —
по Колыме в свой отпуск, в свой черед,
как по Уралу или по Кавказу,
захочет путешествовать народ.

...Пускай под Новый год, уже с рассвета
мне край совсем иной необходим,
но я-то знаю, «чудная планета»,
что вечно буду спутником твоим.
Остался бы, себя отдал всецело,
и славил магаданскую зарю,
когда б не государственное дело —
идти от Колымы на Сыр-Дарью.
По мерзлоте и по хребтам раскосым,
через тайгу, в пустыне древних лет —
отечественным, горьковским колесам
советский утвердить приоритет!
Идти вперед!
И так же неустанно
всегда осуществлять свою мечту,
как трасса, что бежит из Магадана
и сразу набирает высоту.
Есть замысел. Огонь высокой клятвы.
Он обжигает радость и тоску.
Торопит он на поле новой жатвы,
чтоб третий сноп собрать по колоску
«Пятнадцать стран советских» —
вот концовка
трилогии... Я время горячу...
И верится: «в коммуне остановка»,
иначе я и мыслить не хочу.
В коммуне! Там завязывают села
восходами колосья целины,
и молот атомного ледокола
и лунный серп, как в гербе скрещены!

Москва—Магадан
1959 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Виктор Аркадьевич *УРИН*

ПО КОЛЫМСКОЙ ТРАССЕ —
К ПОЛЮСУ ХОЛОДА

Редактор *В. И. Геллерштейн.*
Оформление художника *А. Ф. Когана.*
Художественный редактор *Н. Н. Стасевич.*
Технический редактор *В. В. Федорова.*
Корректор *В. И. Огвызко.*

☼

Сдано в набор 2/XI 1959 г. Подписано к печати 19/XII 1959 г. АХ—01696. Формат 84×108 1/32. Объем 7,125 физ. п. л. + 2,5 физ. п. л. вклеек, 15,785 усл. п. л., 17,67 уч.-изд. л. Заказ 4836. Тираж 10 000.
Цена 11 р. 25 к.
Магаданское книжное издательство,
ул. Горького, 6.

☼

Магаданская областная типография
Управления культуры.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
123	5 сверху	честого	честного
140	8 снизу	олпяки	оляпки

4836